

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Исторический факультет
Кафедра антропологии и этнологии

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

д-р ист. наук, доцент

 Нам И. В.

« 4 » июня 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОРИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОК ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА)

по основной образовательной программе подготовки магистров
направление подготовки 46.04.03 – Антропология и этнология

Джаньзакова Сеиль Давлетовна

Руководитель ВКР

д-р ист. наук, доцент

 Нам И.В.

подпись

« 4 » июня 2018 г.

Автор работы

студент группы № 03211А

 Джаньзакова С.Д.

подпись

Томск-2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ	17
1.1 Миграционная ситуация в России	17
1.2 Мигранты в России: реальность и стереотипы	29
1.3.Конструирование образа трудового мигранта в томских СМИ.....	35
2. ЖЕНЩИНЫ-ТРУДОВЫЕ МИГРАНТКИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА	47
2.1. Гендерное измерение трудовой миграции	47
2.2. Биографии мигранток: загадки «поля».....	56
2.3. Стратегии поддержания транснациональных связей	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	78
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	80
ПРИЛОЖЕНИЯ	96

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время трансграничные миграции оказывают значительное влияние на трансформацию экономической, политической, социокультурной, демографической структуры мирового сообщества. Этому способствует сложившаяся современная глобальная система мироустройства, для которой характерна мобильность, относительная прозрачность, гибкость географических и социокультурных границ, что закономерно связано с возрастающей ролью свободы и возможности «движения» и «передвижения». Прогнозы на XXI в., сделанные как для всего мира, так и для его макрорегионов и отдельных стран, говорят о том, что в текущем столетии роль миграций будет только возрастать¹. Миграционные процессы, охватывая все стороны жизни и деятельности современного общества, «мобилизуют» каждого человека. Важность изучения миграций и ряда вопросов, тесно переплетающихся с ними, подтверждается статистикой Организации Объединённых Наций (ООН), согласно которой число международных мигрантов в 2015 г. составило 244 млн. человек (из них 20 млн. беженцев)². Возникает закономерное объяснение тому, что глобальное значение миграции как данность современного мира актуализирует миграционные дискурсы в обществе. На протяжении более 15 лет говорить и писать о миграции в мире в целом, в России в частности, стало делом обыденным, привычным. Миграционные процессы – это актуальная тема для дискуссий в среде научного сообщества, ведущий тренд в средствах массовой информации, неиссякаемая тема на арене политических дебатов³.

На протяжении всего постсоветского периода, и особенно в последнее десятилетие, Российская Федерация привлекает масштабные «потоки» трансграничной трудовой миграции, преимущественно из республик бывшего СССР. Трудовая миграция из государств Средней Азии по формам проявления и последствиям представляет собой сложный социально-демографический процесс, обусловленный многими экономическими и социокультурными явлениями, межэтническими и межгосударственными связями. В современные миграционные «потоки» активно включаются представители постсоветского поколения, которые не имеют опыта жизни в едином многонациональном государстве. Этот факт значительно влияет на дистанцию между принимающим сообществом и

¹Трансграничные миграции и принимающее сообщество. Екатеринбург, 2009. С. 5.

²В 2015 году число мигрантов составило 244 миллионов: [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.Vu3Igf0HO4> (дата обращения: 01.03.2018).

³Чудиновских О.С. Сколько в России международных мигрантов // Мигранты, мигрантофобия и миграционная политика. М., 2014. С. 33.

трудовыми мигрантами, воспринимающими друг друга в русле дихотомии «свои–чужие»¹, что становится зоной повышенного риска и проблемным полем миграции.

Среди проблем, связанных с международной мобильностью трудоспособного населения, отдельного внимания заслуживает женская трудовая миграция. Одновременно с этим гендер признается большинством теорий миграции нейтральным и универсальным, но фактически они исходят из неявных предпосылок, что мигрант – это мужчина и он действует рационально, при этом игнорируются сложность и многомерность данного явления. В течение многих десятилетий женщины в процессах внутренней и внешней миграции игнорировались, или же им отводилась роль лишь пассивных акторов, которые сопровождают своих мужей, а также выступают как брачные мигранты. Упрощается социальная, культурная картина и юридическая составляющая миграционной проблематики. Е.В. Тюрюканова – директор Центра миграционных исследований (2009-2012 гг.) отмечала, что современное российское законодательство и его структурные подразделения, в сферу деятельности которых входит «надзор» за миграционными «потокami», характеризуются «как что-то среднее между гендерно-нейтральной (декларирующей одинаковое воздействие принимаемых мер на мужчин и женщин) и гендерно-слепой (отрицающей существенные различия между полами как объектами миграционной политики)»². В нормативно-правовой базе миграции действительно не существует ни одного документа, специально посвященного мигрантам-женщинам либо мигрантам-мужчинам, нет точной статистики миграции по половозрастному критерию. Влияние принимаемых решений и законов на женщин и мужчин на систематическом уровне не анализируется.

Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан – страны центрально-азиатского региона – имеют множество схожих проблем и нерешенных вопросов в сфере миграции женщин, но при этом вся сложность и многогранность феминизации миграции для каждой из стран региона требуют отдельного и детального изучения³. Термин «феминизация миграции» используется для обозначения возрастающего количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не в качестве сопровождения своих мужей или других членов семьи⁴. Они становятся действующими лицами в процессе международной трудовой

¹Мокин К.С. Местные о мигрантах: надо пройти весь путь, чтобы стать «своим» // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М., 2014. С. 106.

²Тюрюканова Е.В. О необходимости совершенствования гендерной статистики миграции // Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. Алматы., 2012. С. 87.

³Donato K. et al. A Glass Half Full? Gender in Migration Studies // International Migration Review. 2006. Vol. 40. № 1. P. 4.

⁴Толстокорова А.В. Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 3. С. 66.

мобильности, не ограничиваясь статусом только зависимого члена семьи, все чаще выбирая роль автономных «акторов мобильности». Стоит отметить, по данным официальной статистики, самая высокая доля женщин среди трудовых мигрантов – это гражданки Кыргызстана, что подтверждает специфику миграционных траекторий представительниц этой Республики¹. Сегодня из поселков и городов Кыргызстана прибывают в Россию не только трудоспособные мужчины, но и женщины разного возраста, семейного положения и социального статуса. Миграция стала новым испытанием для традиционных институтов семьи и брака. Этот процесс оказывает огромное воздействие на брачно-семейные и сексуальные отношения, ломает многие традиции, обычаи, стереотипы, внося заметные коррективы в жизнь людей, что касается участия женщины «в миграции» – это некий слом традиционного уклада для отправляющих сообществ². Кроме того, трудовыми мигрантами могут стать многодетная семья, одинокая мама с маленьким ребенком, вдова, беременная женщина. В настоящее время медики сталкиваются с роженицами из числа мигрантов, часто не имеющими никаких медицинских документов, растет число детей мигрантов, у которых нет доступа к школьному образованию. В силу ряда причин увеличивается число матерей-одиночек, что приводит к еще большему риску и маргинализации женщин и детей, в том числе в принимающем сообществе. Очевидно, что рано или поздно социальная система страны должна отреагировать на изменения в обществе, связанные с миграцией³.

Проблема. Традиционно миграционные исследования основываются на макроанализе миграционной политики государства и законодательства, политических и социальных структур, участвующих в процессе миграции. За рамками исследований при этом остаются сами мигранты, их судьбы и жизненные истории. Мигрант как носитель первичной информации, излагая историю своей жизни, приоткрывает завесу своей повседневности для исследователя, дает возможность взглянуть на процесс миграции «изнутри»⁴. Становится возможным изучение выстраивания моделей поведения мигрантов в новой социальной среде на основе индивидуальных историй мигрантов, их соотнесение, сравнение. При этом, немаловажным становится выявление специфики трансформации значимых установок для мигранток, влияющих на их личность,

¹Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // Asia-Pacific population journal. 2017. Vol. 32, № 2. P. 93.

²Каландаров Т.С. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 83.

³Рочева А.Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратификационного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве// Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 371.

⁴Соснина И.В. Трудовая миграция в жизненных историях: контекст социальной интеграции. Саратов, 2012. С. 3.

биографию, жизненный мир. Пребывание в России для трудовой мигрантки представляет собой особое биографическое событие, в котором заложены изменения идентичности женщины, личностных целей и жизненных траекторий. Именно миграционный опыт кыргызстанок посредством изучения их жизненных историй позволит выявить их намерения, ожидания и настроения, с которыми они прибыли в Россию, как страну-реципиент и работают здесь в настоящее время.

Сегодня подъем глобальной экономики, требующий женского эмоционального, физического и сексуального труда, фокусирует внимание на женщине в процессе миграции и побуждает к спорам о феминизации¹. А между тем выбор биографического исследовательского интервью направлен на то, чтобы понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл переживания человека, увидеть мир, в котором он живет, прежде чем давать ему научное объяснение². В центре биографического исследования – изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее «встроенное» в социум, субъективного управления и приобретенного опыта³. Через биографии или жизненные истории возможно вернуть в поле зрения науки те зоны, которые были уведены на задний план или оставлены без внимания. Повествования опираются на некие жизненные события, опыт переживания которых и создал возможность осмысления человеком установившегося в конкретном обществе уклада жизни⁴.

В связи с этим, **объектом исследования** выступают жизненные истории трудовых мигранток из Кыргызстана, а **предметом** – миграционный опыт как значимое событие для женщин, повлиявший на их жизненный путь и личность.

Цель исследования состоит в выявлении и описании значимых сторон миграционного опыта женщин как особого биографического события. Для достижения исследовательской цели были поставлены следующие **задачи**:

1. выявить характеристики современной миграционной ситуации на территории Российской Федерации;
2. провести сравнительный анализ существующей современной трансграничной миграции и сконструированных стереотипов, бытующих среди «местного» сообщества относительно трудящихся мигрантов;

¹Абдуразакова Н.Г. Гендер и миграция (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. 2007 № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-migratsiya-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 08.03.2018).

²Нечаева Е.С. Биографический методы как способ изучения повседневности // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 2. С. 72.

³Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // ИНТЕР. 2002. Том. 1. № 1. С. 20.

⁴Емельянова И. «Рассказы о жизни: к проблеме нарративизации повседневности // Критика и семиотика. 2003. № 6. С. 112.

3. рассмотреть специфику и особенности гендерного измерения миграции;
4. определить черты транснациональной трудовой миграции из Кыргызстана на примере практик мигранток;
5. провести анализ жизненных историй женщин в соответствии со сценариями миграции.

Степень изученности темы. Миграционные исследования – один из актуальных мировых трендов современной науки. Во всем мире существуют научные институты, международные и неправительственные организации, исследовательские коллективы, занимающиеся изучением глобальной миграционной проблематики, которая является сферой интересов специалистов–экономистов, географов, политологов, историков, демографов, социологов и антропологов. Наряду с этим за последнее десятилетие миграции становятся объектом междисциплинарного «взгляда», что отражает, на наш взгляд, всю сложность и многогранность глобального феномена.

В отечественной литературе, посвященной миграции, интересны исследования коллектива экспертов в изучении российского кейса, представляющие междисциплинарный подход в анализе «переселенческих» процессов. В работе авторов (Е. Белозерова, Т. Гребенщикова, К. Григоричев, Э. Гунтыпова, Л. Емельянова, Т. Журавская, Н. Иванова, С. Лебедева, К. Мут, Н. Рыжова, Л. Шиффауер)¹ выявлены проблемы трансграничной миграции в России, охарактеризованы разные категории мигрантов, их интеграции на примере региональных кейсов. Междисциплинарный «взгляд» на миграционную тематику представлен также в коллективной монографии под редакцией С. Голунова², в которой охарактеризовано широкое понимание процесса миграции, состоящего из трех стадий: эмиграции из стран-доноров; пересечения границы и адаптации, где также обращено внимание на интеракции мигрантов и принимающего сообщества. В работе «Трансграничные миграции и принимающее сообщество: механизмы и практики взаимной адаптации»³ под редакцией В.И. Дятлова, проведен качественный анализ взаимной адаптации «новоселов» и «старожилов» через взаимоуважение культурных ценностей, толерантного восприятия, встраивания в социально-экономические реалии общества-реципиента, уделено особое внимание «посредникам» адаптации. Интеракциям «гостей» и «местных» посвящены работы О.В. Карпенко, Д.В.

¹Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики. Иркутск, 2009.

²Региональное измерение трансграничной миграции в России. М, 2008.

³Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009.

Полетаева, Е.А. Варшавера, А.Н. Рочевой и др.¹ В монографии А.В. Дмитриева² миграция рассматривается с позиции конфликтологии, как причина противоречий между переселенцами и постоянными жителями принимающих стран. Вопросы интеграции, адаптации и идентичности мигрантов в дискурсе отношений между «мигрантским» сообществом и социумом-реципиентом, ставшие трендом в миграционных исследованиях, рассматриваются В.С. Малаховым, О.Д. Выхованец, К.С. Мокиным, М.А. Южаниным, Т.Ю. Юдиной и др.³ Кроме того, значимым в изучении миграционных процессов в России является вклад таких специалистов, как Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская, И.Н. Молодикова, В.И. Мукомель и др.⁴ В работах этих авторов уделяется внимание теоретико-методологическому осмыслению макроуровня миграции и трансформациям «мобильности».

Изучению томского кейса, как исторической и социокультурной специфики, и формирующихся на ее основе условий адаптации мигрантов, демографическая сторона вопроса и миграционная политика представлены С.В. Дементьевой⁵. Связям трудовой миграции и рынка труда, межэтнических отношений и роли диаспоральных сообществ в Томской области посвящены труды И.В. Нам⁶. Значимым является вклад И.В. Нам также

¹Карпенко О.В. «Ты гость, тебе не должно сметь свое суждение иметь» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М., 2013; Карпенко О.В. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство. СПб., 2004; Полетаев Д.В. Изменения практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: транграничные миграции и диаспоры. СПб., 2016; Варшавер Е.А, Рочева А.Л. Сообщества мигрантов в Москве как среда интеграции: результаты этнографического исследования // Мигранты, мигрантофобия, миграционная политика. М., 2014; Варшавер Е.А, Рочева А.Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. 2015. № 3 (109), Т. 14, Ч. 1.

²Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2006.

³Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., 2015; Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М., 2014; Мокин К.С. Местные о мигрантах: надо пройти весь путь, чтобы стать «своим» // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М., 2014; Он же. Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. 2007. № 2; Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5; Юдина Т.Н. Мотивационные установки трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья на социальную и культурную адаптацию и интеграцию в Москве // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14, № 3 (109), ч. 1. и др.

⁴Методология и методика изучения миграционных процессов. М., 2007; Трансформация миграционных процессов в постсоветском пространстве. М., 2008; Миграция и демографический кризис в России. М., 2010 и др.

⁵Дементьева С.В. Особенности адаптации мигрантов из зарубежных стран в городах России (по данным социологических исследований) // Известия Томского политехнического университета. Социально-экономические и гуманитарные науки. 2005. Т. 308, № 5.

⁶Нам И.В. Участие гражданского общества в адаптации мигрантов в Томской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. М., 2014; Она же. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск, 2013; Она же. Новые этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37); Нам И.В., Кашпур В.В., Поправко И.Г. Трудовые

в изучении роли томских СМИ в конструировании «образа» мигранта¹. Настроения принимающего сообщества по отношению к трудовым мигрантам влияют на адаптационные стратегии, инструменты и способы сохранения этнокультурной идентичности, что рассмотрено В.В. Кашпуром и И.Г. Поправко².

Интернационализация высшего образования в Томске актуализирует изучение особой группы мигрантов – образовательных (учебных). В трудах Д.С. Дрожжиной, С.В. Дементьевой, Н.И. Гузаровой, Е.Ю. Кошелевой, Н.П. Погодаева, Р.В. Эмбрехта и др.³ анализируются вопросы языковой и социокультурной адаптации молодежи из стран дальнего зарубежья и СНГ. Социальные сети, как особый инструмент изучения миграции иностранной молодежи в Томске рассмотрены Е.И. Самофаловой⁴.

Наряду с миграцией иностранцев с целью получения образования, возрастает и усложняется трудовая мобильность. В настоящее время для трудовой миграции характерно увеличение числа женщин, а это в свою очередь, актуализирует интерес к изучению феминизации. Гендерное измерение международной мобильности, причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции рассмотрены в работах М. Kamp, Н. Lutz, К. Donato, P.R. Pessar, S.J. Mahler и др.⁵ В труде V. N. Thadani, M. Todaro⁶ исследовательский вопрос посвящен концептуальным рамкам женской миграции

мигранты в Томской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М., 2012; Нам И.В., Поправко И.Г. Трудовая миграция, рынок труда, межэтнические отношения в Томской области // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М., 2014.

¹Нам И.В., Карагеоргий Е.В., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1; Ковалышкіна Е., Матулис Ю., Нам И. Национализм, ксенофобия и нетерпимость на страницах СМИ // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. № 44.

²Кашпур В.В., Поправко И.Г. Трудовые мигранты в Томской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М., 2012.

³Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссии о методологии // Эмпирические исследования. Universitas. № 3, Том 1; Дементьева С.В. Вузы России как механизм адаптации мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6 (313); Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой, и социокультурной адаптации: колл. монография. Томск, 2011; Эмбрехт Р.В. Роль образовательной миграции в демографических процессах в Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348; Погодаев Н.П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве города // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1(29).

⁴Самофалова Е.И. Роль социальных сетей в образовательной миграции (на примере Китая) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36); Она же. Социальные сети как инструмент изучения структуры высшего образования и образовательной миграции: социологический анализ феномена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25).

⁵Lutz Н. «Good Motherhood» a dilemma of migrant women from Eastern Europe // An Anthology of Migration and Social Transformation. 2016; Kamp М. Women's Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // Central Eurasian studies review. 2009. Vol. 8, № 1; Donato К. et al. A Glass Half Full? Gender in Migration Studies // International Migration Review. 2006. Vol. 40. № 1; P.R. Pessar S. J. Mahler Transnational Migration: Bringing Gender In // International Migration Review. 2003. Vol. 37, № 3.

⁶Thadani V. N., Todaro M. P. Female migration: a conceptual framework // Women in the cities of Asia: migration and urban adaptation. Boulder, 1989.

в ракурсе феминизации миграционных «потоков». Современный российский кейс международной женской миграции представлены Е.В. Тюрюкановой, И.Д. Горшковой, Д.В. Полетаевым, А.Л. Рочевой и Е.А. Варшавером, Т.Р. Куприной, Н.Г. Абдуразаковой и др.¹ В работах этих авторов акцентируется внимание на миграционной политике, игнорирующей особенности женского труда, мотивов, последствий и рисков феминизации миграции на постсоветском пространстве. Анализу миграционных «потоков» из Центральной Азии, в том числе женской миграция и судьбы трудовых мигранток посвящены работы Х.О. Хушкадамовой², где автор обращает свой интерес на интеграцию таджичек в Москве. С.К. Олимова³ исследует роль и статус женщины в «мигрантских семьях». Работы С.Р. Касымовой и Т.С. Каландарова⁴ вносят весомый вклад в анализ подходов относительно «вынужденности» или свободного выбора миграционной стратегии, роли семьи, браков и разводов для мигрантов. Н.А. Зотова⁵ на протяжении долгого времени проводит полевые исследования в Таджикистане, в контексте же феминизации трудовой миграции интересна ее работа, посвященная старшему поколению женщин-мигранток.

Трудовая миграция из Кыргызстана, ее причины и последствия, присутствие мигрантов-кыргызстанцев в российских городах, положение женщин и детей, участвующих в миграции, трансформация социокультурных и экономических основ отправляющего сообщества отражены в работах S. Thieme, P. Амираева, Ш. Аюповой, А. Элебаевой, M. Shuler и др.⁶ А.Л. Рочева и Е.А. Варшавер выявляют гендерное восприятие

¹Тюрюканова Е.В. Женская трудовая миграция // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М., 2002; Она же. Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. ООН Женщины. М, 2012; Она же. Женщины–мигранты из СНГ в Россию. М., 2011. Полетаев Д.В Женщины мигранты из зарубежных стран в России // Вестник Евразии. 2005. № 1;., Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // Asia-Pacific population journal. 2017. Vol. 32, № 2; Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий. М., 2014; Куприна Т.В. Международные миграционные потоки: гендерные различия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 8 (40); Абдуразакова Н.Г. Указ соч.

²Хушкадамова Х.О. Женское лицо миграции // Социс. 2010. № 5.

³Олимова С.К. Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры. 2012. № 2

⁴Касымова С.Р. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин // Этнографическое обозрение. 2012. № 4; Каландаров Т.С. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. 2012. № 4.

⁵Зотова Н.А. Женщины трудовые мигрантки из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии. 2007; № 2.

⁶Thieme S. Living in transition: how Kyrgyz women juggle their different roles in a multi-local setting // Gender, Technology and Development. 2012. № 12 (3); Амираев Р.У. Гендерные аспекты в процессе трудовой миграции в Кыргызстане // Наука и новые технологии. 2010. № 2; Аюпова Ш. Узбекская трудовая миграция из Южной Киргизии в Россию и ее влияние на гендерные отношения // Диаспоры. 2012. № 2; Элебаева А. Миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М, 2009; Schuler M. Les migrations de population en Kirghizstan // Espace. Populations. Sociétés. Les populations d'Asie centrale. 2007. № 1; Карымшаков К., Сулайманова Б. Экономическая ситуация в Российской Федерации и ее влияние на процессы миграции в Кыргызской Республике / Отчет Национального института стратегических исследований. Бишкек, 2015.

трудоу миграции и Центральной Азии, опираясь, в том числе на исследования кыргызстанского кейса¹. Э. Насритдиновым, А. Исмаилбековой² исследованы вопросы миграционных последствий и влияния миграции на роль женщины в патриархальном укладе семьи. Трудовая миграция из Кыргызстана, маскулинность и трансформации социального пространства – сфера интересов британского антрополога, сотрудника Центра исследований социальных и культурных процессов Манчестерского университета М. Reeves³, исследовательские подходы которой внесли значимый вклад в написание магистерской диссертации.

Одновременно с этим, женская трудовая миграция из Кыргызстана, значительно превышающая в процентном соотношении другие соседние республики региона, не изучена в должной мере. Научным сообществом игнорируется значительное влияние гендерного измерения миграции на семейный уклад, взаимоотношение поколений и влияние миграционного опыта на жизненный путь женщины. Прежде всего, закономерен вопрос, что представляет собой миграция в Россию для женщины – освобождение от социокультурного уклада общества-донора либо это вынужденная жизненная необходимость и возможны ли другие варианты. Изучение феминизации трудовой миграции и специфики участия в ней «слабого» пола требует, на наш взгляд, проведения этнографического исследования с использованием биографического метода. Биографические интервью помогут осмыслить сложность и особое значение женской миграции для страны-донора и реципиента. Мы обращаем внимание на микроуровень трудовой миграции – на повседневность и на место человека в ней.

География исследования. Город Томск – «региональная столица» в составе Сибирского Федерального округа, географически близко расположенная к странам-донорам международной миграции – Казахстану и республикам Центральной Азии, поставляющих мигрантов в регион. Кроме того, Томск, как крупный образовательный центр, принимает ежегодно иностранную молодежь, приезжающую для получения высшего и среднего специального образования⁴.

¹Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration...

²Насритдинов Э. Миграция в Кыргызстане: взвешивая за и против // Academia. edu [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/4371896/Миграция_в_Кыргызстане_взвешивая_за_и_против (дата обращения: 04.04.2018); Ismailbekova A. Migration and patrilineal descent: the role of women in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2014. Vol. 33, № 3.

³Ривз М. Миграция, маскулинность и трансформации социального пространства в долине Соха, Узбекистан // Этнографическое обозрение. 2012. № 4; Она же. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66).

⁴Нам И.В. Новые этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 34.

В теоретико-методологической базе исследования значимое место занимают труды зарубежных специалистов, таких как N. Glick Shiller и коллектива антропологов¹, исследующих гаитянскую и филиппинскую миграцию в Нью-Йорке. Согласно концепции транснациональной миграции, которая была систематизирована и подкреплена полевыми материалами N. Glick Shiller, миграция рассматривается как «детерриториализированный» социальный процесс, мигранты включаются более чем в одно сообщество и образуют новые социальные сети, пересекающие географические, культурные и политические границы национальных государств, продолжая функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества. Миграция с точки зрения данной методологической концепции предстает как проект расширения пространства деятельности ее акторов. В работах австрийского антрополога А. Caglar² также представлен анализ локальностей мигрантов в «большом городе», который под влиянием миграции претерпевает значительные изменения.

Наряду с этим R. Baobok, T. Faist, S. Vertovec и др.³ обращают внимание на разные аспекты транснациональных сетей, прежде всего, уделяя внимание связям идентичности и «диаспоральности» мигрантских групп, феномену «размывания» границ. P. Levitt⁴ же предлагает рассматривать денежные переводы в более широком контексте социальных трансфертов мигрантов, которые включают идеи, поведение, идентичность и социальный капитал и играют роль в формировании транснациональной коллективности.

Важную роль в исследовании сыграли подходы, представленные в работах российского антрополога С.Н. Абашина⁵, направленные на осмысление миграционной проблематики на микроуровне через транснациональную парадигму. Данная теоретическая концепция предлагает к рассмотрению «новый» тип мигранта, который несет в себе жизненные ориентиры, ценности, правила поведения общества

¹Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // *Annals New York*, 1992; Glick Schiller N. «Transnationality» // *A Companion to the Anthropology of Politics*, 2005.

²Glick Shiller N., Caglar A. Migrant incorporation and city scale: towards a theory of locality in migration studies // *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations*. 2008. № 2/07; Caglar A. Still 'migrants' after all those years: foundational mobilities, temporal frames and emplacement of migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. № 42 (6).

³Baobok R., Faist T. *Diaspora and transnationalism: concepts, theories, method*. Amsterdam, 2010; Faist T. Transnationalization in internal migration: implications for the study of citizenship and culture // *Ethnic and racial studies*. 2000. № 23 (2); Amelina A., Faist T. De-naturalizing the national in research methodologies: key concepts of transnational studies in migration // *Ethnic and Racial Studies*. 2012. Vol. 35. № 10; Vertovec S. Transnationalism and identity // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. № 4.

⁴Levitt P. Transnational migration: taking stock and future directions // *Global Network*. 2001. № 1,3.

⁵Абашин Н.С. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение (специальная тема номера: этнография миграций)*. 2012. № 4; Он же. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3; Он же. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // *Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры*. СПб, 2016 и др.

принимающего и общества отправляющего, не ассимилируясь в социум-реципиент и не теряя связи с обществом-донором. Транснационализму, как явлению в ракурсе трудовой миграции и идентичности трудовых мигрантов посвящены работы А.В. Толстокоровой, рассматривающей материнство и поддержание связей украинских мигранток в странах ЕС с детьми, оставленными в стране-доноре. Ю. Кочеткова, М. Кайзер и О. Бредникова и др.¹ анализируют концептуальную составляющую транснациональной парадигмы.

Особо значимыми для нашего исследования являются научные подходы, представленные в работах В.М. Пешковой и О.Е. Бредниковой, которые применяют биографическую, идентификационную и транснациональную перспективы при исследовании миграционного опыта, «возвращения» и жизненных планов мигрантов из Средней Азии². В такой перспективе миграция рассматривается в контексте всей жизни человека, которая связана с прошлым и предполагаемым будущим как процесс, смысл которого соотносится с определенным жизненным этапом и меняется с течением времени³. Исследование биографий мигрантов позволяет прояснить широкий спектр актуальных вопросов: как работают социальные сети, каким образом складывается судьба людей в ситуации перемещения, как они связаны с отправляющим сообществом, как встраиваются в жизнь общества-реципиента, как меняется их идентичность. Биографии женщин далее представлены в виде сценариев миграционных стратегий. Сценарный подход является эвристическим инструментом описания и анализа жизненных траекторий, «под сценарием понимается определенная схема последовательных шагов – некая идеальная модель, диктующая жизненные стратегии и повседневные практики мигрантов»⁴.

Методологическая составляющая магистерской диссертации опирается на качественные методы исследования. В центре внимания биографического метода – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и

¹Толстокорова А.В. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Социология миграции. 2014. № 3 и др.; Кочеткова Ю.Л. Транснациональная миграция: понятия, условия развития и последствия // Географический вестник. 2012. № 2 (25); Бредникова О., Кайзер М. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб., 2004.

²Пешкова В.М. Жизненные планы трудовых мигрантов Средней Азии в Россию: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3; Она же. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2016. № 1 (131).

³Пешкова В.М. Жизненные планы трудовых мигрантов Средней Азии... С. 51.

⁴Бредникова О.Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 37.

эмоциональных реакций на события, которые лежат в основе феноменологии А. Шюца¹. В отечественной науке систематизация биографического метода для изучения жизненного опыта и интерпретации данных интервью разработаны Е.Ю. Рождественской (Мещеркиной), В.В. Семеновой, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, А.Л. Козловой и др.,² в работах, которых представлена концепция индивидуализации как методологической основы анализа биографии и гендерная специфика изучения «историй жизни». Важны также работы зарубежных специалистов в области биографических исследований: С.В. Brettell, К.Е. Altstatt, К. Donato, J. Scott и др.³

Эмпирическая база и методы исследования. Биографический метод и метод включенного (участвующего) наблюдения – основные инструменты в арсенале антрополога, позволяющие сфокусироваться на уникальных аспектах истории жизни, повседневных практиках трудовых мигранток и на субъективном личностном подходе к описанию миграционного опыта респонденток. Важно отметить тот факт, что при использовании метода «истории жизни» информант, с одной стороны, является источником информации о своей жизни, с другой, может быть повседневным экспертом, сведущим в вопросах повседневных практик и даже жизненного мира окружающих его людей. Вместе с этим лейтмотивное интервью позволяет акцентировать внимание информанта к теме миграционного опыта их жизни и придерживаться ее впоследствии.

Эмпирическая база исследования состоит из двух этапов, первый из которых заключался в сборе интервью с трудовыми мигрантами в рамках «Исследования индивидуальных и групповых стратегий адаптации трудовых мигрантов», которое было проведено в декабре 2016 г. По результатам этого этапа автором было собрано пять биографических интервью с мигрантками из Кыргызстана. Полученные данные соответствуют цели и задачам исследования жизненных историй и были использованы в работе в качестве эмпирического материала. Следующий шаг – это применение метода включенного (участвующего) наблюдения с октября 2017 г. по май 2018 г. Наблюдение

¹Шюц А. Структура повседневного мышления [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 1988. № 2. URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

²Биографический метод в социологии / Е.Ю. Рождественская. М., 2012; Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Введение в гендерные исследования. СПб., 2001; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007; Козлова Л.А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания. // Социологический журнал. 2007. № 2. и др.

³Brettell С.В., Altstatt К.Е. The Agency of Immigrant Entrepreneurs: Biographies of the Self-Employed in Ethnic and Occupational Niches of the Urban Labor Market // Journal of Anthropological Research. 2007. 63(3); Donato К. et al. A Glass Half Full? Gender in Migration Studies // International Migration Review. 2006. Vol. 40. № 1; Scott J. Quantitative methods and gender inequalities // International Journal of Social Research Methodology. 2010. Vol. 13. № 3.

осуществлялось на базе центра миграционных услуг «Салам», где автор работает специалистом-консультантом. В этом случае, источником служит дневник наблюдения, в котором запечатлены формальные и неформальные практики контакта автора работы с трудовыми мигрантками из Кыргызстана. За время работы в центре миграционных услуг было собрано семь лейтмотивных интервью в марте–апреле 2018 г. Поиск и выбор респондентов (N=12) осуществлялся по методу «снежного кома».

Взаимодействие между населением принимающей стороны и мигрантами во многом зависит от формируемых ими в отношении друг друга социальных представлений, характер которых задается в первую очередь настроениями принимающей стороны. Одним из важных инструментов конструирования социальных образов является пресса – индикатор и средство формирования общественного мнения. Сегодня СМИ являются мощным рычагом воздействия на восприятие трудовых мигрантов читательской аудиторией. В связи с этим, нельзя оставить без внимания репрезентацию и конструирование «образа мигранта» в онлайн и печатных изданиях г. Томска. Для этого был осуществлен контент-анализ сообщений в томских СМИ за период с января 2015 по 30 июня 2016 гг., всего проанализировано 180 публикаций¹. В дополнении к результатам анализа информационных сообщений был проведен контент-анализ комментариев к новостям, посвященным миграции и мигрантам на одной из самых читаемых региональных онлайн-платформ «Новости в Томске». Комментарии, на наш взгляд, это одни из актуальных единиц анализа интеракционных и репрезентационных установок принимающего сообщества относительно трудовых мигрантов, нередко основанных на стереотипах далеких от реальности. Результаты контент-анализа высказываний читателей представлены в статье автора «Трудовая миграция глазами читателей городского портала «Новости в Томске» (по результатам контент-анализа комментариев к новостным сообщениям)»².

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о предпочтительности качественной методологии для решения поставленных в магистерской диссертации задач. Это незаменимый способ сбора, обработки и анализа информации, который направлен на изучение реального опыта жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Общий фокус качественного исследования концентрирует внимание на частном, особенном в описании целостной картины социальных практик, являясь «тонким

¹Нам И.В., Карагеоргий Е.В., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1.

²Джаньзакова С.Д. Трудовая миграция глазами читателей городского портала «Новости в Томске (по результатам контент-анализа комментариев к новостным сообщениям) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы. Красноярск, 2017.

инструментом глубинного изучения жизни»¹. Напротив, применение количественного подхода при анализе женской миграции и осмыслении ее специфики является риском, поскольку «ведет к “подмене гендера дихотомической переменной пола” и к “потере понимания его социальной конструируемости”»².

Применение современных теоретических подходов в области миграционных исследований и качественной методологии, использование широкого круга источников и научной литературы, проведение эмпирических исследований позволило достичь цели и решить задачи, поставленные в магистерской диссертации. Представленное исследование проводилось в рамках участия в мега-проекте «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.009, 2013-2017 гг.). Результаты исследования нашли отражение в ряде публикаций³, в выступлениях на международных и всероссийских научных конференциях: «Антропология в поисках нового языка описания» (Первый Томский антропологический форум) (Томск, 2016), «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI вв. (Красноярск, 2017), «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения» (Томск, 2017), XII Конгресс антропологов и этнологов России (Ижевск, 2017), IV Конгресс антропологов и этнологов Кыргызстана (Бишкек, 2017).

¹Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.,1998. С. 6.

²Рочева А.Л. Миграция как эмансипация? Гендерное измерение миграции // Теория и практика общественного развития. Социальные науки. 2012. № 8. С. 105.

³Ерофеева Д. Р., Джанызакова С.Д., Лукьянова Е.О., Садырин А.А., Сметанин Ф.А. Стратегии адаптации мигрантов (по материалам полуформализованных интервью с трудовыми этническими мигрантами г. Томска) // Международная научная конференция «Антропология в поисках нового языка описания». Томск, 2016; Нам И.В., Джанызакова С.Д. Образы, практики, стратегии адаптации мигрантов в сибирском городе (по результатам исследований 2016 г.) // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М., 2017. Джанызакова С.Д. «Жить или проживать»: индивидуальные миграционные стратегии женщин-мигранток в Томске // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения: сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2017. Вып. 13: В 2 т. Т. 2; Джанызакова С.Д. Трудовая миграция глазами читателей городского портала...

1. ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ

1.1 Миграционная ситуация в России

В настоящее время трансграничные миграции оказывают значительное влияние на трансформацию экономической, политической, социокультурной, этнодемографической структуры мирового сообщества. На сегодняшний день глобальная система мироустройства характеризуется мобильностью и гибкостью, что закономерно связано с возрастающей ролью свободы и возможности «движения» и «передвижения». Миграции в данном ключе укладываются в видение американского антрополога индийского происхождения А. Аппадурай. Для описания потоков в современном мире он выдвигает пять измерений: *ethnoscapes*, *mediascapes*, *technoscapes*, *financescapes*, *ideoscapes*¹. Прежде всего, особое внимание в дискурсе миграций стоит обратить на *ethnoscapes* (*scape* – от англ. пейзаж, ландшафт), представляющее собой культурное измерение глобализационных процессов. *Ethnoscapes* – это постоянно трансформирующиеся публичные сферы, создаваемые мигрирующими группами людей. Под этим понятием А. Аппадурай видит людей, которые составляют миры, не привязанные к определенной территории, в которых мы живем: туристов, иммигрантов, беженцев, изгнанников, «гастарбайтеров» и других перемещающихся групп и индивидов, задающих основной тон настоящего дня². Действительно, миграционные «потоки» заявляют о себе на всех континентах, во всех регионах и государствах. По всему миру этнические и религиозные группы, социальные и культурные меньшинства, «специалисты» эпохи глобализации и транснационализма, перемещаясь, меняют окружающий мир и самих себя.

Прогнозы на XXI век, сделанные как для всего мира, так и для его макрорегионов и отдельных стран, говорят о том, что в текущем столетии роль миграций будет только возрастать³. Миграционные процессы охватывают все стороны жизни и деятельности современного общества и «мобилизуют» каждого человека. Важность изучения миграций и ряда вопросов, тесно переплетающихся с ними, подтверждается статистикой Организации Объединённых Наций (ООН), согласно которой число международных мигрантов в 2015 г. составило 244 млн. человек (из них 20 млн. беженцев). В сравнении с

¹Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, University of Minnesota, 1996. 248 p. Цит. Макарова О.И. А. Аппадурай: культурные последствия глобализации // *Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки*. 2011. № 2 (3). С. 61.

²Макарова О.И. Указ соч. С. 60.

³Трансграничные миграции и принимающее сообщество. Екатеринбург., 2009. С. 5.

2000 г., когда их насчитывалось 170 млн. человек, виден значительный рост миграции в масштабе всего мира¹.

На протяжении более 15 лет говорить и писать о миграции стало делом обыденным, привычным. Причина в том, что интенсивно обсуждаемое и оцениваемое явление представляется важнейшим феноменом мирового развития. Миграционные процессы – это актуальная тема для дискуссий в среде научного сообщества, ведущий тренд в средствах массовой информации, и неиссякаемая тема на арене политических дебатов². Не случайно в этой связи выборы городского главы в Москве в 2013 г. резко обострили политические и публичные споры о миграции и мигрантах в нашей стране³.

Прежде чем говорить о миграции и мигрантах в России, стоит обратить внимание на сложившийся «расклад» в научных исследованиях зарубежных и отечественных специалистов разных сфер, в том числе экономики, демографии, социологии, антропологии и юриспруденции, где существует более двадцати определений миграции. Взгляд каждой науки направлен на черты и признаки миграционного процесса, которые актуальны и могут быть представлены предметом исследовательских интересов специалистов в той или иной области. Определения миграции, охарактеризованные через призму приведенных выше научных дисциплин, могут быть систематизированы и представлены в рамках четырех подходов.

Во-первых, согласно наиболее широкой трактовке, к миграциям относятся все виды движения населения, имеющие общественную значимость. Сюда включают не только пространственные перемещения, но и движение, текучесть кадров внутри предприятия, социальное перемещение. Во-вторых, под миграцией понимается все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей. Здесь представлены переезды из одних населенных пунктов в другие, ежедневные поездки на учебу или работу, прибытие в тот или иной район на временные, в том числе поездки, командировки, отпуск и другие перемещения. В-третьих, в миграции включают такие перемещения, совершающиеся между населенными пунктами, которые ведут к постоянной и временной смене места жительства, а также представляют собой регулярное двустороннее движение между местами жительства и местами работы и учебы. В-четвертых, к миграции относят такой процесс пространственного движения населения, который, в конечном счете, ведет к его территориальному перераспределению.

¹В 2015 году число мигрантов составило 244 миллионов: [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.Vy3Igf0HO4> (дата обращения: 01.03.2018).

²Чудиновских О.С. Сколько в России международных мигрантов // Мигранты, мигрантофобия и миграционная политика. М. 2014. С. 33.

³Абашин С.Н. «Горячее лето» 2013: выборы и миграция // Мигранты, мигрантофобия и миграционная политика. М, 2014. С. 20.

В результате переселения происходит соединение места жительства с местом приложения труда, учебы или иной деятельности в одном населенном пункте¹.

Приведенные подходы демонстрируют основные компоненты миграции – это передвижения человека под воздействием «выталкивающих» и «притягивающих» факторов (push-pull factors), в контексте времени и места, представляющие внешнюю (за пределы страны) и внутреннюю (в пределах границ одного государства), сезонную, маятниковую, долгосрочную и безвозвратную (с последующим получением гражданства страны-реципиента). Таким образом, международная миграция населения – территориальные (пространственные) передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленные различными факторами (семейными, национальными, политическими и другими), или с пребыванием в стране въезда, имеющим долгосрочный (более 1 года) характер. Главными отличительными признаками международной миграции населения по сравнению с внутренней миграцией является государственная граница, ее пересечение и государственный контроль, как за фактом самого передвижения через границу (в стране выезда, и особенно в стране въезда), так и за последующим пребыванием в стране-реципиенте².

Современная Россия аккумулирует масштабные миграционные потоки и в общемировом дискурсе она занимает особое положение: одновременно являясь страной-донором для государств Западной Европы, США и принимающей для стран СНГ и Азии. В 2013 г. Российская Федерация по числу международных мигрантов на своей территории заняла второе место, уступив пальму первенства мировому лидеру-реципиенту – Соединенным Штатам Америки. На долю США приходится 18,7% от общего количества трансграничных мигрантов, что составило 45,8 млн. человек, а в нашу страну приезжают 11 миллионов. Третье место занимала Германия, куда устремилось 9,8 млн. иммигрантов³. А по данным ООН в 2015 г. ситуация изменилась, теперь Россия оказалась на третьем месте, уступив США и Германии по числу участников трансграничной миграции⁴, данные изменения связаны с масштабным потоком беженцев в Европу.

¹Миграция населения. Вып.1: Теория и практика исследования. Приложение к журналу «Миграции в России». М., 2001. С. 5–6.

²Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999. С. 29.

³По последним данным глобальной миграции ООН в мире насчитывается 232 миллиона международных мигрантов, проживающих за пределами своих стран: [Электронный ресурс] // Пресс-релиз ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

⁴В 2015 году число мигрантов составило 244 миллионов: [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.Vy3IgfnoHO4> (дата обращения: 01.03.2018).

На протяжении всего постсоветского периода республики Центральной Азии (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) закрепили за собой позиции лидеров – доноров иммиграции в Россию¹. Исторические узы прошлого, связывающие бывшие советские республики активизировали в начале 1990-х гг. «возвратную» миграцию русского населения на родину («возвращение соотечественников»). По сей день, Российская Федерация привлекает трудоспособное население республик для занятости (трудовая миграция) и талантливую молодежь, нацеленную на получение более качественного образования, нежели чем в странах-донорах (учебная миграция).

В настоящее время в данном регионе, включающем республики – посылающие мигрантов и страну-реципиент, ведется сотрудничество в рамках ЕАЭС – международной организации экономической интеграции. Кыргызская Республика, как одна из участниц Евразийского Экономического Союза и донор трудовой миграции, в сфере трансграничных миграционных вопросов осуществляет свою деятельность в соответствии с межстрановыми договорами, соглашениями, а также в рамках существующих региональных и мировых организаций, членом которых она является². Сегодня ЕАЭС обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы³, также этому способствует ряд межгосударственных соглашений в различных сферах, в том числе миграции⁴, что представляет базу регулирования иммиграционной «потоков» в Российскую Федерацию.

¹Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М., 2014. С. 6.

²Kyrgyzstan: [Электронный ресурс] // Официальный сайт International organization for migration. URL: <https://www.iom.int/countries/kyrgyzstan> (дата обращения: 02.03.2018); Система ООН в Кыргызской Республике: [Электронный ресурс] URL: <http://kg.one.un.org/content/unct/kyrgyzstan/ru/home.html> (дата обращения: 02.03.2018) и др.

³Евразийский экономический союз: [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-info> (дата обращения: 01.03.2018).

⁴Россия и Узбекистан подписали пакет документов по расширению сотрудничества: [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20171102/1508072599.html> (дата обращения 25.02.2018); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами о Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации: [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-127/45726 (дата обращения 25.02.2018); Соглашение между Кыргызстаном и Россией о порядке пребывания граждан одного государства на территории другого государства: [Электронный ресурс] // Пресс-служба Посольства Кыргызской Республики в Российской Федерации. URL: <http://kyrgyzembassy.ru/?p=13333#.WqKty2rFK1s> (дата обращения: 01.03.2018); Договор между Российской Федерацией и Киргизской Республики о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Киргизской Республики, и граждан Киргизской Республики, постоянно проживающих на территории Российской Федерации: [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kg/-/asset_publisher/sEkQTukf0R39/content/id/585318 (дата обращения: 01.02.2018) и др.

Российская нормативно-правовая основа миграции представлена в актах федерального и регионального уровня, составляя в совокупности более десятка федеральных законов, около ста Указов Президента, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, министерств и государственных ведомств, а также более десятка межстрановых соглашений. Некоторые из них играют весомую роль для понимания сложившейся миграционной ситуации в регионе и в политике России в данном вопросе. Прежде всего, «миграционные» статьи Конституции РФ, федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г.¹, «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г.², «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г.³, «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» от 18 июля 2006 г.⁴, Концепция государственной миграционной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.⁵ Эти нормативные акты в значительной степени обеспечили законодательную реализацию целого ряда задач в регулировании миграционных отношений. В частности, необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., провозгласила основные принципы государственно-правового развития страны: демократическое федеративное правовое государство, в котором высшей ценностью являются права и свободы человека, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Важным шагом в развитии современной системы государственного регулирования миграции в Российской Федерации являются разработка и одобрение Правительством Российской Федерации Концепции на период до 2025 г. В настоящее время Концепция считается едва ли не единственным комплексным правовым документом, в соответствии с которым должна выстраиваться вся система миграционных отношений. Но систематизация законодательно-правовой базы в области миграции не

¹Федеральный закон от 31.05.2002 N 62ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2014. Электрон. дан. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

²Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.правовое обеспечение. Электрон. дан. М., 2015. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

³Федеральный Закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.правовое обеспечение. Электрон. дан. М., 2015. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

⁴Федеральный закон от 18.07.2006 N 109ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2015. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

⁵Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. Электрон. дан. [Б. м.], 2012. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya_migr.html (дата обращения: 01.03.2018).

сформирована в полной мере, которая представляет основное проблемное поле не только в вопросах регулирования, но и учета иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Реализация нормативно-правовой основы за счет масштаба, региональной специфики и интенсивности участия России в трансграничных миграциях в качестве страны притяжения мигрантов осуществляется на базе деятельности структурных органов, в сферу которых входит международная миграция, ее регулирование, фиксирование и привлечение иностранных граждан либо введение норм для снижения миграционных «притоков» в страну. В настоящее время таким подразделением в России является Главное управление по вопросам миграции Министерства Внутренних дел РФ¹. Ранее его функции и полномочия были включены в деятельность Федеральной миграционной службы (ФМС), которая была создана в 1992 г. Указом Президента России после распада Советского Союза. На начальном этапе становления миграционной службы необходимо было решать проблемы соотечественников в странах бывшего СССР, которые оказались в сложной ситуации, и их размещение на территории России. Новая государственная структура должна была оперативно включиться и разработать пути решения проблем, которые возникли в связи с распадом огромной, полиэтничной страны как Союз Советских Социалистических Республик. Вплоть до 1992 г. сокращалось количество населения России в результате миграционного обмена со странами бывшего Союза. Но в 1993 г. ситуация кардинально меняется, резко сокращается количество выехавших граждан из страны и увеличивается число прибывших на территорию Российской Федерации. В 1992 г. прирост составил 356 тыс. человек, в 1994 г. – уже более 900 тыс. человек². Именно в эти годы наблюдался острый период экономического спада, который сопровождался ростом безработицы, обострением демографической ситуации: рождаемость быстро сокращалась, а смертность росла. Высокий миграционный прирост позволил в тот момент смягчить удар резкой депопуляции. Перед ФМС были поставлены новые задачи, согласно которым необходимо было регулирование внешней трудовой миграции и создание механизма иммиграционного контроля. Под этим подразумевалась защита национального рынка труда – интересов своих работников, претендующих на свободные рабочие места и организация работы иностранцев, которые прибыли в Россию с целью получения заработка и налаживания своего экономического

¹Приказ об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции МВД РФ: [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: URL :<https://media.mvd.ru/files/embed/795036> (дата обращения: 01.03.2018).

²Денисенко М.Б., Чудиновский О.С. Миграция между странами СНГ [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. Электрон. дан. [Б. м.,], 2012. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit04.php#_FNR_3 (дата обращения: 01.04.2018).

положения. В 1999 г. Указом Президента России ФМС была преобразована в Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики России на базе Службы и бывшего Министерства по делам национальностей. В дальнейшем Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики было упразднено, а его функции были переданы трем ведомствам: Министерство внутренних дел (МВД), которое занималось миграционной политикой, Министерство иностранных дел (МИД) – вопросами работы соотечественников за рубежом, Министерство экономики заведовало экономическим блоком вопросов. Но и в таком виде Служба просуществовала недолго, буквально через год – 23 февраля 2002 г. Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики»¹ функции иммиграционного контроля и координации действий федеральных органов исполнительной власти субъектов федерации по вопросам миграции стало исполнять МВД России. В дальнейшем реорганизация проходила в самом конце 2005 г. С 1 января 2006 г. Федеральная миграционная служба возродилась как самостоятельная структура с региональными подразделениями, объединив сферы по делам миграции и паспортно-визовые подразделения МВД. Объединение это стало вполне закономерным, учитывая схожесть задач. Указом Президента РФ от 21.05.2012 г. «О структуре федеральных органов исполнительной власти» Федеральная миграционная служба была подведомственна Правительству Российской Федерации². Но уже в 2016 г. Указом Президента России В.В. Путина Федеральная миграционная служба Российской Федерации перестала существовать, как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти и была упразднена. Правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции переданы Главному управлению по вопросам миграции МВД РФ³. До принятия Указа об упразднении ФМС России, ее территориальные органы, подведомственные ей организации (центры размещения вынужденных переселенцев) и органы миграционной службы субъектов Федерации образовали государственную систему управления миграционными процессами в стране и функционировали во взаимодействии со всеми другими органами исполнительной власти и общественными объединениями.

¹Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в области иммиграционной политики»: [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. М., 2005. Электрон. дан. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

²История Федеральной миграционной службы России: [Электронный ресурс]: URL: http://www.ufms-astrakhan.ru/docs/d_ufms/ifmsr.pdf, свободный (дата обращения: 11.03.2018).

³Главное управление по вопросам миграции [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm

Сегодня Управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел России осуществляет основную деятельность миграционной политики на территории Федерации. Цель государственной миграционной политики заключается в регулировании миграционных потоков, преодолении негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции, создании условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, а также в обеспечении гуманного отношения к лицам, ищущим убежища на территории Российской Федерации. В данное время разработана структура деятельности миграционной службы России. Основными задачами государственной миграционной политики провозглашены: защита прав и интересов мигрантов; развитие системы миграционного контроля; соблюдение государственных интересов при разработке и реализации миграционных программ и мероприятий; регулирование миграционных потоков с учетом социально-экономического развития и экологической обстановки в регионах, национальной совместимости, специфики психологии мигрантов и климатических особенностей мест расселения; создание для приема и размещения мигрантов условий, стимулирующих их активное участие в процессе адаптации к существующему социально-экономическому положению¹. Современная миграционная политика осуществляет работу в четырех основных направлениях – привлечение на территорию Российской Федерации высококвалифицированных трудовых ресурсов; второе – содействие добровольному переселению в страну соотечественников, проживающих за рубежом; третье – формирование гармоничной системы расселения на основе миграционной привлекательности регионов страны в зависимости от демографической ситуации, потребностях в трудовых ресурсах, прогноза социально-экономического развития, а также создание благоприятных условий жизнедеятельности местного населения; четвертое – эффективное противодействие правонарушениям и преступлениям в сфере миграции и в системе борьбы с преступностью и терроризмом на международном и национальном уровнях.

Существует ряд проблемных вопросов в работе миграционных институтов, в первую очередь, неточность статистических данных, полученных уполномоченными структурами, несоответствие регионального и федерального законодательств в сфере миграционной политики², чрезмерная бюрократическая «загруженность» в вопросах регистрации, трудоустройства и получение гражданства РФ трансграничными мигрантами, трудность реализации законодательных актов в практической деятельности

¹Административное право: [Электронный ресурс] // Миграционная служба. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-1/83.htm> (дата обращения: 03.02.2018).

²Эдилова Р.Э. Нормативно-правовое регулирование миграционных отношений в России: проблемы и пути их преодоления // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 205.

уполномоченных органов и др. Все вышеперечисленные проблемы миграционной политики в стране затрудняют реализацию задач, целей и противоречат Концепции, утвержденной Президентом России в 2012 г., создают комплекс препятствий интеграции мигрантов, нацеленных на получение гражданства РФ. Искусственный прирост населения, таким образом, осуществляется за счет внешней миграции, что весьма актуально для сложившейся демографической ситуации в России.

На 1 апреля 2014 г. огромная по территории Российская Федерация занимает 9 место в мировом рейтинге стран по количеству населения, составляя 143300000 человек¹. Население страны стремительно сокращается, доказательством этого являются данные на 2005 г., согласно которым население составляло 143600000 человек, за 10 лет виден стремительный спад численности россиян. Показатели естественного прироста населения в 2001 г. характеризуются естественной убылью, равной 6,5 промилле. После 1992 г. в России рождаемость меньше смертности и наблюдается отрицательный естественный прирост населения в стране, который образует демографический кризис – так называемая депопуляция или вымирание населения России². Для смягчения кризиса депопуляции, приводящего к дисбалансу в половозрастной структуре населения, необходимо поддержание механического роста, что обеспечивается приездом иностранных граждан в Россию, их дальнейшим «оседанием» в стране-реципиенте и интеграцией в социокультурную структуру общества. В этом ключе именно женская и семейная миграция представляет эффективный демографический «ресурс», который должен быть обеспечен комплексом мер и прав для интеграции в российское общество.

Томская область, если обратить внимание на демографическую и социально-экономическую составляющую, относится к числу российских регионов, в которых с начала 1990-х гг. многолетняя естественная убыль населения частично компенсируется миграционными приростами. Динамика миграции населения Томской области с 1993 г. по 2015 г. отличается нестабильностью. На миграцию населения оказывает влияние социально-экономическое развитие региона, структурный уровень безработицы, а также уровень жизни населения и общая ситуация в стране в целом. Важно учитывать, каким является регион: многофункциональным или же монофункциональным. Томская область обладает запасами полезных ископаемых, г. Томск является инновационным ресурсом

¹Географический справочник «О странах»: [Электронный ресурс] / Численность населения стран мира. URL: http://ostranah.ru/_lists/population.php (дата обращения: 16.05.2014).

²Миллиардная Россия: [Электронный ресурс] // Естественный прирост населения. URL: <http://akparov.ru/node/51> (дата обращения: 14.02.2018).

страны ввиду преимущественно большого количества студентов, но помимо этого развито производство¹.

Сегодня в иммиграционном «притоке» иностранцев в Россию, как говорилось ранее, утвердилось «традиционное» направление из стран постсоветского пространства, которое своей основой имеет исторически заложенный постимперский сдвиг². Из этого следует, что Россия закрепила за собой статус «центра империи», куда стремятся переселенцы из периферийных регионов. В данном контексте «окраинами империи» считаются государства бывшего Советского Союза – основных доноров механического роста населения Российской Федерации. Социально-политические и экономические трансформации постсоветских республик Средней Азии послужили катализатором оживления в общественной жизни архаических элементов традиционного общества. «Реанимирование» частной собственности обусловило появление небольшой кучки богатых и обнищание основной массы населения в результате безработицы, низкой оплаты труда и наличия многодетности³. Это говорит о структурном кризисе «нового» гражданского общества суверенных государств, послужившим серьезным толчком миграционному движению из Средней Азии в Российскую Федерацию на протяжении более двадцати лет. Изначально «переселенческие» процессы носили характер репатриации русского населения Республик на территорию нынешней России, тогда переселение «соотечественников» носило масштабный характер. Но только в 2006 г. Указом Президента Российской Федерации была принята Программа «по содействию добровольному переселению соотечественников»⁴, которая представляет собой запоздалую меру в решении проблем русских за рубежом и неэффективность механизмов реализации на современном этапе. В данное время процесс переселения соотечественников, поддерживаемый государством, продолжается, но ресурсы репатриационного потока уже исчерпаны.

Экономическое положение в «новых» независимых Республиках среднеазиатского региона на сегодняшний день остается нестабильным, что заставляет граждан титульной нации мигрировать на заработки в Россию. *Трудовая* миграция наиболее противоречиво

¹Нам И.В., Поправко И.Г. Трудовая миграция, рынок труда, межэтнические отношения в Томской области // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М.,2014. С. 228.

²Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3.

³Выборнова В.В., Шарифулина Э.А. Социальное взаимодействие трудовых мигрантов Средней Азии с принимающим сообществом // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 94.

⁴Государственная программа по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников: [Электронный ресурс] //Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots (дата обращения: 09.03.2018).

оценена экспертами и принимающим социумом¹. Данный вид миграционного «потока» основывается на экономических «выталкивающих» факторах (push factors), вынуждающих иностранных граждан приезжать на заработки в другую страну. Приезд «гастарбайтеров» из стран Средней Азии носит закономерный характер, в связи с тем, что периферийные регионы, входившие в СССР, сегодня по многим критериям государственного развития отстают от Российской Федерации.

По сведениям Международного Статистического комитета Содружества независимых государств об уровне валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения по паритету покупательной способности и ежемесячной средней заработной плате в 2014 г. Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан расположились на последних позициях. Так, в Таджикистане ВВП на душу населения составил 2668 долларов США и средняя заработная плата 105. В случае с Кыргызстаном – первый показатель равен 3361 долларам, а второй 160, по сравнению с Россией (ВВП – 24805, заработная плата – 490 долларов США) и Казахстаном (ВВП – 24020, заработная плата – 660 долларов) виден колоссальный разрыв в показателях (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А, рис. № 1.). Основной причиной трудовой миграции из среднеазиатских стран Содружества в Россию является экономическое положение отправляющей страны, которое приводит многие семьи в состояние бедности. Это связано еще с одним «выталкивающим» фактором, как безработица в стране, ставшая следствием низкого уровня доходов среди населения государств Центральной Азии². Нехватка и отсутствие рабочих мест является причиной неразвитости производственного сектора экономики в этих странах. К примеру, экономическая база Кыргызстана основана на сельскохозяйственном секторе (экспорт хлопка, табака, пшеницы и др.). Промышленность Республики слабо развита, что подтверждает профиль крупнейших предприятий: кантский цементно-шиферный и кыргызский камвольно-суконный комбинат. Имеет место значительная зависимость государственного бюджета от канадского золоторудного предприятия «Кумтор»³, подтверждающая тезис о том, что в регионе после распада СССР происходит процесс деиндустриализации, приведший к структурному кризису, не решенному до сих пор. Все эти условия создают предпосылки для выезда на заработки в Россию и в меньшей степени в Казахстан. Трудовая миграция для Таджикистана на сегодняшний день представляет собой основной стратегический источник занятости населения и его экономического

¹Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль. Бишкек, 2013. С. 24.

²Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии // Eurasian development bank. М, 2015. С. 21.

³Центральная Азия. Бизнес проект Кыргызстана и Казахстана [Электронный ресурс] // Промышленность. URL: http://www.centralasia-biz.com/cabiz/kirgizstan/Industry/industry_list_company.htm (дата обращения: 07.03.2018).

благополучия. Для граждан Таджикистана характерен сезонный период пребывания в стране-реципиенте и чаще всего мигрантами являются мужчины, оставляющие жен с детьми на родине и отправляющие им денежные переводы. Также к демографическим push (выталкивающим) факторам относится рост рождаемости, что приводит к сужению рынка труда в республиках. Дальнейшее продолжение данного процесса приведет к увеличению притока трудовых мигрантов на территорию России. Вышеперечисленные выталкивающие факторы миграции рабочей силы говорят о нежелании иностранных граждан интегрироваться в принимающее российское сообщество. Для иностранцев Россия – это место, где можно заработать для того, чтобы «достойно» жить на Родине. Низкий уровень «оседания» в Российской Федерации не влияет на место трудовой миграции в общем иммиграционном потоке, так как данный вид приобрел устойчивый тренд¹. По данным Управления по вопросам миграции за январь – декабрь 2017 г. в страну с целью работы въехало узбекистанцев – 1822933, таджикистанцев – 936752, кыргызстанцев – 376863. Говорить о том, что официальные статистические данные точны и всецело отражают характер иммиграционных процессов, не приходится, прежде всего, это связано сложностью категории иностранцев, приезжающих с частной целью. Таковых за 2017 г. составило таджикистанцев – 217204, узбекистанцев – 280882, кыргызстанцев – 69331². Это объясняется рядом причин, основными из которых является неэффективность работы структур, в обязанность которых входит миграционной учет иностранных граждан. Также закрепление за центральноазиатской рабочей иммиграцией двух неравных и противоречивых частей: легальной, которая учтена официальными властными структурами и подконтрольная государству и нелегальной (незаконной), не фиксируемая статистикой и находящаяся вне поля зрения государства.

Еще одной важной составляющей иммиграционного потока в Россию является приток молодежи, нацеленной на получение образования различного уровня в образовательных учреждениях России. После распада СССР на постсоветском пространстве формируется новая структура высшего образования. Студенты из бывших советских республик, получивших образование в вузах РСФСР, приобрели статус «иностранцев». Сегодня значительное место в университетах России в качестве студентов-иностранцев занимают резиденты республик бывшего СССР. Граждане стран СНГ, по данным на 2005/2006 гг., составляли 36,5% иностранных студентов,

¹Ормонова А.А. Сотрудничество России и Кыргызстана в области миграции // Вестник Кыргызско-славянского университета. 2014. Т.14, № 11. С. 179.

²Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 г. с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171/> (дата обращения 04.03.2018)

обучающихся в российских вузах¹. В 2013/2014 гг. количество студентов из стран Содружества составило уже 51,9% от общего числа иностранцев и с каждым годом доля граждан стран постсоветского пространства растет².

В научных исследованиях экспертов, в нормативно-правовых актах для характеристики данной категории иностранных граждан применено понятие «*учебной*» миграции, включающее в себя поток молодых юношей и девушек за получением диплома бакалавра, магистра, специалиста. Напротив, определение «*образовательная*» миграция представляет расширенный поток иностранной молодежи, приезжающих также в качестве «*учебных*» мигрантов, слушателей подготовительных курсов, участников языкового обмена в рамках академической мобильности и нацеленных получить степень докторанта и аспиранта. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. присутствует определение данного вида «мобильности» как «*образовательной (учебной) миграции с целью получения или продолжения образования*»³.

Образование является одним из движущих рычагов модернизации человеческой деятельности в современном обществе. В настоящее время знания важны для развития мирового сообществ, а сфера экспорта образовательных услуг – одна из более востребованных продуктов международного рынка товаров. Модернизация образования постепенно формирует совершенно новое общество – «общество, основанное на знаниях»⁴ и накоплении человеческого капитала. Образование приносит экономическую прибыль государству за счет создания нового интеллектуального общества⁵. За знанием будущее мира, что определяется важностью не только получения и применения необходимых знаний, но и актуализирует привлечение *учебной* миграции в Томск – в один из центров российской высшей школы.

1.2 Мигранты в России: реальность и стереотипы

Современная трудовая миграция из стран Средней Азии за 27 лет независимости претерпела качественные и количественные изменения в экономической,

¹Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М., 2007. С. 81.

²Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведения Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 12. / Министерство образования и науки Российской Федерации. М, 2015. С. 27–28.

³Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya_migr.html (дата обращения: 11.03.2018).

⁴Лебедева С.Г. Иностранцы студенты. Образовательная миграция в России и в мире // Интеграция экономических мигрантов: формальные и неформальные практики. Иркутск, 2009. С. 177.

⁵Дементьева С.В. Учебная миграция в Россию в фокусе толерантности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 43.

социокультурной и этнодемографической сферах. Уже в 2000-е гг. иммиграционный «приток» стал приобретать отчетливый этнический характер. Это значит, что в миграцию – в российские города стали приезжать представители титульных наций государств отправляющего региона. Очевидно, что для принимающего общества на макро – и микроуровне мигранты представляются «видимыми» меньшинствами (visible minorities)¹, которые отличаются от принимающего сообщества не только социокультурным бэкграундом, но и их визуализированной «инаковостью». Настоящий тезис можно подтвердить следующим – белорус, прекрасно владеющий русским языком, который работает на стройке в Санкт-Петербурге для общества-реципиента, не будет считаться «мигрантом». Но, согласно букве Закона, это тот же иностранный гражданин, осуществляющий трудовую деятельность на территории Российской Федерации. Тогда как, гражданин России, который родился и вырос в Москве, но внешне отличен от принятого образа «россиянина» для определенной массы людей может быть трудовым мигрантом из Кыргызстана или же Узбекистана, скорее всего, нелегально работающим в сфере услуг². Прослеживается явная дискриминация иностранных работников по признакам расовой и этнической принадлежности не только со стороны простого гражданина, но и представителей государственных структур (полицейские, сотрудники Управления по вопросам миграции³), журналистов и в целом СМИ⁴. Одним из показательных примеров, заслуживающих внимания в этом ключе, является сконструированный образ иностранного «трудового мигранта» в лице представителей «кавказской национальности» – граждан России⁵.

Трансграничная этническая трудовая миграция представляет собой перемещение через государственные границы представителей разных этнических групп, значительно отличающихся по своему языку, традициям, паттернам поведения от населения-реципиента. Этническая детерминанта аккумулирует на разных уровнях и в различных масштабах дискриминационные «явления», конфликтогенные моменты, что в наибольшей степени обуславливает трудности вхождение мигрантов в принимающее сообщество⁶.

¹Мукомель В.И. Ксенофобии на юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. Том 6. № 5. 2017. С. 29.

²Рочева А.Л. Стройка: «Расклад по национальностям» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М., 2013. С. 339.

³Полетаев Д. Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии и в Россию// Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. СПб., 2016. С. 182.

⁴Мукомель В.И. Роль государства и общества в продуцировании дискриминаций // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М., 2013. С. 202; Woolley F. Visible minorities: distinctly Canadian // Worthwhile Canadian Initiative. URL: http://worthwhile.typepad.com/worthwhile_canadian_initi/2013/05/visible-minorities-distinctly-canadian.html (дата обращения 25.04.2018).

⁵Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики... С. 4.

⁶Скворцов Н.Г. Трудовая миграция в современной России: этническое измерение социального неравенства // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 35.

Формируется социокультурная граница между «коренными» и «пришлыми». Факт физического отличия дает основания «подозревать» их в том, что они не являются «местными». Стигматизация положения «не местного», «другого» происходит через проблематизацию положения мигранта («нелегала»). По обе стороны «лагеря» мнения, суждения, и отношение к «другим» конструируются в русле дихотомии *«свои–чужие»*. Часто в основу заложены стереотипные представления, подкрепленные приписыванием легитимности претензий «местных» относительно нарушения или «покушения» на ценности «коренной/традиционной» культуры. «Местные» всеми удобными средствами должны и обязаны «защищать свою культуру» от «навязывания чуждых ей образцов»¹, в этом случае, трудовые этнические мигранты – это носители *«чуждого»*, *«иного»*.

Международные миграционные процессы неизбежно приводят к межкультурному и межэтническому взаимодействию между «новыми» и «старыми», постоянными и временными жителями принимающей страны и именно процессы интеракции данных групп на сегодняшний день имеют насущный характер. Вместо повсеместных консенсусных взаимоотношений этногрупп мигрантов и принимающего сообщества в рамках единого социума, проживающих в разном временном континууме на территории страны, уважения и принятия культурного своеобразия, взаимного учета прав и законных интересов чаще происходят совсем другие процессы, получающие импульсы и со стороны новоселов и со стороны старожилов. Каждый год увеличение масштабов потока мигрантов иной этнической и социокультурной принадлежности болезненно воспринимается принимающим сообществом, что напрямую сказывается на характере отношений к «чужакам». Тем временем «пришельцы», понимая всю «соль переселенческих процессов», кооперируются в изолированные группы, прежде всего в качестве ответной реакции на «неприветливое» отношение со стороны «коренного» населения². Данные факторы актуализирует изучение социокультурной адаптации иноэтнических мигрантов к новой окружающей среде для легкого внедрения мигрантов с иным культурным багажом в российское сообщество и снятие напряжения среди действующих лиц адаптационных процессов. Повседневная этническая категоризация оказывается удобной для идентификации иноэтнических мигрантов. Представления об опасности, социальной некомпетентности этой категории населения, их неспособности или нежелании приспособиться к нашей жизни становятся основанием для формирования поведенческих стратегий, ориентированных на активное противостояние их присутствию

¹Карпенко О. «Ты гость, тебе не должно сметь свое суждение иметь» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М., 2013. С. 240.

²Регамэ А. Юмор, расизм, отказ в признании: таджики и передача «Наша Russia» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М., 2013. С. 359.

или избегание контактов с ними. Специфический способ осмысления миграции, а именно ее освоение в этнических категориях российский политолог В.С. Малахов называет *этнизацией*¹.

Наряду с осмыслением в категориях этничности, современные миграции из республик Центральной Азии характеризуются снижением уровня образования и профессиональной подготовки мигрантов. Растет число молодежи, которая выбирает трудовую миграцию в Россию – как стратегию для достижения целей финансового характера и приобретения за счет миграционного опыта определенного уровня социального капитала². Этнографический материал, собранный исследователями в «мигрантском поле», насыщен такого рода примерами, когда группа друзей, окончив школу и получив на руки аттестат, собираются в один из российских городов на заработки. Едут они не стихийно, это запланированное действие и чаще всего к родственникам, друзьям или знакомым, которые ждут их, и первое время будут помогать в обустройстве молодым новоиспеченным трудовым мигрантам в России. Очевидно, что причины снижения уровня образования трудовых мигрантов отчасти связаны с миграцией «предшественников» и их опытом. В первой половине 2000-х гг. из республик Центральной Азии, окончив университеты или проработав 10-20 лет в школах, в медицинских учреждениях, люди отправляются на заработки в Россию. Причиной тому служат экономический и политический кризис в республиках постсоветского пространства, для которых характерны низкий уровень заработной платы у работников бюджетной сферы, бедность. Имея на руках документы об определенном уровне профессиональной квалификации, люди вынуждены занимать не соответствующие уровню их образования ниши в сфере обслуживания, общественного питания, строительства и торговли. Согласно правилам рынка труда, «бывшие» учителя, врачи, экономисты приезжают работать не по специальности, а в те сферы, в которых они востребованы. В первую очередь, это низкоквалифицированный изнурительный труд, который длится от 12 до 15 часов в сутки, что позволяет получить хороший заработок за короткий срок. Трудовая миграция чаще всего представляется временной стратегией с дальнейшими планами возвращения на родину.

Снижение уровня образования, отсутствие профессиональной квалификации трудовых мигрантов, сознательный выбор тяжелой непрестижной работы с целью получения быстрого заработка актуализирует еще один признак трансграничной миграции

¹Малахов В. Понаехали тут... очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. С. 104.

²Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе. Трансграничные миграции диаспоры. СПб, 2016. С. 171.

– полулегальную и нелегальную занятость. Для большинства мигрантов важно иметь хороший заработок как можно с меньшими издержками, а оформление необходимых документов для законного трудоустройства требует значительных средств. Поэтому иностранный работник решает не документировать свою трудовую деятельность. Такой выбор обусловлен необходимостью тотальной экономии на всем. Даже условия труда и проживания не важны при выборе места работы¹. Очевидно, что рост числа иностранцев, приезжающих на заработки, стремительно возрастает, на фоне чего ужесточается миграционное законодательство принимающей стороны, а это, прежде всего, создает «арену» для нелегитимного миграционного поведения. Недокументированная миграция представляет самую «проблемную» категорию иностранных трудящихся, пребывание которых с первых «минут» пересечения границы России имеет противозаконный характер. В процессе заполнения миграционной карты иностранный гражданин указывает, как правило, «частные» причины приезда, что характерно для сезонных работников и тем самым нарушает законодательные акты страны-реципиента, а также дальнейшие вопросы по регистрации и трудоустройству носят незаконный характер. В настоящее время доля нерегулируемой миграции из Узбекистана в Россию колеблется от 52 до 65%, чуть выше уровень из Кыргызстана, в Таджикистане она доходит до 93%².

Доля женщин, как наиболее уязвимой и незащищенной группы трудовой миграции в нелегальной сфере занятости значительно выше, что связано с услугами, которые могут предоставить мигрантки. Женщины в значительной степени становятся, так называемыми, «невидимыми работниками», занятыми в неформальной сфере и в частных домохозяйствах. Развитие сектора услуг и «экономики заботы», увеличение спроса на низкоквалифицированный труд преимущественно женщин формирует ситуацию «гендерного перехода»³. Прежде всего, это сфера «заботы» (care service), включающая работу нянь на дому, сиделок для пожилых людей, домработниц⁴. Для того, чтобы ухаживать за маленьким ребенком нет необходимости заключать трудовой договор, платить налоги и отчитываться о доходах государству. Напротив, женщине выгоден такой вид занятости по причине низких «издержек».

Приведенные выше черты современной трудовой миграции из стран Центральной Азии в общероссийском контексте актуализируют конструирование стереотипов вокруг мигрантов, создавая образ иностранного работника, характеризующийся шаблонными

¹Абашин С.Н. И здесь, и там... С. 164.

²Региональное измерение трансграничной миграции в Россию. Екатеринбург, 2008. С. 86.

³Тюрюканова Е.В. О необходимости совершенствования гендерной статистики миграции // Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. М., 2012. С. 87.

⁴Савоскул М.С. Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 1. С. 130.

представлениями принимающего сообщества¹. Конструирование негативного образа трудового мигранта связано с ростом настороженного отношения к «гастарбайтерам», что представлено в работе Д.В. Полетаева «Мигрантофобия и миграционная политика». Автор характеризует ряд «мифов» местного населения об эксплуатации трудящихся мигрантов, которые формируются не только в общественном сознании, но и преподносятся СМИ и властными структурами. Выделяя стереотип – «трудовые мигранты занимают наши рабочие места», исследователь опровергает его и приходит к выводу, что спрос на использование иностранной рабочей силы рождает предложение. А мигранты занимают рабочие места, которые не пользуются популярностью среди местного трудового контингента. Автор выделяет тот факт, что в среде самих мигрантов наблюдается уход представителей одной этнической группы из определенной ниши и встраивание в другой. Азербайджанцы выдавливают с торговых рынков Сибири и Дальнего Востока китайцев, дворники-таджики в Москве выдавливают с дворницких работ киргизов².

Следующий стереотип – криминогенность «мигрантского» сообщества. Д.В. Полетаев, опираясь на статистику Министерства внутренних дел РФ, приходит к тому, что преступления, совершенные иностранными гражданами, составляет не более 3% зарегистрированных по стране, что не говорит о высоком уровне преступности. Факт актуализации стереотипа, что преступники по большей части и есть трудовые мигранты, свидетельствует о проявлении мигрантофобских настроений «местными». Существуют также мнение среди принимающего социума, касающееся детей мигрантов, которые имеют право на бесплатное образование в российских школах. Местное население считает нецелесообразным трату федеральных средств бюджета на данную категорию детей, аргументируя это отъездом семей мигрантов на Родину, что не представляет для российского сообщества «выгоды». Но с точки зрения решения демографических проблем страны, в настоящее время именно дети мигрантов являются привлекательным ресурсом прироста населения. За период обучения в школе они проходят процесс адаптации в социокультурную, языковую среду общества-реципиента³. Это позволит в дальнейшем «пополнить» население интегрированными гражданами с высоким уровнем образования и языковыми, культурными компетенциями. И возможно, именно успешная интеграция детей иностранных работников может стимулировать процесс оседания родителей в

¹Деминцева Е.Б. Условия пребывания трудовых мигрантов из Кыргызской Республики на территории России // Вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз: влияние на процессы миграции. М., 2015. С. 39.

²Полетаев Д.В. Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобия, миграционная политика. М, 2014. С. 11.

³Миграция и демографический кризис. М., 2010. С. 12.

российскую среду. Несмотря на развенчание «мифов» в обществе и роли трудовой миграции в экономической и демографической составляющей, растет недовольство и нетерпимость по отношению к иностранным трудящимся. Прежде всего, это связано с поверхностным взглядом на миграцию, что видится в сконструированном извне «образе» иностранного работника, который укоренился в принимающем сообществе.

1.3. Конструирование образа трудового мигранта в томских СМИ

Этнизация феномена миграции, рост мигрантофобии и стереотипизация создают, конструируют, меняют образ трудового мигранта. Одним из значимых каналов, способствующих этому, являются средства массовой информации. Вопросы миграции не остаются в стороне от обсуждений в виртуальном пространстве электронных журналов и порталов, а также на страницах традиционных печатных новостных изданий и телевидении. Стремительный и массовый характер перемещений и технологическое развитие медиа приводят к тому, что каждый медийный текст, включая комментарий читателя или же пользователя сети, имеющий миграционный контекст, оказывается явлением глобальной международной и межэтнической коммуникации. Динамика и качество адаптации мигрантов во многом зависят от озвучивания намерений и позиции принимающего сообщества.

Современные СМИ – это социально значимый институт, который создаёт информацию, знания, идеи и распространяет их в обществе. Выступая каналом передачи определенного образа, СМИ активно влияют на отношение общества к той или иной проблеме, способствуют оформлению эмоционального фона восприятия. Массмедиа не только отражают такой образ, но и активно его формируют. Все виды современных средств массовой информации – это один из мощных рычагов восприятия трудовых мигрантов читательской аудиторией. Материалы, посвященные миграционной проблематике, чаще направлены на распространение у населения установок нетерпимости, основанных на тех же стереотипах, искажениях и призывах противостоять «им» как нашему противнику, защитить нашу ценность, отстоять ее. Как известно, это нередко означает: не пустить, прогнать, выселить, убрать «чужих», «не нас», «этнически других», «не таких, как мы»¹, что увеличивают существующую, как данность, социокультурную дистанцию между принимающим и «мигрантским» сообществом. В иных случаях новостные сообщения по миграционной тематике представлены в пресс-релизах, что по своей природе несет нейтральный характер представленной информации.

¹Малькова В.К. СМИ и современное полиэтничное общество // Антропология медиа: теория и практика. М., 2016. С. 39.

В современном дискурсе на второй план уходят рассуждения и дискуссии о том, нужны или не нужны мигранты, очевидно, что они есть, и мы должны строить «диалог» культур¹. При всем при этом в материалах массмедиа иностранные работники обезличиваются. Они предстают в виде некой неодушевленной однородной массы «таджиков» либо «китайцев», в которой мигранта как человека, обладающего ценностями и нормами, подкрепленные воспитанием, с собственными проблемами, переживаниями и трудностями вовсе не видно².

Федеральные средства массовой информации представляют «картину» общероссийского масштаба, не всегда отражающую региональную специфику и исторические, социокультурные особенности тех или иных субъектов страны. Региональные СМИ служат «площадкой» иллюстрации волнующих тем и актуальных тенденций для местного населения, в том числе это характерно для изучения миграционной ситуации, сложившихся моделях восприятия и «образах» трудовой миграции³. В общероссийском масштабе СМИ конструирование образа трудового мигранта в г. Томске представляет особый интерес, по той причине, что Томская область – это один из субъектов Сибирского Федерального округа, активно привлекающий миграционные потоки из Центральной Азии и территориально близко расположенный к региону-донору. На материалах прессы г. Томска уже исследовалась миграционная проблематика с точки зрения тональности и языка содержания новостей. В 2001-2002 гг. в рамках проекта «Мониторинг проявлений национализма, ксенофобии и нетерпимости в России» региональными партнерами Международной Хельсинкской группы (МХГ) были изучены данные местных СМИ за полугодие с 1 ноября 2001 г. по 1 апреля 2002 г.⁴. В 2008 г. был проведен контент-анализ томской прессы с целью выявления основных черт «образа» мигранта, формируемого на страницах томской прессы⁵.

В настоящем разделе представлен анализ томской специфики новостных текстов и комментариев принимающего сообщества для выявления «образа» мигранта, сформированного у местного населения и роли средств массовой информации в конструировании современного «мигрантского» дискурса. В основу положены: контент-анализ информационных сообщений, фотоматериалов на страницах томских электронных

¹Моргунова А.Б. Трудовые мигранты в России: оценки и перспективы взаимодействия // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4. С. 115.

²Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. . Конструирование образа трудового мигранта // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 168.

³ Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. С. 148.

⁴Коваляшкина Е., Матулис Ю., Нам И. Национализм, ксенофобия и нетерпимость на страницах СМИ // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов . 2002. № 44. С. 76–81.

⁵Трансграничные миграции... С. 121.

и печатных периодических изданий с 1 июня 2015 г. по 30 июня 2016 г., проведенный коллективом Лаборатории социально-антропологических исследований (ЛСАИ) Исторического факультета Томского государственного университета¹. За этот период времени было насчитано всего 180 публикаций, каждая из которых соответствовала заданной тематике. Объектом анализа послужили статьи в таких региональных СМИ, как Агентство новостей ТВ 2, РИА Томск, информационные городские порталы vtomske.ru и tomsk.ru, газеты, в том числе электронные («Комсомольская правда – Томск» и «Томские новости»). В дополнении к проведенному исследованию сотрудниками ЛСАИ, автором был проведен контент-анализ комментариев к информационным сообщениям по интересующей нас проблематике с ноября 2015 г. по ноябрь 2016 г. на одном из новостных порталов города Томска, на котором насчитывалось 13 публикаций и 153 комментария читателей к ним². Комментарии дают интернет-коммуниканту возможность развернуто оценить ценность поста, уточнить непонятные моменты или выразить несогласие с автором корневого поста³.

По результатам контент-анализа 180 информационных сообщений в томских электронных и печатных изданиях выявлено, что язык описания, его тональность и окраска в 80% преимущественно нейтральна. По сравнению с предыдущими исследованиями материалов СМИ, в публикациях за 2015–2016 гг. редко используется этническая принадлежность «героев», в 44% публикациях не уточняются этнонимы. Причиной тому, прежде всего, служит то, что 53% анализируемых сообщений – это официальная информация, предоставленная государственными органами. Очевидно, что в таких новостных текстах трудовые мигранты представляют собой объект государственного регулирования, а не субъект самостоятельной деятельности. Вместо этно-национальной принадлежности иностранных граждан журналистами использовались нейтральные формулировки, такие как: «иностранец / иностранный гражданин» – 30%, «гражданин другой страны» – 15%. Слово «нелегал» встречается лишь в 3% текстов сообщений. Эмоционально и негативно окрашенных лексем «чужак», «чурка», «нерусь» и т.п. найдено не было. Слово «мигрант» используется в 22% статей. Обозначение «гражданин» в публикациях, чаще соотносится с названием современных центрально-азиатских государств: Узбекистан (37%), Таджикистан (16%), Казахстан (4%) и Киргизия (6%) (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А, рис. № 2). Очевидна связь с официальной статистикой, так

¹Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Указ. соч. С. 166–192.

²Джаньзакова С.Д. Трудовая миграция... С. 189.

³Базина Е. С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 23. С. 24.

как именно из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана приезжает большинство трудовых мигрантов, работающих в Томской области.

Визуальная составляющая тематики контент-анализа новостных сообщений представлена в использовании иллюстраций к основной информации, которые имеют значительное влияние на конструирование образа мигранта. Прежде всего, стоит отметить тот факт, что в качестве таких материалов были использованы исключительно фотографии. Одни и те же иллюстрации повторяются в ряде статей не только на страницах одного издания, но и заимствуются другими ресурсами, что сказывается на качестве контента и нежелании томских СМИ выпускать эксклюзивный материал. Очевидно, что это создает почву для представления местными жителями ассоциаций относительно трудовых мигрантов, основанных на стереотипах. В тех случаях, когда на фотографии изображен мигрант-мужчина, зачастую его взгляд исподлобья и не направлен в объектив камеры, одет в спортивную или специальную рабочую одежду, которая удобна для тяжелого физического труда, чаще всего он не один, а в группе с трудовыми мигрантами. На фотографиях мигрант не изображается со своей семьей, женой, детьми – этот аспект жизни трудовых мигрантов остается в СМИ неосвещенным. Все больше в тени новостных изданий остаются повседневная жизнь и культура. Чаще всего информация такого характера неполная либо неточная, как отмечено в экспертном интервью, которое проведено 2012 г. в Томске в рамках исследования «Трудовая миграция, рынок труда и межэтнические отношения в Томской области»: *«О праздниках пишут отдельные издания и то не всегда правильно, много фактических ошибок даже у профессиональных журналистов. О традициях как таковых рассказывает только «Добрята» (детская газета). «Территорию согласия» (журнал о жизни и культуре народов Томской области) надо выпускать чаще, большим тиражом...»*¹. Напомним, что журнал «Территория согласия», о котором говорится в интервью, несколько лет назад прекратил свое существование (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А, рис. № 3.).

Среди характеристик изображений мигрантов в матрице контент-анализа часто встречаются такие, как: напряженный, задумчивый, настороженный, недоверчивый, нейтральный, спокойный, сосредоточенный, напуганный, сердитый, реже – доброжелательный. Вместе с тем был выявлен образ мигранта, не способный вызвать положительных эмоций или позитивной заинтересованности у читателей, а зачастую провоцирующий и вовсе отрицательную реакцию: он обезличен и размыт, не наделен

¹Нам И.В., Поправко И.Г. Трудовая миграция, рынок труда, межэтнические отношения в Томской области // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). М., 2014. С. 240.

индивидуальными личностными особенностями. Мигрант представляется скорее как некая проблема или раздражитель, что ярко проявилось в большинстве комментариев, которые послужили единицей контент-анализа на материалах новостного портала «Новости в Томске». По данным на 2015 г. портал стал самой читаемой региональной интернет-платформой¹. Следующая причина выбора новостного ресурса – это возможность регистрации личного профиля читателя на портале, позволяющая оставлять комментарии, ставить «лайки» и «дислайки», и предлагать новости в редакцию. Наличие комментариев, их количество, возможность диалога пользователей – это реакция принимающего сообщества и оценка миграции самими читателями, что позволило определить наиболее актуальные и волнующие вопросы для томичей. Корневые посты в нашем случае – это 13 новостных сообщений. В соответствии с заголовками новости разделены на тематические концепты: «Депортация и рейды» (5 заголовков); «Исследования отношения принимающего общества к мигрантам и студентам-иностранцам» (3 заголовка); «Снижение уровня преступности и мигранты» (2 заголовка); «Квота для иностранных граждан» (1 заголовок); «Медицинские услуги для мигрантов» (1 заголовок); «Незаконная регистрация мигрантов» (1 заголовок). Новостная тематика уже говорит о том, что формируя повестку дня и конструируя особую медиареальность, СМИ создают образ мигранта, который предопределяет отношение принимающего общества к приезжим. Заголовки большинства новостных сообщений заведомо конструируют отрицательный реже нейтральный образ иностранного работника, тесно связанного с преступностью, рейдами, депортацией и актуальностью изучения отношения принимающего общества к «приезжим». Стилистика и привлекательность заголовка обращает взор читателя и комментатора в одном лице. Следовательно, самые обсуждаемые новостные сообщения являются самыми прочитываемыми: «Томичу, прописавшему мигрантов за 800 рублей, грозят три года тюрьмы» (3812 прочтений и 10 комментариев); «Ученые ТГУ выясняют, как молодежь Томска относится к мигрантам» (Исследование «Образ мигрантов в восприятии и оценке учащейся молодежи г. Томска» при поддержке РГНФ) (3652 прочтений и 24 комментария); «Исследование: 66 % горожан считают, что Томск обойдется без мигрантов» (2892 просмотра и 23 комментария) и «Томские приставы купили билеты и автокресла для выдворения семьи мигрантов в Ташкент» (2882 прочтений и 17 комментариев); «Опрос: томичи лояльно относятся к мигрантам и рады студентам-иностранцам» (1921 прочтение и 16 комментариев). Насущными, по мнению читателей «Новостей в Томске», являются пресс-релизы, в

¹Портал «В Томске» на первом месте в регионе по читаемости. URL: <https://corp.vtomske.ru/news/view-140.html> (дата обращения 13.03.2018 г.).

которых дана информация о том или ином аспекте миграции и о трудовых мигрантах, не имеющая конкретных выводов и заключений по этому поводу. Подобная подача материала имеет нейтральный характер, так как несет исключительно информативную цель, она обусловлена позицией редакции и приемами привлечения внимания к материалу через «кричащий» заголовок, содержащий спорный контент. Это создает повод для реакции читателей-комментаторов информации, выражающейся в принятии или непринятии такого течения событий. Комментарии могут одобрять сам заголовок и информацию в новостном тексте или, напротив, выражать противоположную реакцию.

Автор разделил комментарии по трем категориям: прямая реакция на новостное сообщение; индифферентная реакция, чаще всего, косвенно или вообще не связанная с новостным поводом; ответ на реакцию предыдущего комментатора. Для анализа отношения томичей к мигрантам и к миграции из трех категорий высказываний было выделено 12 смысловых групп, которые, в свою очередь, включены в ряд более широких «объединений»: *социальные, экономические, финансовые угрозы со стороны мигрантов; критика власти, законодательства в целом, связанного с миграцией в частности; противопоставление «своих» (русских, как принимающее сообщество, и русских в республиках СНГ) и «чужих» (мигрантов); позитивное отношение к иноэтничным мигрантам; негативная оценка трудовой миграции и мигрантов.* В связи с этим автор попытался выявить контекст новостного повода, формирующий оценку восприятия информации обществом-реципиентом.

В комментариях по отношению к мигрантам и оценки миграции важное место занимает страна либо регион-донор трудовой миграции. Чаще всего (8 упоминаний) указывают на страны Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан), что подтверждается официальной статистикой – граждане именно этих постсоветских республик занимают лидирующие позиции во внешней иммиграции в Россию. Следующая страна – Китай (6 упоминаний). В этой категории следует обратить внимание на новостное сообщение «Приставы выдворили из Томска 14 мигрантам из КНДР» – это единственный случай за указанный период, где в самой новости и в комментариях «встречаются» «корейцы», реже «граждане КНДР». Пользователь **Евпатий** пишет: *«Из всех мигрантов, корейцы самые незаметные....»*. А **Joker96** дополняет *«Лучше бы наших южных друзей, торгующих на рынках выдворяли назад в их аулы и кишлаки, нет, эти гады (приставы – прим. авт.), как обычно, находят самых трудолюбивых, безобидных и беззащитных, чтобы продемонстрировать показушную суровость закона»*. Вышеприведённые комментарии характеризуют крайне негативное отношение к «южным друзьям» и терпимое к корейцам, как к «самым незаметным», «трудолюбивым» и «безобидным» из всех трудовых

мигрантов. Второй комментарий демонстрируют недоверие и осуждение властных структур и их рабочих обязанностей, занимающихся депортацией мигрантов. Критические нападки в сторону «власти» встречаются в 134 комментариях из 153, что отражается в открытой критике и в ироничных репликах: пользователь **Murena**: *«Вот это улов, аж 14 мигрантов! Хохочу!»* А **Joker96** под новостью «Томские приставы купили билеты и автокресла для выдворения семьи мигрантов в Ташкент» пишет: *«Что больше всего удручает в данной ситуации, так это то, что эти "добродетели" опять проявляют великую щедрость только к гражданам других государств, причем опять же за счет средств, содранных с собственного народа».*

Следующий важный момент, который автор относит к конструированию стереотипного образа мигранта – это комментарии, актуализирующие тезис о конкуренции за рабочие места иностранцев и россиян. Этот критерий явился одним из основных показателей взаимоотношений «приезжий-местный». Как пишет **Михаил Иванович**: *«Для местных нет работы, зачем мигранты?»* Здесь вопросы конкуренции на рынке труда начинают обсуждаться читателями независимо от того, идет или не идет речь об этом в новостном сообщении. Комментаторы приводят в пример опыт других российских городов, что позволяет им аргументировать тезис, что мигранты отнимают рабочие места: *«...P.S. Недавно вернулся с Е-бурга, просто поражен – половина мужского населения точно мигранты или бывшие мигранты (с российским паспортом). В общественном транспорте и маршрутках все водители и кондуктора – джигиты". У ж/д. вокзала по вечерам таборы тех же джигитов. В поездах (не курортных и не московских) их тоже много. "Борзеют", однако, на вахты едут, на станциях, где поезд стоит, сплошные "лезгинки"...» (кухонный ЧеГеВара).*

По результатам контент-анализа комментариев, которые в дискурсе СМИ являются разновидностью оперативного аналитического материала, разъясняющего смысл актуального общественно-политического события, документа и т. п. выявлено, что 59 «реплик» пользователей имеют исключительно негативную оценку трудовой миграции и мигрантов. В этом случае наблюдается связь с «критикой власти» (134 комментария), «миграционных структур и законодательства» (41 комментарий). Тесно переплетены экономические, социокультурные вызовы и угрозы со стороны мигрантов для принимающего социума: *«скоро Томск будет состоять из одних иностранных граждан, а им (властям – прим. автора) главное бюджет у них вырос))))))» (ghjcnjnfr) – 44 и 61 комментарий.* Ироничное высказывание комментатора **Мерлуш** *«Крым ваш - Сибирь наш!...»*, – якобы с такими мыслями трудовые мигранты приезжают в сибирские города, что проявляется в формировании отрицательных ожиданий томичей от «нашествия»

мигрантов. 23 высказывания из 153 утверждают, что иностранные работники – угроза для россиян на рынке труда, не только в плане конкуренции, но и «сбивания» цен на труд. Известно, что трудовые мигранты пользуются спросом у работодателей, так как их рабочая сила дешевле. Существующий дискурс относительно миграции создает и поддерживает неравенство между социальными группами – местными/нами и приезжими/чужими. «У нас» в данном случае больше прав, мы хозяева, а они «гости», причем незваные. Такое подразумеваемое неравенство позволяет оправдывать существующие практики относительно мигрантов – ксенофобию, эксплуатацию, вытеснение из правового поля.

Нейтральное, нередко позитивное отношение к мигрантам, как к представителям разных национальностей и религий, встречается в 12 высказываниях. Чаще всего такие «реплики» выступают именно как защита в полемике между комментирующими новостное сообщение, высказывающие резко негативное восприятие мигрантов как «чужих» в противовес «своим»: *Joker96 написал(а): «Эти люди в своем большинстве не желают адаптироваться к нашему образу жизни, и не желают уважать местные традиции, при этом, напротив, не стесняются демонстрировать свое презрение к местному населению».* Ответ: *«Адаптация мигрантов в новой для них среде – это не простой процесс. Представьте себя на месте этих приезжих в другую страну. А мигранты, в большинстве своём, вполне нормальные люди, заброшенные к нам по причине невозможности заработать у себя на родине. Наше отношение к ним, как правило, вполне нормальное, терпимое и мы (взрослые люди) понимаем, что они здесь не от хорошей жизни (комментарий пользователя avt52).* В сфере рынка труда читатели делятся своим опытом, аргументируя свою точку зрения в русле дихотомии «свои - чужие», но «чужие» рассматриваются исключительно в позитивном и дружелюбном ключе: *«Я – за мигрантов. Я посмотрела, как они работают и как работают наши. Мне баню сложили в три дня 5 человек. Работали слаженно, каждый четко выполнял свою функцию, перерыв на обед 1 час + 2 перерыва на чай по 15 минут. Работали с 9 и до 18. Их работодатель также восточной национальности, но с томской пропиской, их в родной стране набирает на работу на лето, платит за них положенную мзду государству. Мне очень понравилась бригада. А вот сосед за забором сдуру нанял на сборно-щитовой домик 3,5х3,5 метра двоих русских, так эти "работнички" ВСЕ ЛЕТО!!! собирали домик, по большей части, сидя на моей куче гравия и наблюдая мою задницу в красном купальнике на огороде. А какой фундамент мне поставили "мои" восточные жители – аккуратный, все по уровню, прямые углы и какой эти русские – кривые страшные пеньки! Так что, буду делать дом, позову нерусских» (пользователь suharik53).* Реже встречаются

комментарии, демонстрирующие терпимое отношение: *«Многие отмечают, что Томск в этом плане спокойный город, что не может не радовать. Давайте жить дружно»* (пользователь **volosatik**).

Комментарии – пример медиатекста, отражающий повседневное поведение, язык читателя, что подтверждено использованием жаргонной и пейоративной лексики, формой написания комментариев с использованием смайлов, пунктуационных знаков и т.п. Такие инструменты также демонстрирует отношение читателей к новостному поводу, но визуализация согласия или несогласия характеризуется с помощью ответов и одобрения или неодобрения (*лайк или дислайк*) комментариев, оставленных выше другими пользователями. Наиболее эмоционально-окрашенные позитивные и дружелюбные высказывания по отношению к мигрантам и наиболее негативные комментарии, демонстрирующие неприятие в адрес иностранной рабочей силы получают отзыв в форме ответа, иногда развернутого, а иногда ограничивающегося лайком или дислайком, как проявление ответной реакции на высказывание предыдущего «оратора». Больше всего лайков получил комментарий пользователя **dmzet**: *«Если человек ведет себя нормально и с уважением к другим, то мне по-барabanу, какой он национальности»*. (12), а больше всего дислайков получило высказывание **glebusa**: *«да ладно вы бросьте, кто из местных высокообразованных пойдет на рынок торговать или метлой махать? Пусть живут и работают, руки прочь от мигрантов!»* (15). Складывается следующая картина отношения принимающего социума к «чужому» – как и в комментарии пользователя **dmzet**, большинство читателей акцентируют внимание на том, уважительное отношение к ценностям и установленным правилам принимающего сообщества должны соблюдаться «гостями». Стереотип о том, что иностранные работники создают конкуренцию для местного населения на рынке труда актуализирован и поддержан читателями новостного портала, что отразилось в количестве дислайков к реплике **glebusa**, который утверждал обратное.

Встречались комментарии пользователей, которые находили множество примеров из своей жизни, чтобы защитить свою точку зрения, которая представлена в том, что иностранные граждане не соблюдают правил и устоев российского социума, а, наоборот, сохраняют и открыто «пропагандируют» свои культурные, социальные, религиозные ценности, что сказывается пагубно на «местных»: *«А за что молодежи, впрочем, как и остальным томичам, любить людей, которые приходят "в чужой храм со своим уставом"? Эти люди в своем большинстве не желают адаптироваться к нашему образу жизни, и не желают уважать местные традиции, при этом напротив не стесняются демонстрировать свое презрение к местному населению»* (**Joker96**).

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ в комментариях пользователей о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, это может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов¹. Уже не приходится говорить о высоком уровне доброжелательного отношения томичей к приезжим иностранцам – студентам и трудовым мигрантам. Уровень мигрантофобии в Томске значительно ниже, чем в центральных регионах страны и на Дальнем Востоке. Однако, рост отрицательного восприятия трудового мигранта и стереотипизации его образа, далекого от действительности, читателями томских электронных СМИ очевиден.

Комментарии служат индикатором политического и социального настроения городского населения, что подтверждает обеспокоенность политической «нестабильностью», выраженная в явной критике власти, которая, по мнению, комментаторов, и является виновником миграции иностранцев, не уважающих ценности и культуру общества-реципиента. Негативной оценке подвергается чрезмерное «нашествие» «южных друзей», так как это трансформирует российское сообщество в целом, что может отразиться на всех сферах жизнедеятельности «русских». *«Естественным может явиться то, что «большой наплыв людей с другой культурой (или бескультурьем), религией и т.д. плюсов в перспективе не принесет»* (пользователь **Myrzyłka kamukad3e**).

Отношение местного населения к трудящимся мигрантам в Томске и в целом к трансграничной трудовой миграции имеет прямую связь со сформированным образом того самого иностранного работника. Собственно новостные сообщения представляют относительно благополучную ситуацию, представленную в большинстве своем на пресс-релизах, основанных на информировании читателя, но не на оценке того явления или события, о котором идет речь. Но вместе с тем, как видно из анализа комментариев читателей портала, новости не способны вызвать положительных эмоций и заинтересованности. За указанный период анализа новостных сообщений не было выявлено ни одного повода о жизни трудового мигранта, о национальных и религиозных праздниках, о знакомстве с новой культурой и традициями, что смогло бы заинтересовать читателя и взглянуть на трудового мигранта иначе. Отсутствие развернутого и разнообразного материала о мигрантах и миграции способствуют стереотипизации образа

¹Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 117.

иностранного работника и создают потенциально конфликтогенную ситуацию¹. Образ мигранта, как говорилось ранее и на томском материале базируется на «мифах», бытующих в речах, во взглядах принимающего общества, в которых используется негативно окрашенная лексика.

Гендерный подход к анализу образа иностранного трудящегося в томских СМИ представляет следующую картину: трудовой мигрант – это в первую очередь, мужчина средних лет, выходец из Средней Азии, который часто запечатлен в контексте правонарушений разного рода, в первую очередь, нарушения миграционного законодательства Российской Федерации. По данным контент-анализа в рамках изучения роли томских СМИ в конструировании образа мигранта² на фотографиях запечатлено, как правило, мужское «лицо» трудовой миграции. Была всего одна фотография, на которой изображена женщина, которая сдает экзамен на знание русского языка, законодательства и истории России. С полным правом можно говорить о том, что стереотипный образ мигранта мужчины уходит в прошлое. Миграции из Средней Азии в Россию характеризуется ростом числа женщин, что говорит о феминизации данного процесса.

Женщины-мигранты – это современная черта трансграничных «перемещений», связанная с глобальными социально-экономическими процессами и трансформациями на микроуровне, когда жизненный уклад семьи, воспитание подрастающего поколения сформировано на основе трудовой миграции и в соответствии с ней. Женщины разного возраста, семейного положения и социального статуса, в силу личных, семейных и иных причин вынуждены становиться трудовыми мигрантами и самостоятельно зарабатывать³. Для них, также как и когда то для их отцов, братьев, мужей, миграция в Россию – прежде всего, выгодная, проверенная временем экономическая стратегия. Женское лицо миграции⁴ – это образ иностранного работника, который имеет свою специфику и взгляд на трудовую миграцию, как жизненную стратегию. Женская трудовая миграция из стран Центральной Азии с патриархальным укладом и ростом значения религии в повседневной жизни, влияющих на воспитание человека, несет в себе противоречивые и значимые характеристики, требующие дальнейшего изучения⁵. Прежде всего, закономерен вопрос, что представляет собой трудовая миграция в Россию для женщины – освобождение от социокультурного уклада общества-донора либо вынужденная жизненная необходимость,

¹Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И, Никитина Е.В. Указ соч. С. 188.

²Там же. С. 181.

³Рочева А.Л. Миграция как эмансипация: Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. 2010. № 8. С. 105.

⁴Хушкадамова Х.О. Женское лицо миграции// Социс. 2010. № 5. С. 100.

⁵Касымова С.Р. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 89.

а возможен и третий вариант¹. Изучение феминизации трудовой миграции и специфики участия «слабого» пола в ней требует, на наш взгляд, проведения этнографического исследования с использованием биографического метода. Биографические интервью помогут осмыслить сложность и особое значение женской миграции для страны-донора и реципиента. Мы обращаем внимание на микроуровень трудовой миграции – на повседневность и на место человека в ней. Согласно феноменологии и социальной герменевтике, люди живут не в некотором абстрактном «обществе», а в тех жизненных мирах, которые складываются в повседневной жизни². Базовая реальность, в которой формируется социальное поведение – это «жизненный мир». *Жизненный мир* – это мир чувственного опыта, мотивированного практически-ситуационными интересами. «Реальность повседневной жизни в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность»³. «*Повседневная жизнь*» представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального⁴. При этом жизненные истории несут в себе индивидуальный опыт каждой из женщин, их цели, ожидания и намерения, что позволит проследить за каждым этапом жизни трудовых мигранток и выявить его специфику посредством получения информации из «первых уст».

¹Рочева А.Л. Миграция как эмансипация: Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. 2010. № 8. С. 106.

²Артамошкина Л.Е. Феноменология как концептуальное основание биографического метода // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-kak-kontseptualnoe-osnovanie-biograficheskogo-metoda> (дата обращения: 17.04.2018).

³Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 44.

⁴Там же. С. 38.

2. ЖЕНЩИНЫ-ТРУДОВЫЕ МИГРАНТКИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА

2.1. Гендерное измерение трудовой миграции

Миграции меняют уклад жизни страны-донора и реципиента, представляясь в качественно и количественно ином амплуа. На смену семейной миграции в 1990-е гг. со сбалансированным числом женщин и мужчин из Средней Азии в Россию пришла временная трудовая миграция мужчин в начале 2000-х гг., но современные «потoki» постепенно приобретают характер феминизации миграционных процессов¹. Женщины в миграции стремительными темпами и значительными масштабами заявляет о себе, аккумулируя новые вызовы отправляющему и принимающему сообществу². Термин «феминизация миграции» используется для обозначения возрастающего количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не в качестве сопровождения своих мужей или других членов семьи³. Они становятся действующими лицами в процессе международной трудовой мобильности, не ограничиваясь статусом только зависимого члена семьи, все чаще выбирая роль автономных «акторов миграции».

Сегодня трудовыми мигрантами могут стать многодетная семья, одинокая мама с маленьким ребенком, вдова, беременная женщина. Медики все чаще сталкиваются с роженицами из числа мигрантов, не имеющими никаких медицинских документов, растет число детей мигрантов, у которых нет доступа к школьному образованию. В силу ряда причин увеличивается число матерей-одиночек, что приводит к еще большему риску и маргинализации женщин и детей, в том числе и в принимающем сообществе. Очевидно, что рано или поздно социальная система страны должна отреагировать на изменения в обществе, связанные с миграцией⁴. При всем при этом в Российской Федерации игнорируются сложность и многомерность данного явления. Остаются незамеченными ряд миграционных проблем и особенностей, в том числе категория гендера. Упрощается социальная, культурная картина и юридическая составляющая миграционной проблематики. Е.В. Тюрюканова отмечала, что современное российское законодательство и его структурные подразделения, в сферу деятельности которых входит «надзор» за миграционными «потокami», характеризуется «как что-то среднее между гендерно-нейтральной (декларирующей одинаковое воздействие принимаемых мер на мужчин и

¹Элебаева А. Миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М, 2009. С. 381.

²Горшкова И.Д. Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. М., 2012. С. 7.

³Толстокорова А.В. Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 3. С. 66.

⁴Рочева А.Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратификационного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве// Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 371.

женщин) и гендерно-слепой (отрицающей существенные различия между полами как объектами миграционной политики)¹». В нормативно-правовой базе миграции действительно не существует ни одного документа, специально посвященного мигрантам-женщинам либо мигрантам-мужчинам, нет точной статистики миграции по половозрастному критерию. Влияние принимаемых решений и законов на женщин и мужчин на систематическом уровне не анализируется.

Вместе с тем гендерный подход в социальных науках постепенно, но стремительно заявляет о себе, начиная с 1960-х гг., на это время приходится эпоха бурного расцвета радикального феминизма. Женщины в силу развития интеллектуальных новшеств, теоретических подходов в изучении человечества и мира становятся объектом анализа. Со второй половины XX в. гендерная проблематика становится частью искусства, экологии, языкознания, архитектуры, религии, медицины, права, истории человечества и антропологии². Дискуссиям и слову подвергаются каноны биологического детерминизма, согласно которому, природа носит двойственный характер, иными словами «все на свете делится на мужское и женское». В обыденных представлениях «анатомия — это судьба», следовательно, в основании культурной интерпретации пола, возраста, этничности содержится некая биологическая сущность, аскриптивный (предписанный) статус³. В противовес биологическому детерминизму в силу вступает другая теоретическая парадигма – социальный конструктивизм, в основу которого взяты подходы П. Бергера и Т. Лукмана⁴. Новый взгляд опирается на «представления, что статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеют биологического происхождения, а, скорее, являются способом интерпретации биологического, легитимным в данном обществе»⁵. Все мужское и женское, молодое и старое создано в разных контекстах, имеет разные лица и наполнено различным содержанием опыта и смыслами.

Понятие «гендер» было введено западными социальными исследователями в 1970-1980-е гг., чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а культурное и социальное

¹Тюрюканова Е.В. О необходимости совершенствования гендерной статистики миграции // Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. Алматы., 2012. С. 87.

²Гапова Е.И. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. СПб, 2001. С. 373.

³Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. СПб, 2001. С.148.

⁴Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.,1995. 323 с.

⁵Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Указ соч. С. 147.

значение, которое общество придает этим различиям¹. По мнению британского социолога Э. Гидденса, «разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между женщиной и мужчиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе»².

Исследование специфики миграционного движения населения предполагает включение гендерной системы координат в анализ всех существующих и научно рефлекслируемых типов миграции. Тем не менее, в фундаментальной теории миграции отсутствует гендерная перспектива³. Гендер признается большинством теорий миграции нейтральным и универсальным, но фактически они исходят из неявных предпосылок, что мигрант – это мужчина и он действует рационально. В течение многих десятилетий женщины в процессах внутренней и внешней миграции игнорировались, или же им отводилась роль лишь пассивных акторов, которые сопровождают своих мужей, а также выступают как брачные мигранты⁴.

Вместе с этим, за скобками остаются «голоса» людей. Жизненные истории женщин-трудовых мигранток в ракурсе гендерного измерения приобретают глубинный смысл, позволяющий выявить мотивы и оценки самих трудовых мигранток и одновременно традиционные социокультурные установки отправляющего сообщества относительно роли и положения женщин, определить влияние миграции на их трансформацию. Гендерные установки в значительной степени определяют, кто мигрирует и кто остается, почему и когда люди мигрируют, и какие формы миграции избираются. В свою очередь, миграция перестраивает гендерные роли, отношения и идеологии как локально, так и глобально. Гендер мыслится как результат повседневных взаимодействий, требующий постоянного исполнения и подтверждения, он не достигается раз и навсегда в качестве неизменного статуса, а постоянно производится и воспроизводится в коммуникативных ситуациях⁵. Если мы рассматриваем гендер как постоянно создаваемое взаимодействие, то необходимо рассмотреть те средства, которые используются обществом для того, чтобы создать мужское и женское как неравные социальные положения. Необходимо исследовать весь набор практик взаимоотношений

¹Donato K. et al. A Glass Half Full? Gender in Migration Studies // *International Migration Review*. 2006. Vol. 40. № 1. P. 6.

²Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 153.

³Гендерная повестка миграции. Взаимосвязь трудовой миграции из развития в контексте гендерного подхода. Алматы, 2015. С. 27.

⁴Lutz H. «Good Motherhood» – a dilemma of migrant women from Eastern Europe // *An Anthology of Migration and Social Transformation*. 2016. P. 248.

⁵Торкунова О.И. Нарративные биографические интервью как метод изучения гендерной социализации и гендерных установок // *Перспективы науки и образования*. 2013. № 4. С. 174.

между людьми с точки зрения ресурсов, которые сознательно и бессознательно используются для получения преимуществ и определения своего места в обществе.

Под влиянием объективных изменений меняется понимание миграции и ее роли в обществе¹. Женская трудовая миграция становится «зоной» повышенного риска и массовых нарушений прав человека, поскольку чаще бывает связана с маргинальными видами занятости и криминальными структурами, существование которых способствует увеличению дискриминационных рынков труда в странах приема². Причины маргинализации женской миграции стоит искать в экономической сфере, в первую очередь, в характере труда, которым заняты женщины-мигранты, и в их роли в экономических структурах общества. Женщины-мигранты осуществляют трудовую деятельность в неформальных и теневых сегментах «мигрантской» занятости³. Труд в сфере услуг, куда в основном привлекаются женщины-мигранты, имеет ряд особенностей, которые делают работников этой сферы менее социально защищенными, чем занятых в других отраслях экономики. Сложные условия жизни и труда могут привести к росту насилия со стороны работодателей и принуждению⁴. Иногда миграция для молодой женщины может обернуться сексуальным или околосексуальным рабством, оказывающим значительное влияние на психологическое и репродуктивное здоровье человека. Велика опасность заражения венерическими заболеваниями и СПИДом⁵.

Труд по производству услуг (service economy), будь то в частной или общественной сфере, традиционно не признавался и до сих пор de facto не признан равноправным по социальному и экономическому значению другим видам труда. Особенно это касается так называемых домашних услуг⁶. «Ниша заботы» (care service) демонстрирует замещение «женского» труда «коренных» жительниц трудом иммигранток из менее продвинутых стран. Это говорит о росте и укоренении женской трудовой миграции, которая, в свою очередь, создает специфическое положение данной группы «мигрантского» сообщества. В то же время, экономическая ориентация трудовой миграции женщин ограничивает и упрощает сложный процесс решения и причин, предшествующие «перемещению», в

¹Женщины-мигранты из СНГ в Россию. М., 2011. С. 5.

²Абдуразакова Н.Г. Гендер и миграция (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-migratsiya-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 08.03.2018).

³Петухова И.Ю. Специфика женской трудовой миграции в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 4, Ч. 2. С. 206.

⁴Пескова Д.Р., Абреу Бастос О.П. Причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции: исследование на региональном уровне // Фундаментальные исследования. Экономические науки. 2014. № 11. С. 597.

⁵Амираев Р.У. Гендерные аспекты в процессе трудовой миграции в Кыргызстане // Наука и новые технологии. 2010. № 2. С. 244.

⁶Тюрюканова Е.В. Женская трудовая миграция // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М, 2002. С. 69.

том числе моральные суждения, на него влияющие. По словам М. Kiray, миграция не является перемещением ad hoc – для того, чтобы заработать деньги на такие разовые траты, как, например, покупка скота или выкуп невесты. Сейчас она скорее направлена на то, чтобы начать вести другую жизнь. И те, кто участвуют в этих необратимых процессах лишь постольку, поскольку сами никуда не едут, остаются дома в деревнях и маленьких городах, равным образом испытывают на себе следствия миграции¹.

С середины 2000-х гг. число граждан Кыргызской Республики, выезжающих на заработки неуклонно растет. По разным данным их насчитывают от 650000 до 1000000 человек, тогда каждый шестой житель Республики – мигрант, осуществляющий трудовую деятельность за пределами Кыргызстана². Из кыргызстанских поселков и городов приезжают в Российскую Федерацию не только трудоспособные мужчины, но и женщины разного возраста, семейного положения и социального статуса. Еще в 1980-х гг. в миграционных исследованиях для изучения гендерного «поля» были выделены 4 основные категории мигранток, различающихся по семейному статусу и причинам миграции: 1) замужние женщины, мигрирующие с целью трудоустройства; 2) незамужние женщины, мигрирующие с целью трудоустройства; 3) незамужние женщины, предпринимающие брачную миграцию с целью создания семьи; 4) замужние женщины, сопровождающие своих родственников-мужчин и не преследующие цели найти работу³.

Миграция для кыргызстанок становится приоритетным направлением трудовой и экономической стратегии. Все больше женщин в силу личных, семейных и других причин становятся мигрантами. По данным официальной статистики на 2010 г. Кыргызстан по числу женщин лидирует среди трех республик Средней Азии в процентном соотношении в общем иммиграционном «поток» в Российскую Федерацию, что составляет 38% (в возрасте от 18-59 лет), в то же время из Узбекистана и Таджикистана – 17% и 19% соответственно. Сегодняшняя ситуация демонстрирует еще более значительный разрыв между тремя соседними государствами. По данным на 2016 г. 40% трудовых мигрантов из Кыргызстана – женщины, в то время как из Таджикистана и Узбекистана их доля составляет менее 20% от общего числа граждан из каждой страны, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом⁴.

¹Kiray M. The Family of the Immigrant Worker // N. Abadan-Unat (ed.). Turkish Workers in Europe 1960-1975. A Socio-economic Reappraisal. Leiden, 1976. P. 214.

²Женщины и дети из Кыргызстана, вовлеченные в миграцию (наиболее уязвимые группы). Бишкек, 2016. № 675г. С. 5.

³Thadani V.N., Todaro M.P. Female migration: a conceptual framework // Women in the cities of Asia: migration and urban adaptation. Boulder, 1989. P. 38.

⁴Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории РФ в половозрастном разрезе [Электронный ресурс] // ГУВМ МВД РФ – официальный сайт. URL: http://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/ (дата обращения: 30.03.2018 г.).

Решение мигрировать на заработки одного из членов семьи способствует ее укреплению с экономической точки зрения. В самых бедных домохозяйствах денежные средства используются для удовлетворения повседневных нужд: покупки продуктов, одежды, лекарств, материальной помощи родителям или детям¹. В случае накопления более крупных сумм переводы мигрантов используются для покупки дома, квартиры или ремонта, оплаты обучения в вузе, колледже, школе. Как отмечают ряд исследователей, денежные переводы – это один из важных показателей удавшейся миграционной практики². Обратная социально-психологическая сторона миграции – снижение устойчивости семьи, размывание социальных норм и семейных ценностей, подрыв семейных отношений, отчуждение членов семьи друг от друга, изменение механизмов воспитания детей³. Все это также приводит к трансформациям гендерных установок, которые влияют на подрастающее поколение в странах исхода, для которых миграция одного из родителей, родственников не является «новым» явлением. Трудовая миграция отрывает женщину от дома и семьи на более или менее длительный срок, что не позволяет ей в полной мере совмещать нормативные обязанности жены и/или матери: заботу о муже и пожилых членах семьи, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, их воспитание и эмоциональную поддержку. Это не просто конфликт в сознании одной конкретной женщины или группы женщин, но еще и гендерный конфликт, возникающий, когда мужчины и/или женщины не могут соответствовать нормативным гендерным ролям, принятым в данной локальной среде⁴.

Очевидно, что женская миграция обладает большим спектром мотивов и многофакторными последствиями для домохозяйства в частности и отправляющего сообщества в целом. А.Л. Рочева и Е.А. Варшавер отмечают, что для кыргызстанок присущи такие «социально допустимые»⁵ сценарии, как миграция разведенной женщины либо вдовы, имеющей хотя бы одного ребенка; миграция молодой жены за мужем (в случае данного сценария миграционная стратегия женщин нацелена на сохранение целостности семьи); семейная миграция, когда оба супруга отправляются на заработки⁶. Каждый из представленных выше сценариев трудовой миграции оказывает значительное

¹Хушкадамова Х.О. Женское лицо миграции // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 103.

²Женщины и дети из Кыргызстана... С. 52.; Абашин С.Н. И здесь, и там... С. 167.; Зотова Н.А. Восприятие миграции в стране выхода: Таджикистан // Вестник Европы. 2008. № 2. С. 33.

³Толстокорова А.В. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 4 (69). С. 151.

⁴Касымова С.Р. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 67–81.

⁵Толстокорова А.В. Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 100.

⁶Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // Asia-Pacific population journal. 2017. Vol. 32, № 2. P. 91.

влияние на институт семьи и материнства (шире родительства) на разных этапах становления и развития.

В странах исхода растет количество детей, которые воспитываются в семьях, где родители являются трудовыми мигрантами¹, что создает новые конфигурации семей, в частности транграничные, представляя собой основу пространства, создаваемого «трансмигрантами». Транснациональная семья – это «модернизированная модель семейных отношений, порожденная международной миграцией и глобальным сетевым сообществом, основу которой составляет «воображаемый союз» (imagined community) ее мобильных членов»², существующий на основе транграничных отношений, когда один или более из них работают за рубежом, но поддерживают регулярные родственные связи с членами семьи, оставшимися дома, исполняют свои семейные и родительские функции, дистантно участвуют в ведении домохозяйства³. С этой точки зрения не все семьи мигрантов являются транснациональными, поскольку к последней категории относятся лишь те семейные союзы, в которых отъезд одного из членов на заработки приводит не к ослаблению или отмиранию родственных связей, а к их переформатированию на основе транграничных отношений. Вместе с тем, кыргызстанская женская трудовая миграция – это пример создания и функционирования транснациональных сетей, в основе которых лежит транснациональное материнство (шире родительство) и транснациональная семья: *«После того как муж уехал в Томск работать, наша семья существовала только благодаря телефонным звонкам и интернету, потому что старшая дочь училась в Оше, я с младшей дочерью в деревне... Теперь все стало лучше. Я приехала к мужу, дочь старшая вышла замуж. У нее своя семья, а младшая с бабушкой, она приезжает на летние каникулы в Томск. Мы также поддерживаем связь по ватцапу и телефону» (из интервью с С. 49 лет.)*

Очевидна иная ситуация, когда дети становятся активными участниками миграционных процессов, отправляясь вместе с родителями – трудовыми мигрантами – на заработки, что является одним из проблемных сторон миграции женщин-матерей. Дети трудовых мигрантов испытывают на себе всю сложность жизни в другой стране, что, отражается в ограниченности доступа к образованию, медицинскому обслуживанию и стеснённых бытовых условий: *«Моей младшей сестре 15 лет, четыре года назад она приехала в Томск с родителями на летние каникулы, но потом помогала нашей родственнице смотреть за ребенком. Мы хотели ее устроить в школу, но были*

¹Гендерные подходы в формировании политики регулирования.... С. 9.

²Толстокорова А. Транснациональная и гендерная парадигмы... С. 102.

³Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции... С. 169.

проблемы, одна из главных – это языковой барьер. Она плохо знала русский язык, так как училось там (в Кара-Сууйском районе Джалал-Абадской области) в интернате на кыргызском... Так получилось, что она не учится нигде, закончила она полных четыре класса...» (из интервью с З., 23 года). Очевиден тот факт, что дети трудовых мигрантов в определенных жизненных обстоятельствах становятся детьми-трудовыми мигрантами.

Значимыми в анализе гендерного измерения миграции становятся социальное восприятие отправляющим социумом трудовой траектории женщин в Россию. Мигрантками из Кыргызстана по большей части являются молодые незамужние женщины, что можно иллюстрировать в ракурсе моральных ценностей отправляющего сообщества, как осуждение молодых девушек. Прежде всего, миграция становится неким «клеймом», которое приводит к безнравственности и потере чести девушки, что влияет на дальнейшую жизнь в Кыргызстане¹. Приведем показательный пример «осуждения» феминизации миграции – в 2012 г. в социальных сетях появились видеозаписи, на которых были запечатлены агрессивные действия в отношении кыргызских молодых девушек, встречающихся с «не кыргызскими» мужчинами. Об этих случаях, совершенных молодыми кыргызами (называющих себя «кыргызскими патриотами»), стало известно после широкого распространения в социальных сетях нападения «патриотов» на молодую кыргызку Сапаргуль в России². Насилие со стороны молодых людей может быть интерпретировано в рамках видения С.Н. Абашина и И.С. Савина³ специфической роли женщины в мобилизации «своих» против «чужих». Агрессия против девушек – проявление социально-культурного феномена нахождения женщины в центре символического тела нации. Женщины, встречаясь с мужчинами другой этнической группы, «оскверняют» кыргызский народ, а «патриоты» таким образом, воспитывают и наставляют их на истинный путь. Происходит конфликт интересов трудовой миграции и традиционных гендерных установок отправляющего сообщества: *«Моей сестре было 12 лет, когда она приехала в Томск, до этого она жила в деревне. Она ходила в школу, общалась со сверстниками, но каждое лето мы отправляли ее в Кыргызстан, чтобы она не забывала наш язык, традиции. Мы хотим, чтобы она была воспитанной и чистой девочкой, чтобы смогла выйти замуж за хорошего человека.... Сейчас ей 17 лет, она закончила 9 классов здесь и поступила на «заочку» в Бишкеке. Когда она там, за ней тоже приглядывают родственники. Так получилось, что ей нужно помогать маме в*

¹Rocheva A., Varshaver E. Указ соч. Р. 96.

²Кыргызские «ура-патриоты» издеваются над кыргызками в Москве [Электронный ресурс] // Limon.kg первое молодежное интернет-издание в Кыргызстане. URL: <http://limon.kg/news:51441> (дата обращения: 05.04.2018).

³Абашин С.Н., Савин И.С. Ош 2010: конфликтующая этничность // Этничность и религия в современных конфликтах. М., 2012. С. 46.

пекарне, но мы не хотим, чтобы она в будущем приезжала на заработки...» (из интервью с Б., 26 лет).

В связи с этим, стоит упомянуть тот факт, что молодые незамужние девушки, в силу «насыщенности» трудовой миграции из Кыргызстана¹, приезжают в Томск к родственникам, которые способны предоставить защиту и контроль над новоиспеченной мигранткой. Данный тезис подтверждает настоящее исследование, все молодые девушки приехали к близким родственникам: *«Это было сложное решение для родителей (отправить дочь на заработки – прим. автора). Но согласились, потому что у меня здесь была сестра, она здесь уже давно освоилась и к ней меня отпустили. Они знали, что я буду под ее присмотром, что она будет мне помогать. Я не буду одна в другой стране, есть родной человек» (из интервью Ж., 24 года).*

«Я приехала как все (смеется). Сначала в гости приехала, у меня здесь брат есть. Просто в гости ... В Томске брат, он всегда рядом. В нем чувствую опору, если бы его здесь не было, и я бы не была здесь» (из интервью Г., 32 года).

Большинство женщин приняли решение мигрировать, основываясь на информации, которую они получили от родственников, друзей или знакомых: *«Моя сестра вышла замуж за гражданина России, но нашего кыргыза. Получила гражданство примерно 8 лет назад, а потом когда мой муж вышел на пенсию (муж респондентки военнослужащий, вышел на пенсию по выслуге лет – прим. автора). Тогда муж сестры позвал в Томск. Первое время мой муж жил у них, а потом перебрался в квартиру, которую ему предоставила фирма, в которой он работает (квартиры в деревянных домах по ул. Вершинина, подлежащие сносу). Зять очень многим помогал, и когда я решила приехать» (из интервью с М., 50 лет).* Обычно мигранты из одной деревни отправляются в одно и то же место в России, в город или более конкретно на «объект», где им будет предоставлено жилье, работа, оформление необходимых документов, что имеет характер посредничества нелегального или полуправового. Правовая уязвимость трудовых мигранток в этом случае значительно возрастает. Стоит упомянуть в контексте правовой грамотности ряд исследований о мигрантах из Кыргызстана, где говорится о том, что в стране-доноре женщины не получали сведений ни от местных органов власти, ни от Государственной службы миграции, ни от Министерства иностранных дел². Таким образом, они не получили никакой информации относительно занятости, трудового

¹Thieme S. Living in transition: how Kyrgyz women juggle their different roles in a multi-local setting // Gender, Technology and Development. 2012. № 12 (3). P. 332.

²Женщины и дети из Кыргызстана, вовлеченные в миграцию (наиболее уязвимые группы). Бишкек, 2016. № 675г. С. 28; Аюпова Ш. Узбекская трудовая миграция из Южной Киргизии в Россию и ее влияние на гендерные отношения // Диаспоры. 2012. № 2. С. 71.

законодательства, медицинского страхования и образования детей в странах назначения, а также сведений о том, как воспользоваться механизмами правосудия в случае нарушения их прав в странах транзита и назначения. Родственные и дружеские связи – главный источник информации для потенциальных мигрантов и «неофитов» о формальных и неформальных практиках миграции и о положении иностранных работников в принимающей стране.

Очевидно, что основная цель трудовой миграции кыргызстанских женщин в Россию, так же как и мужской половины, является экономическая составляющая домохозяйства или же определенная стратегия, требующая финансовых вложений. Но в силу главенствующего положения экономического императива при анализе трудовой мобильности, как отмечает британский антрополог М. Ривз, «мы ничтожно мало знаем о том, кто именно мигрирует и почему; что означает миграция для тех, кто решается покинуть родные места; каким образом миграция сама по себе трансформирует ценностный мир городов и деревень Центральной Азии»¹. Жизненные истории несут в себе индивидуальный опыт каждой из женщин, их цели, ожидания и намерения, что позволяет проследить за значимым этапом жизни и выявить его специфику посредством получения информации из «первых уст». Биографический метод охватывает способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелей о жизни с точки зрения тех, кто эту жизнь прожил. Их миграционный опыт – это составляющая жизненной истории, трансформирующая все стороны и самого человека в ней. При этом биографическое исследование имеет, согласно М. Коли, свои нормативные требования: «оно должно отражать взгляд на жизнь индивида в целом; учитывать взаимосвязь индивидуальной истории жизни и истории общества; осмысливать интерпретационную активность актеров повседневности»².

2.2. Биографии мигранток: загадки «поля»

Применение биографического метода и включенного (участвующего) наблюдения позволяет актуализировать проблематику не общего, а изучения различий между биографиями женщин, дает возможность подробного исследования конкретных жизненных практик, жизненных миров и перспектив представителей различных социальных групп. Жизнь представляет собой неразрывную совокупность событий некоторого индивидуального существования, задуманного и как история, и как рассказ об

¹Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ri24-pr.html> (дата обращения: 01.04.2018).

²Цит по Рождественской Е.Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 7.

этой истории. Соответственно, когда цели и задачи исследования фокусируются на жизненном мире изучаемых людей, незаменимыми оказываются качественные методы, позволяющие проникнуть в этот мир¹.

Несмотря на то, что жизненный мир является общим для всех пространством социального действия, каждый человек «размещен» в нем особым образом, что определяется, согласно А. Шюцу, его биографической ситуацией². Каждая биографическая ситуация уникальна, так как связана с условиями рождения, воспитания, жизни, социального окружения, что приводит к различиям в видении каждым отдельным человеком окружающего его мира и собственного положения в нем, в том числе личного миграционного опыта. Биографическая ситуация, включающая также определенный «запас жизненного опыта», который А. Шюц называет «осажденной» структурой индивидуального опыта, служит основой для настоящих и будущих интерпретаций и понимания действий, событий, людей, самого себя. «Мир» становится «моим миром» в соответствии с определенными характеристиками моей биографической ситуации, воспринимается человеком как уникальный и данный только ему³. Это означает, что история жизни – это и репрезентация автора (интервьюируемого), его видения ситуации. В экстремальном постмодернистском варианте это означает, что «не существует фактов, есть только лишь интерпретации: «факты» уже не являются фактами, но лишь фигурами текста»⁴.

Таким образом, биография имеет двойное значение. С одной стороны, она относится к социальной структуре, предоставляя действующим лицам различные социально смоделированные жизненные пути, которые тем предстоит пройти в своей жизни. А с другой – она относится к той истории, которую индивид способен и намерен рассказать. В такой перспективе миграция рассматривается в контексте всей жизни человека и связана с прошлым и предполагаемым будущим как процесс, смысл которого соотносится с определенным жизненным этапом и меняется с течением времени. Исследование биографий мигрантов позволяет прояснить широкий спектр актуальных вопросов: как работают социальные сети, каким образом складывается судьба людей в ситуации перемещения, как они связаны с отправляющим сообществом, как встраиваются в жизнь общества-реципиента, как меняется их идентичность. Биографии женщин далее

¹Мещеркина Е.Ю. Памяти П. Бурдьё. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75.

²Мещерякова Л.Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Социология. 2002. № 1. С. 121.

³А. Шюц. Структура повседневного мышления [Электронный ресурс]// Социологические исследования. 1988. № 2. URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

⁴Там же.

представлены в виде сценариев миграционных стратегий. Сценарный подход является эвристическим инструментом описания и анализа жизненных траекторий, «под сценарием понимается определенная схема последовательных шагов – некая идеальная модель, диктующая жизненные стратегии и повседневные практики мигрантов»¹.

Первая история характеризует такой вид женской трудовой миграции, как «молодая незамужняя девушка, приехавшая на заработки». Этот сценарий миграционной истории будет рассмотрен на примере Г., 32 года и З., 23 года. Респондентка Г. приехала в Томск в 2007 г. из Бишкека (Чуйская область), там работала несколько лет в салоне парикмахерских услуг. Родилась и выросла в маленьком городе Мин-Куш (Нарынская область), где окончила школу. В юном возрасте потеряла отца. Мать самостоятельно вырастила шестерых детей – двоих сыновей и четырех дочерей. Один из братьев респондентки в силу личных проблем и семейных обстоятельств вместе с женой переехал в Томск из Бишкека в 2005 г. Изначально Г. приехала в гости к своему брату, но по веским причинам осталась. Запланированной трудовой стратегии, как миграция в России на первоначальном этапе Г. не видела, желание работать она объясняет так: *«Я приехала, получается, потом сноха родила... А я работающий человек, такой человек не может сидеть без работы. Я посидела дома две недельки, потом сказала: «Все больше не могу!» и сразу вышла на работу. Работала два через два, иногда без выходных»*.

Следующая интервьюируемая – З., 23 года с 2012 г. работает в Томске в одном из предприятий общественного питания уборщицей и посудомойщицей. Приезд в Россию на заработки для З. – это запланированная и продуманная стратегия. Тогда З. приехала к двоюродной сестре. Окончив 8 классов в интернате г. Майлуу-Суу (Джалал-Абадская область) решила, что дальше не будет продолжать учиться. Попросив в долг 10000 сомов у родственницы, которая живет г. Томске, она оставила родителей, младшего брата и сестру, которые в то время жили в небольшом селе Кара-Сууйского района (Джалал-Абадская область). Отправившись в путь на автобусе «Бишкек – Томск», З. приехала к сестре, которая обещала ей найти работу и предоставить жилье. Девушка так объясняет причины, побудившие ее отправиться на заработки: *«В семье у нас всегда были проблемы. Отец пил всю мою жизнь, сколько помню свое детство, папа всегда был пьяный... Жизнь была очень тяжелая, жили в деревне, до сих пор дом там. Я надеялась, что если поеду в Томск работать, то все наладится... Я хотела, чтобы мои брат и сестра могли учиться, а возможности для этого не было, потому я решила всеми силами им помочь, хотя бы попытаться»*.

¹Бредникова О.Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 34.

Возвращаясь к истории Г., стоит упомянуть тот факт, что работая парикмахером в одном из салонов г. Томска, она также торговала на рынке одеждой, которую привозил брат из г. Новосибирска, тогда же стали налаживаться связи и контакты с «мигрантским» сообществом соотечественников: *«Когда работала на рынке, познакомилась с Анара эже (эже – уважительное обращение к женщине, которая старше по возрасту – прим. автора) и она постоянно ко мне на стрижку приходила, оказалось, подруга Анара эже – моя будущая свекровь. Она познакомила нас по телефону...».*

Полтора года после приезда в Россию Г. выходит замуж. На свадьбу, которую скромно отметили в Томске, приехала только мама из Кыргызстана. Семья жениха, который также приехал из Кыргызстана, а именно из Иссык-Кульской области уже пять лет на тот момент проживала в России. Будучи беременной Г. смогла собрать документы и оформить гражданство Российской Федерации в 2009 г., что значительно повлияло на дальнейшую жизнь и планы на будущее и после развода: *«Мама даже говорила, чтобы я не уезжала, (из Кыргызстана в Россию – прим. автора.), когда с ребенком была. А я не захотела, у меня есть гражданство, нужно здесь работать и жить... Так вот и уехала, нужно делать и работать, встать на ноги можно здесь»*

Респондентка З. спустя год после приезда «в миграцию» пригласила родителей в Томск, в силу сложных жизненных обстоятельств брат и сестра также живут вместе с З. При всем при этом, ни брат, ни сестра не получили среднего образования: *«Так сложилось, что денег не хватало на себя, а еще нужно было рассчитываться с долгами родителей, потому решили, что они приедут сюда. Отец работает на свинобазе, а маму устроила своей сменницей...Долги были у отца и здесь, я не могла сама все, потому брат, окончив 9 классов приехал сюда... Сестра не учится нигде, закончила она полных четыре класса...»*

Осенью 2016 г. З. обманным путем украл замуж (ала качуу – прим. автора) в Томске молодой человек из Узбекистана (Андижанская область) – кыргыз по национальности: *«Вечером мне позвонили и сказали, что мой отец напился и лежит на улице, и я в тапочках побежала искать его. Увидела у подъезда старенькую «Жигули», не придав этому значения, побежала. Машина поехала за мной, потом парень спросил время, я проигнорировала. Потом все произошло спонтанно, и меня привезли к нему домой... Я не хотела замуж, я его даже не знала... Но согласно нашим традициям я осталась. Все было по правилам, пришел имам, кажется. Провел обряд и мы поженились».* Напомним, что на сегодняшний день ала качуу – практика похищения невест и насильственной женитьбы, распространённая в Кыргызстане, согласно статье 155

Уголовного Кодекса Кыргызской Республики, вступление в брак вопреки воле девушки наказывается лишением свободы на срок от пяти до семи лет¹.

Наряду с этим стоит упомянуть тот факт, что официальной регистрации брака не было ни в случае с Г., ни в случае с З. В дальнейшем судьбы девушек приобретают схожие черты. Г. после измен и недопонимания со стороны мужа, с ребенком на руках, которому на тот момент был один год и три месяца, переезжает к старшему брату. Именно он становится в очередной раз защитой, поддержкой и опорой для трудовой мигрантки. А З., будучи на втором месяце беременности, уходит от мужа, понимая, что тот мужчина, который насильно сделал ее своей женой, не подходит ей ни по характеру, ни по жизненным ценностям, и они совершенно разные люди. Сегодняшние реалии создают для обеих женщин проблемы с документами, отцовством и выплатой алиментов по причине отсутствия официально зарегистрированного брака и соответственно развода. В случае с Г. – гражданкой России, ребенку которой уже исполнилось 8 лет, проблемы связаны с нежеланием отказа ее бывшего «мужа» от отцовства: *«Я ходила в Ленинский суд, объясняла им, что отец ребенка – гражданин другой страны, и я хочу, чтобы он отказался. Я хочу стать матерью-одиночкой, чтобы оформить льготы и пособия. Сказала, что не знаю, где он, нет контактов. А он не отказывается, суд говорит, что есть отцовство – есть отец. Он оказывается в Бишкеке, нам не нужно встречаться, мне нужна эта бумажка».*

Для З. – гражданки Кыргызстана бывший «муж», которой имеет вид на жительство в России – это проблемы с оформлением гражданской принадлежности ребенка, что требуется, в том числе и для постановки на медицинский учет на территории РФ и для выезда ребенка за пределы страны рождения: *«Хочу поехать в мае с сыном в Кыргызстан, бабушка моя еще не видела своего правнука... Но для этого нужен вкладыш (справка к свидетельству о рождении, подтверждающая наличие гражданства, для оформления которого необходимы документы, удостоверяющие личность обоих родителей – прим. автора), а с отцом ребенка я не общаюсь, и не хочу, чтобы впредь были проблемы такие. Хочу, чтобы он отказался от отцовства».*

Жизненный мир незамужней девушки, приехавшей к близким родственникам «в миграции», значительно изменился после смены социального статуса – Г. и З., пусть и не на долгий срок, становятся частью семейной миграции, когда оба супруга – члены мигрантского сообщества. Одновременно с этим, спустя недолгое время, в связи с

¹Бенгард А. Кражи невест в Кыргызстане. Каким цифрам верить [Электронный ресурс] // Информационное агентство 24KG. URL: https://24.kg/obschestvo/45809_kraji_nevest_vkyrgyzstane_kakim_issledovaniyam_verit/ (дата обращения: 10.04.2018).

проблемами, включающими в себя измены, несоответствие планов на будущее, характеров и взглядов на жизнь, респондентки, не меняя семейное положение, согласно законам светского государства, то есть, не вступив в официальный брак, становятся матерями-одиночками. Когда в жизни трудовой мигрантки появляется ребенок, это полностью перекраивает жизненный мир женщины. При этом гражданская принадлежность в силу транснационального характера миграции не играет первостепенной роли в трансформировании жизненного мира «рассказчика», но влияет на дальнейшие планы человека: *«Хочу, чтобы мой ребенок рос и учился здесь (в России – прим. автора). Да, его корни там. Я буду насчет традиций и истории ему рассказывать, чтобы он знал – он кыргыз...Здесь хочу жить, здесь моя жизнь и мои права под защитой, а там человека ни во что не ставят... Хочу получше работу найти и еще сделать все нужные документы. Планирую взять ипотеку»* (из интервью с Г., 32 года);

«Я хочу поехать в мае домой с ребенком (в Кыргызстан – прим. автора), узнать насчет ссуды, которую дают матерям-одиночкам в Майлуу-Суу для приобретения жилья. Я здесь хотела жить, начать все сначала, но за столько лет у меня ничего не получается... Где родился, там и пригодился. А пока буду работать здесь, и копить на квартиру для нас» (из интервью с З., 23 года). Идея возвращения, пусть «потом» и «когда-нибудь», центрирует весь смысл «мигрантского» нарратива, объясняет, почему мигрант готов испытывать трудности и унижения и какие бонусы и цели ждут его в результате. К «возвращению» привязаны все практики и стратегии¹. Так, жилище мигранта в России, где он какую-то часть своей жизни находится чаще и дольше, как правило, остается не приватным – открытым для публичного просмотра и контроля, минимально обжитым постоянными вещами и привязанностями. Тогда как оставленный в стране исхода дом или дом, который там планируется построить или купить, обладает большой эмоциональной ценностью, в него вкладываются средства, полученные в миграции, вокруг него выстраиваются социальные обязательства и ожидания. Действительно, жилище З. – трехкомнатная квартира, которую они снимают вместе с семьей (родители, брат и сестра, ее полугодовалый ребенок – в одной комнате) и еще две семьи. Для респондентки – это временное «убежище», которое не обладает ценностью. Если у З. появится более подходящий вариант – во-первых, цена, а во-вторых, шаговая доступность к месту работы «обитателей», то семья девушки переедет, не задумываясь. Вопросы касательно обустроенности нынешней квартиры З. старательно избегала, говоря, что все ее

¹Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. СПб., 2016. С. 163.

устраивает. Кроме этой информация, респондент больше ничего не сообщила о своем месте проживания.

Миграционные истории Г. и З. подтверждают тот факт, что молодые девушки, находясь за границей, осваивают принципы гендерной эгалитарности быстрее женщин старшего возраста, что сказывается, в том числе и на их брачных стратегиях, проявляющихся в большей избирательности и повышении требований к будущему супругу. Эксперты определяют этот процесс как «гендерную революцию» среди женщин-мигранток. Это ускоряет трансформацию гендерных отношений, стимулирует распространение современных установок и ценностей, способствует отходу от традиционных норм, о чем свидетельствуют слова З.: *«Если бы я вышла замуж в Кыргызстане, то не смогла бы уйти, да еще и беременной. Терпела бы все, как делают все наши женщины... Там скажут, что во всем виновата жена, а не муж. Но мне все равно, что скажут люди, я не хотела жить с этим человеком и ушла»*. Благодаря этому влияние трудовой миграции на модификацию гендерных режимов на постсоветском пространстве становится очевидным.

В жизненных историях человек заново «проживает» собственную жизнь в рассказе о ней. Это выражается в интерпретации прошлых событий, корректировке собственного «я» в ходе пересказа каких-либо ситуаций, отсюда респондентки говорят о том, что были молоды и решение зачастую принимали не самостоятельно, а под чутким руководством родственников. При этом «мигрантские» истории дают понимание того, что интервью с человеком – это двуликий рассказ, с одной стороны, речь идет о прошлом человека, а с другой, – он информирует о современном состоянии сознания человека, его ценностях, мировоззрении, убеждениях, чувстве идентичности. В связи с этим стоит остановиться на жизненной истории К., 47 лет. К. родилась в пригороде г. Ош (Ошская область), после окончания восьмилетней школы приехала в «город» для поступления в техникум. У респондентки среднее специальное образование, но по специальности она не работала. После окончания техникума сразу вышла замуж, родив троих детей, она занималась домашними делами. Муж респондентки имел стабильный заработок, но в 2012 г. тяжело заболел и скончался. К этому времени, старший сын К. уже на протяжении двух лет приезжал в Томск работать на стройке, состоял в бригаде земляков. К. приехала к нему через полгода после смерти супруга: *«После смерти мужа, как будто потеряла смысл жизни, хотя и дети есть. Будни превратилось во что-то бесконечное и тоскливое. Сейчас могу сказать, что это была депрессия... После обрела смысл – жить и работать ради детей, чтобы обеспечить им будущее. Хотела, чтобы они были образованы»*.

«Рассказы о настоящем» респондентов представляют собой отдельные высказывания, которые выглядят как простое перечисление незначительных, с точки зрения рассказчика, действий, как хроника обычного дня. Если в «рассказе о прошлом» ткань повседневности составляют события в их оформленном сюжетном виде, то в высказываниях о настоящем такую роль выполняют собственно практики повседневности. Каждое из них, по сути, является событием в рамках этой повседневности. А. Шюц утверждал, что «человек в любой момент повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации», вследствие чего «каждая ситуация имеет свою историю»¹. Говоря о своем прошлом, К. часто вспоминает о том, что при жизни мужа в семье был стабильный заработок, сформированные планы насчет будущего детей и семьи в целом. «Потеря мужа» для респондентки становится ключевым и переломным моментом жизни, также как в случае с замужеством и разводом Г. и З.

В реализации сценария «миграция молодой незамужней девушки», на протяжении которого красной нитью проходят мысли о будущем детей, становится весомым аргументом в пользу миграции для К., 47 лет, которая помогла избавиться ей от депрессивного состояния. Ее жизненная история иллюстрирует миграционный сценарий вдовы или разведенной женщины. Спустя пять лет как К. отправилась на заработки к своему сыну, многое изменилось. Старший сын совместно с матерью накопил деньги и женился. Сейчас К. живет на съемной квартире вместе с сыном, невесткой и внучкой. Дочь респондентки смогла окончить университет и вышла замуж. Она работает в Москве вместе с мужем и воспитывает дочь. Младший сын К., который на момент отъезда матери учился в школе, сейчас получает высшее образование в Кыргызском государственном техническом университете им. И. Раззакова (г. Бишкек). Свои дальнейшие планы она связывает с Кыргызстаном, так как у нее есть трехкомнатная квартира в центре г. Оша (Ошская область), на ремонт которой она потратила свои первые заработанные деньги в качестве уборщицы одной из клининговых компаний в г. Томске: *«А так приезжаешь в Ош и знаешь, что у тебя есть квартира, тихая, чистая и просторная. В любое время можно приехать. Я себя там чувствую как дома. Когда дочь с мужем приезжают, у них тоже ребенок, они останавливаются в нашей квартире. Там очень хороший ремонт, пластиковые окна. Вся техника работает!... На счет купить квартиру в Томске, думали, но это только в планах у сына моего...»*

– *Значит, Ваш сын хочет остаться здесь, а Вы поедите к младшему в Кыргызстан?*

¹Шюц А. Указ соч. . URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

- Наверно, все так и будет. Будем стараться! Они к нам будут приезжать, мы к ним. Все так делают, наши земляки. Детей будут отправлять в Кыргызстан на каникулы. У сына и дочери будут еще дети, получают гражданство – появится возможность для разных пособий, материнский капитал, за счет него и купить квартиру можно. Я лично хочу, чтобы мои внуки жили здесь, но при этом бывали там хоть раз в год. Знали и русский, и кыргызский». К. видит в планах реализацию транснациональных связей между собой и семьями своих детей. Одновременно с этим, у респондентки в планах получение гражданства России. У нее нет необходимого стажа работы, и потому пенсионное обеспечение в Кыргызстане для нее будет незначительным, а после получения российского паспорта она будет получать минимальную пенсию, утвержденную для россиян. Для жизни в Кыргызстане эта сумма становится значительной для бюджета домашнего хозяйства: «Я тоже хочу получить гражданство, потому что пенсия там маленькая, а я вообще не работала. А здесь минимальная – восемь тысяч. Это очень хорошие деньги там». Кроме того, для мигрантки характерна «субъективная» пластичность сознания и смена сценариев дальнейшей жизни, которые не имеют однозначных и раз и навсегда сформированных планов и представлений о будущем. Несколько раз на протяжении интервью она упоминала тот факт, что планирует продать квартиру и перебраться в г. Бишкек, где снимает квартиру ее сын. А после говорила о том, что Томск для нее стал родным городом, в котором ей комфортно и климатические условия благоприятны для ее организма. Впоследствии снова возвращалась к жизненным планам в г. Оше, в своей отремонтированной квартире, как памяти о супруге.

К. как вдова является главой своей семьи, советчиком и наставником. Старший сын, у которого есть своя семья, также уважает и прислушивается к мнению матери. Без ее участия и одобрения не совершается ни одна покупка и не принимается ни решение. Вместе тем, респондентка считает, что модель семьи «в миграции» отлична от семьи в Кыргызстане. А гендерное распределение домашних обязанностей трансформируются за счет миграционного опыта, подтверждая это собственным примером: «Наверное, потому что мы живем в России, у нас изменились представления о семье, быте. Сейчас смотрю со стороны на свою семью и наши отношения – это немного другое, чем в кыргызской семье, это дело обстоятельств. Например, когда нет дома никого, я убираюсь, готовлю ужин, слежу за ребенком. Когда мы на работе и сын дома, он делает то же самое. Он очень хорошо готовит супы, куриный, когда я болела – просила его приготовить. А если что-то ломается, то чиним и берем в руки плоскогубцы и отвертку мы с невесткой тоже. Кто свободен, тот и делает, потому что по-другому нельзя. Мой муж вообще ничего не умел готовить, потому что он работал, а я была домохозяйкой, теперь мы все

работаем и все домохозяйки после работы. Все умеем, все делаем». Таким образом, на примере жизненного уклада семьи респондентки можно наблюдать переключение привычных поведенческих кодов относительно понятий «женская» и «мужская» работа на новые, диктуемые условиями миграционного трудоустройства¹.

Изменения семейного уклада и распределение семейных обязанностей могут быть рассмотрены на примере семейной миграции, где муж и жена – трудовые мигранты. М., 50 лет приехала полгода назад из г. Ош (Ошская область) к мужу, который уже на протяжении шести лет работает в строительной фирме разнорабочим, в зависимости от сезона работ, меняющим профиль деятельности: от строителя к сантехнику. Женщина окончила еще при СССР медицинское училище в г. Майлуу-Суу (тогда Ошской области, ныне входит в состав соседней – Джалал-Абадской), проработав год, вышла замуж. Мужу 54 года – военнослужащий, в начале 2000-х гг. устроился в пограничную часть в г. Ош при Министерстве обороны Кыргызской Республики и в 2012 г. вышел на пенсию по выслуге лет. По приглашению сестры и зятя М. отправился в Томск на работу, муж согласился, но не сразу. Основной причиной приезда на заработки для мужчины была – женитьба трех сыновей. В семье четверо детей – сыновья и младшая дочь. Как отмечает М.: *«У нас так принято, что нужно женить сыновей и предоставить жилье каждому из них – это традиция и долг каждого родителя... Первого сына женили, когда муж еще работал в части. Он жил вместе с нами в доме, а для второго уже нет комнаты. Потому согласились на то, что муж поедет в Томск, чтобы купить сыновьям дома или же начать их строительство».* Распределение переводов и доход семьи характеризуется строгим соблюдением обычаев, касающихся жизненного цикла (рождение, вступление в брак, обрезание, смерть). Исполнение данных церемоний, которые, помимо внутрисемейных обязательств, также контролируется местным сообществом, является стратегическим приоритетом семейного бюджета².

Трудовая стратегия респондентки реализуется в русле семейной миграции. М. приехала вслед за мужем спустя 5 лет. До этого она приезжала на короткий срок и уезжала обратно, при этом о работе в России не задумывалась. Но после того как женили третьего сына, отделив от общего хозяйства двух старших сыновей с семьями, М. решила приехать к мужу. Первому купили небольшой домик в близлежащем от города селе, он занимается частным извозом. Второй сын работает в бригаде, которая занимается строительными и

¹Ривз М. Миграция, маскулинность и трансформации социального пространства в долине Соха, Узбекистан // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 34.

²Пешкова В.М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 248.

ремонтными работами, снимает квартиру и строит собственный дом. Основным «спонсором» строительства является отец семейства. Мотивом своего приезда М. называет тот факт, что не хочет мешать молодой семье сына и по этой причине забрала младшую дочь, которая училась в 8 классе. Следующая причина, побудившая М. приехать в Томск, – это налаженный мужем вопрос с жильем. Строительная организация, где работает супруг М., предоставила жилье в деревянном доме по ул. Вершинина, который подлежит сносу: *«Мы приехали с дочкой в августе. Когда в первый раз увидела дом, мне стало страшно. Он ведь может развалиться, но когда зашли в подъезд страх рассеялся. Все было чисто и опрятно. В комнатах были хорошие обои, ничего не протекало. Окна были в хорошем состоянии. А зимой было очень тепло, топили печь. Даже с открытой форточкой спали. Жалко, что такие хорошие дома скоро снесут и построят новые»*. Однако выданное жилье временное и на момент сноса домов, семья респондентки должна покинуть его. Их устраивает такое положение вещей, потому что уже более двух лет муж не платит квартирную плату за аренду жилого помещения, что значительно увеличивает накопленные деньги и сумму денежных переводов: *«Раньше муж отправлял каждый месяц по 10-15 тысяч рублей, а с того момента как дела у сыновей идут хорошо, он отправляет в 3-4 месяца раз около 40-45 тысяч на стройку»*.

После приезда М. занималась домашними делами и обустройством жилья, привезла шторы, постельное белье, домашнюю утварь. Все обязанности «хозяйки» лежали на ней: готовка, стирка, уборка. Муж был против того, чтобы М. устраивалась на работу. Хотел, чтобы она, как все годы совместной жизни, вела домашнее хозяйство. Дочь должна была в сентябре пойти в 9 класс. Девочка училась в Оше в кыргызской школе и не говорила ни слова на русском языке и плохо понимала. У девочки также не было регистрации по месту пребывания, что перекрывало доступ к школьному образованию. Тогда родители решили, что она пропустит этот год, а в 9 класс пойдет уже в сентябре 2018 г., в Кыргызстане. За неделю до проведения интервью женщина отправила свою дочь вместе с соотечественницей на родину, где ее сын договорился с директором школы, что девочку в четвертой четверти возьмут в свой же класс. Очевидно, что семейная миграция сталкивается с проблемами с доступом к школьному образованию детей.

М., несмотря на старания и просьбы мужа, смогла уговорить его, чтобы он дал ей разрешение на то, что она будет работать и помогать ему копить деньги. С 1 февраля 2018 г. она работает уборщицей в мясном цехе группы компаний «Лама»: *«Он не хотел, очень ревновал меня. А потом решили, что дочку замуж будем отдавать через несколько лет, а это значит нужно готовить приданное и отремонтировать свой дом. А сын стройку*

еще не скоро закончит. А если я буду хоть какую-то копейку приносить домой, то дело быстрее пойдет».

На примере М., можно также проиллюстрировать попытку изменения традиционной гендерной установки в семье – муж-кормилец, хозяин и глава семьи, а жена – хранительница домашнего очага. Согласие на изменение гендерных установок со стороны мужа говорит о влиянии миграционного опыта на жизненные планы и стратегии семейной пары и возможность уговорить супруга – это результат миграционного опыта: *«Мой муж хочет, чтобы дочь поступила в университет, чтобы не выходила рано замуж. Хочет, чтобы путешествовала. А ее братья окончили только среднюю школу, дальше не пошли учиться. Мы рано женили сыновей. А муж теперь пересмотрел взгляды на будущее дочери... Иногда с осторожностью говорит, что хочет получить гражданство и остаться здесь, а потом вспоминает о сыновьях и доме там».*

Перспектива получения высшего образования для своей дочери М. видит в одном из вузов Томска: *«Здесь много студентов, в том числе из Кыргызстана и Узбекистана. Думаю, что у моей дочери получится поступить сюда. Ей будет легче, потому что мы будем здесь...».* На наш взгляд, именно статус Томска, как научного и образовательного центра позволяет выделить специфический сценарий миграции из Кыргызстана не только для женщин, но и для мужской половины. Но этот сюжет будет рассмотрен на примере жизненной истории девушки. Данный тип миграции можно назвать *«от учебной в трудовую».* Из всех собранных интервью, такой сценарий характерен для респондентки Ж., 32 года, которая родилась и выросла в г. Бишкек (Чуйская область) и поступила в Томский политехнический университет: *«У меня высшее техническое образование, по специальности «Химическая технология и переработка материалов современной энергетики»... Первое время я думала, что я вернусь в Кыргызстан после учебы, но потом перспектив здесь оказалось больше, и поэтому в дальнейшем я решила остаться здесь. Ну, создать семью и работать... Томск – студенческий город и сюда приезжают из разных стран, и мне кажется, люди друг с другом делятся своими культурными традициями, рассказывают, есть интерес».*

Уже учась на третьем курсе Ж. начала собирать документы на оформление гражданства: *«Мой папа – гражданин Российской Федерации, он у меня учился здесь, а потом в дальнейшем получил гражданство. И так вот, я получила через него, тогда еще было легче получить, чем сейчас».*

После окончания университета вышла замуж за гражданина России – кыргыза по национальности, сыграв традиционную свадьбу в Кыргызстане (ныке – прим. автора), они вернулись в г. Томск и зарегистрировали брак. После официального оформления брака

девушка прошла собеседование, на которое отправилась по объявлению в Томский пивоваренный завод и до сих пор работает там химиком-технологом. Несмотря на то, что на момент трудоустройства Ж. уже являлась гражданкой Российской Федерации, ее опыт перехода «от учебной миграции в трудовую» имеет значимую характеристику для Томска, как одного из привлекательных городов для получения высшего образования и проживания «бывших» иностранных студентов. Семья респондентки около пяти лет назад оформила ипотеку и приобрела трехкомнатную квартиру в новом доме. Старший сын ходит на курсы подготовки к школе. Муж, выпускник Сибирского государственного медицинского университета работает фармацевтом-провизором.

Первостепенное место в жизни Ж. занимают дети и их воспитание в соответствии с кыргызской культурой, что представляется для матери сложным: *«Как бы большие времени дети проводят в садике, а потом и в школе, где конечно, они находятся вместе с детьми, которые принадлежат иной культуре, поэтому мои дети постепенно будут прививаться к этой культуре. Но они родились уже здесь, значит они – уже ее часть. Хотелось бы конечно, привить наше, чтобы они знали, что их родителей воспитывали так. Поэтому мы стараемся чаще приезжать в Кыргызстан, чтобы видели, как там живет и людям и как там вообще. Сравнить, знать, конечно, хочется, чтобы воспитание тоже было хорошее».*

Поездки в Кыргызстан, поддержание контактов с родными и близкими с помощью социальных сетей и мобильной сети, иные формы связей мигрантов с отправляющим сообществом формируют транснациональные пространства перемещений и жизненного мира, о которых пойдет речь в следующем разделе. Кроме того, жизненный мир – это мир повседневности, и именно поэтому, она оказывается в привилегированном положении, приобретая особое значение для социального познания. Это, как уже отмечалось, мир естественной установки каждого отдельного человека, его непосредственное окружение. Отсюда не трудно сделать вывод, что таковых миров множество, поскольку каждый живет в определенной ситуации, которую А. Шюц называет биографической¹. Биографическая ситуация всегда уникальна, уникален и имеющийся у каждого опыт.

2.3. Стратегии поддержания транснациональных связей

Глобализация ведет к серьезным изменениям в культуре, имеющим как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, глобализация способствует небывалому прежде ускорению социокультурной динамики, значительному увеличению

¹Шюц А. Указ соч. URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).

объема информации, потребляемой индивидом. Она преодолевает казавшиеся незыблемыми в течение многих веков политические границы и идеологические барьеры, формируя единое духовное пространство, в котором представлены ценности всех народов и цивилизаций. С другой стороны, глобализация создает и новые опасности, особенно угрожающие человечеству в долгосрочном плане¹. Все страны участвуют в «переселенческих» процессах, что воздействует на рассеивание этнических групп мигрантов по всему миру, приводящее к изменению понимания и анализа миграционных процессов. Термин «транснационализм» вошел в словарь социальных исследователей с 1970-х гг. Его появление связано, прежде всего, с трансформациями в экономической сфере, где начали доминировать крупные международные компании – транснациональные корпорации и банки. Позднее термин «транснационализм» переключивается в область исследований миграций. В классических миграционных исследованиях сообщества рассматриваются только в неразрывной связи с «местом», то есть они, по мнению исследователей, обязательно где-либо локализованы. Связь с «местом» осуществляется посредством особой локальной культуры². Последние несколько десятков лет все больше исследователей в области миграции в различных областях научного знания обращают внимание на глобализацию и международных связи в сферах деятельности государств, корпораций, фирм, компаний и обычных рядовых граждан, формирующих транснациональный подход. При этом уже устарели ранние концепции в миграционных исследованиях, где изображался иммигрант, которому при переезде из одной страны в другую приходилось неизбежно разрывать связи с родиной, отказываться от ценностно-ориентировочных установок и поведенческих механизмов и подвергаться болезненной ассимиляции в новую культуру и языковую среду, приводящей к потере идентификационных установок, связанных с «родным». Семантической моделью, позволяющей концептуализировать порожденные глобализацией режимы мобильности с учетом их гендерной специфики, является «транснациональная парадигма» или «транснациональный поворот». Благодаря чему, на смену линейным, биполярным и ассимиляционным моделям, характерным для традиционных подходов к социальным исследованиям, пришли антропологические методы, обогащенные идеями постмодерна³. Транснациональную парадигму рассматривают как «новую аналитическую оптику», визуализирующую процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности,

¹Мухамеджанова М.Н. Межкультурные коммуникации в условиях глобализации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7 (113). С. 68.

²Кайзер М., Бредникова О.Е. Транснационализм и транслокальность // Миграция и национальное государство. 2004. С. 133.

³Толстокорова А.В. «Жди и помни меня». Украинская транснациональная семья как объект гендерного анализа // Диаспоры. 2012. № 2. С.6.

позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных большим географическим расстоянием¹. Границы размываются, что приводит к формированию новой социальной сферы, возникшей в союзе двух обществ. При этом действующим лицом трансграничной миграции становится «трансмигрант»², поддерживающий многократные отношения в семейной, экономической, социальной, организационной, религиозной и политической сфере, вне зависимости от материальности географических границ. Они создают «социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы» государств и которые «живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со)общество»³.

Концептуальная рамка трансмиграции и транснационализма получила известность в 1990 гг. благодаря работам американского антрополога Nina Glick Shiller. Исследовательница и коллектив авторов проводили наблюдение за мигрантами из Гаити и Филиппин, живущих в Нью-Йорке. Изучение данного кейса миграции в США было акцентировано на переводах трудовых мигрантов домой, как проявлении транснационализма, что представляется в поддержании не только экономического благосостояния семьи, но и в целом государства. Этот элемент проявился в постройке спортивных комплексов коллективом иностранных рабочих в родном городе в Гаити или в Филиппинах. И до сих пор в Соединенных Штатах Америки существует более двух десятков ассоциаций гаитянцев, предоставляющих финансирование различных нужд страны-донора.

В широком понимании транснационализм – феномен, характеризующий принадлежность мигранта к двум или нескольким сообществам. В первую очередь – это поддержание связей со страной исхода в различных сферах жизнедеятельности и успешное существование на территории страны-реципиента. В таком случае государственные границы между Кыргызстаном и Россией существуют в материальном представлении (пограничные посты, заполнение миграционной карты, проверка документов и багажа). С помощью этого понятия выделяется третье состояние – третье поле пребывания одновременно и «там», и «здесь», когда тот же среднеазиатский житель, уезжая на длительное время работать и, фактически, жить в России (или другой стране). При этом он сохраняет самые тесные связи с местом исхода, продолжая общение с

¹Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // *Annals New York Academy of science*. 1992. P. 9

²Glick Shiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. № 1. P. 53.

³Шебанова М.А. Агенты транснационализма [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/agency-transnatsionalizma> (дата обращения: 24.05.2016).

родственниками и «соплеменниками» по телефону и Интернету, осуществляя переводы деньги своей семье и регулярно возвращением «домой» для подтверждения своего статуса члена отправляющего «социума»¹: *«В этом году моя племянница выходит замуж, и я поеду к ней на свадьбу, они даже перенесли ее на две недели, потому что не только я, но и другие родственники приедут из Москвы, Сахалина...»* (из интервью с К., 47 лет). Мигрант остается действующим членом того сообщества, к которому принадлежал до миграции при том, что он физически не находится постоянно в стране-доноре. Участие в массовых коллективных пиршествах по случаю тех или иных знаковых событий жизненного цикла, в том числе свадьбы – то своего рода обязательство члена данного сообщества и публичное подтверждение социальной полноценности, что напрямую связано с процессом социализации мигранта. Согласно наблюдениям, большинство мигрантов откладывают определенную сумму на «черный день», трата которой связана с «домом». Прежде всего, это смерть близкого родственника, представляющая собой непредвиденное событие, требующее от мигранта выполнение долга перед сообществом.

Регулярные поездки домой и «миф» о возвращении навсегда наделяет трудовую миграцию и стратегии мигрантов из Кыргызстана. Действительно, респондентки один или два раза в год уезжают в страну отправления и планируют возвращаться «домой», так как именно «там» живут их родные и близкие. Обозревая это пространство целиком, мы видим, что люди оказываются в раздвоенном состоянии, когда они одновременно становятся «своими» и «чужими», «законными» и «незаконными», «семейными» и «несемейными», «бедными» и «богатыми» и т.д., переключаясь из одного регистра в другой по необходимости². Практики и идентичности в таких условиях приобретают транснациональный характер, то есть приспосабливаются к дальним расстояниям и средствам коммуникации, к ритмам движения туда и обратно, к смене статусов и облика: *«Мы с мамой, сестрами каждый день общаемся по вотцапу. У кыргызов новости и слухи каждый день. Все равно, хоть ты здесь и живешь, душа там (озун биякта – оюн тиякта – ты здесь, а мысли там – прим. автора). Всегда в курсе всех новостей, когда праздники, обязательно фотки отправляют. А когда ребенок был там, постоянно звонила, я хотела все контролировать, особенно вопросы воспитания сына...»* (из интервью с Г., 32 года).

Согласно наблюдениям и проведенным интервью, автор пришел к выводу, что дети мигрантов и «бывших» мигрантов – это основная тема для беспокойства родителей относительно воспитания, идентичности, социокультурной и языковой

¹Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 3. С. 71.

²Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики... С. 10.

«осведомленности» подрастающего поколения. Кыргызский язык становится неким элементом поддержания транснациональных связей с обществом-донором, в том числе для детей. Вне зависимости от уровня знания русского языка мигранты между собой коммуницируют преимущественно на кыргызском языке, отсюда связь с исследовательскими интервью, которые были проведены на родном для мигранток языке. Подрастающее поколение детей, интегрированное в российский социум, понимает, но не говорит на родном языке. В то же время родители каждое лето отправляют детей в Кыргызстан к родственникам, прежде всего к бабушкам и дедушкам, что, по их мнению, поможет улучшить знание языка и культуры кыргызов. А родные в отправляющей стране считают долгом познакомить детей с традициями и обычаями.

Остающиеся дома члены семьи мигранта приспособливают всю свою повседневную жизнь, ее ритмы к циклам отъезда и возвращения. В отсутствие мигрантов они имитируют и даже консервируют места в социальной иерархии и социальные роли, которые уехавшему полагалось занимать и исполнять в данном локальном сообществе: *«Сын всегда звонит нам и спрашивает разрешение по каждому поводу. Мы знаем, что он делал вчера, что делает сегодня и что планирует завтра. Мы его родители, он не может не советоваться с нами... Невестка также просит разрешения у меня взять посуду из серванта, когда приходят гости...»* (из интервью с М., 50 лет).

Создается, таким образом, иллюзия присутствия мигранта, его постоянного участия во всех делах семьи и сообщества. Всё это, вопреки распространенной точке зрения, будто миграция только дестабилизирует семейный порядок, наоборот, указывает на более сложный процесс – на осознание и обсуждение появившихся рисков, на новые усилия по укреплению семейных и общинных иерархий. Весь этот комплекс стратегий и практик немигрантов – тоже часть транснационального существования.

Одновременно с поддержанием связей с «домом» в контексте изучения международной миграции формируются транснациональные социальные поля, включающие деятельность политического, экономического, социокультурного сектора. Кратко характеризуя каждый из них, можно прийти к тому, что в политической сфере транснационализм проявляется в поддержке определенной партийной или чиновничьей элиты в стране-доноре мигрантами, находящимися за ее пределами, а также простое согласие с законопроектами или инициативами различных властных структур. Выборы президента Кыргызской Республике осенью 2017 г. совпали с проведением полевого этапа исследования. Трудовые мигранты, длительное время работающие в Томске, принимали участие в выборах, делились мыслями по поводу кандидатов и их программ. Ближайший «избирательный участок» – вице-консульство Кыргызской Республики в Российской

Федерации, которое расположено в г. Новосибирске, при этом расстояние не стало преградой для выполнения гражданского долга. Большинство заранее договаривались с работодателем, чтобы отправиться в вице-консульство. «Старожилы» же, получившие гражданство Российской Федерации, с не менее активным интересом включались в обсуждение и дискуссии.

С точки зрения экономической и финансовой сферы, поддержание транснациональности выражается в отправке денежных переводов семье в Кыргызстан не только на долгосрочные перспективы, а иногда заработок члена семьи-мигранта является основной и единственной статьей бюджета домохозяйства. Переводами в стране-доноре распоряжаются родственники, но контроль над ведением подсчетов осуществляется мигрантом, находясь в России¹. Денежные переводы – это только один элемент транснациональных связей и коммуникации трудового мигранта с посылающим обществом. По обе стороны границы активно практикуются трансферы вещей, информации, символов, образов и опыта; с их помощью решаются самые разные задачи. Данный аспект подтверждается функционированием в инфраструктуре пространства города в стране приема и в коммуникационных сферах с теми акторами, которые также связаны с отправляющим обществом, «точек этнического предпринимательства». Для них характерна реализация торговли национальными продуктами питания: *«Если ты хочешь кумыс, курут или даже варенье, у меня есть номер одного человека, который привозит (из Кыргызстана – прим. автора) и потом можешь у него купить, что захочешь... Зимой и осенью даже яблоки привозит в ящиках. Они вкусные и сочные, а по цене дешевле, чем в магазинах»* (из интервью А., 40 лет). Наряду с этим, «точки этнического предпринимательства» представлены ресторанами и кафе, где можно попробовать блюда кыргызской, шире «восточной» кухни, как себя позиционируют такого рода досуговые места. Этническая сплоченность среди мигрантов проявляется в общении на родном языке, часто в совместных поисках работы или открытии дела. Объяснить столь тесное общение людей, которых может объединять только общая национальность, можно следующим образом. У многих этнических мигрантов моральная поддержка соотечественника удовлетворяет потребность в «ностальгии по этнической родине», но в подавляющем большинстве эти взаимосвязи представляют своеобразные «точки опоры» на чужбине, каковыми является, например, кухня. «Мигрантские» кафе в пространстве города на сегодняшний день стали повседневной практикой², которая характерна и для

¹Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии... С. 170. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 109.

Томска. Стоит отметить тот факт, что владельцы, работники и посетители «восточной» кухни не сегрегированы строго для представителей одной национальности, напротив, «восточные» кафе являются мультикультурным местом общественного питания, в том числе популярным среди «местных». А группы посетителей мигрантов – это сообщества по семейным, земляческим и религиозным сетям.

В городе функционируют более десятка таких кафе. Наблюдения автора позволяют назвать самые популярные из них, где могут быть проведены не только «посиделки» в кругу друзей, но и свадьбы, юбилеи, дни рождения. Именно эти места общественного питания также упоминались в интервью с трудовыми мигрантками¹. Самое часто упоминаемое – это кафе восточной кухни «Бай казан» по адресу проспект Фрунзе, д. 240/10, где возможно проведение банкетов до 30 человек. Следующее – «Asia Mix», также позиционирующее себя, как кафе восточной кухни. Стоит отметить, что название было заимствовано у сборной команды Клуба веселых и находчивых с одноименным названием, представляющей г. Бишкек – столицу Кыргызской Республики. Команда является чемпионом Высшей Лиги КВН 2016 г. и позиционирует себя как сборная народов «многонационального» Кыргызстана². Действительно, в составе команды играют кыргызы, узбеки, таджики, татары и русские. При этом следует называть такие кафе «мигрантскими», так как открывались они мигрантами и для мигрантов, где работают преимущественно мигранты из разных республик Средней Азии. Следующий пример – это сеть кафе «Ош», получившая свое название от второго по величине города Кыргызской Республики, центра Ошской области и «южной столицы», как неформально называют ее кыргызстанцы. Места общественного питания такого типа конструирует «мигрантскую» инфраструктуру в пространстве города³.

Одновременно с этим, рост числа мигрантов из бывших советских республик характеризуется процессом диаспорализации – формирования сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации⁴. Диаспоральные институты и сообщества (национально-культурные общества, землячества, автономии) являются одним из мощных

¹Деминцева Е.Б. Пешкова. В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. 2014. № 597-598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>? (дата обращения: 01.05.2018 г.)

²«Asia MIX» стала чемпионом Высшей лиги КВН 2016 [Электронный ресурс] // Вечерний Бишкек. URL: https://www.vb.kg/doc/352675_aziaa_mix_stala_championom_vysshey_ligi_kv_n_2016.html (дата обращения: 15.04.2018).

³Пешкова В.М. Инфраструктура мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. № 2. С. 135.

⁴Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. 2007. № 271–272. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 12.05.2018).

механизмов, способствующих функционированию транснационального пространства¹. В случае с кыргызами, в Томске с 2003 г. осуществляет свою деятельность городская национально-культурная автономия (ТГНКА) «Кыргызстан»². Такого рода общественные организации, как национально-культурные автономии (НКА) – это одно из ключевых понятий современной национальной политики Российской Федерации. Правовое основание признания, создания и функционирования НКА впервые юридически было закреплено в «Основах законодательства о культуре» от 9 октября 1992 г., которыми «гарантировалось» «всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющих своей государственности, право на культурно-национальную автономию», а именно: «право указанных этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств». Согласно Федеральному Закону «О национально-культурной автономии», который вступил в действие с июня 1996 г., НКА предоставляются права, связанные исключительно с этнокультурной сферой деятельности, с «сохранением самобытности, развитием языка, образования, национальной культуры». Но ограничивая сферу функционирования НКА этнокультурной деятельностью, закон тем самым отказывает им в праве на занятие политической деятельностью³.

Несмотря на то, что НКА не обладают политическими функциями, сегодня они выполняют представительскую и посредническую деятельность – взаимодействие с властью, оказание мигрантам правовой и материальной поддержки, содействие адаптационным и интеграционным стратегиям. Государство прибегает к услугам НКА, как к каналу связи с этническим сообществом в вопросах миграционной ситуации, национальной политики, этнических конфликтов. От НКА ожидают обязательного выполнения властных распоряжений, не наделяя их при этом необходимыми правами, ресурсами и полномочиями. Роль медиатора и транслятора политических решений между государством и мигрантским сообществом национальные организации осуществляют на добровольной основе. Возникает закономерный парадокс: власть ожидает от НКА выполнения политической, юридической, иногда дипломатической роли. Но и сами мигранты предъявляют такие же «требования» к национально-культурным автономиям, в

¹Faist T. Transnationalization in internal migration: implications for the study of citizenship and culture // *Ethnic and racial studies*. 2000. № 23 (2). P. 197.

²Нам И.В. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков*. Иркутск, 2013. С. 492–521.

³Нам И.В. Новые этнические группы.... С. 35-36.

том числе киргизской: *«Моя свекровь общалась с представителями «диаспоры», она в основном, ходила в кафе, на праздники и на концерты. А то, что внутри, проблемы, они не участвуют в этом. Снаружи все хорошо, все работают. Да, они в «Факеле» проводят фильмы, концерты, я ходила. Я думала, что они обсуждают что-то, решают проблемы. Может быть, молодежь что-то делает. Ничего подобного, все курят, пьют, танцуют, а реальные проблемы остаются. Я этим не довольна вообще. Диаспору знать не знаю... А если посмотреть на узбеков, они за своих горой»* (из интервью с Г., 32 года).

Мы пришли к выводу, что НКА – это один из механизмов функционирования и поддержания транснациональных связей в этнокультурной сфере, но при этом это диаспоральное сообщество не является «посредником» в процессе адаптации и интеграции трудовых мигрантов, так как не имеют соответствующих полномочий относительно решения этих вопросов. Большинство женщин, сталкиваясь с проблемами различного характера, в том числе в оформлении документов, в поиске работы и жилья, в семейно-бытовых трудностях, пытались решить самостоятельно либо при помощи родственников, которые также живут в г. Томске: *«Да, я знаю, что здесь есть наша национальная «диаспора», как и в других городах России. Они вроде организуют праздники наши, а так я даже не знала, что они помогают с документами... Моя сестра мне помогла найти работу и жилье. Я к диаспоре не обращалась и не думаю, что они могут чем-то помочь»* (из интервью с З., 23 года).

«Я не знала, что существует автономия кыргызов в Томске до того момента, как мой сосед попал в беду. Он работал где-то грузчиком и ему не выплатили зарплату. Обманули... Он обратился к председателю, потому что знал его лично. Он ему помог и поговорил с работодателем. Они решили проблему... Но думаю, что мы узнали случайно о том, что он председатель автономии, потому что он просто кыргыз, который живет давно в России, у него есть гражданство и много знакомых.. Я его не знаю и если у меня возникнет проблема, вряд ли он мне поможет, потому что мы не знакомы. Я попрошу помощи у родственников» (из интервью с К., 47 лет). В данном случае, актуализируется помощь знакомого земляка, интегрированного в российское сообщество, а не от лица председателя автономии.

Следовательно, НКА слабо влияют на поведенческие механизмы трудовых мигрантов, на процесс адаптации и интеграции в принимающей стране и на решение комплекса проблем и трудностей трудовых мигрантов, которые возникают в стране-реципиенте. К тому же, респонденты ожидают и приписывают НКА политические и юридические роли относительно решения важных проблем мигрантов, которыми они реально не обладают. Ограничивая НКА на законодательном уровне, государство снижает

эффективность в сфере национальной и миграционной политики, что сказывается на ситуации во всем постсоветском пространстве. Существующий спрос на политическую и юридическую деятельность национально-культурных автономий позволит расширить компетенции в посреднической и представительской сфере и углубить транснациональные связи со страной-донором и Российской Федерацией, не ограничиваясь этнокультурной составляющей.

Этнокультурная деятельность НКА – это социокультурная сфера транснационального дискурса, который включает такие практики, как приезд религиозных представителей из родной страны, международные выставки национального искусства, выступление своих артистов за границей, организация светских и религиозных праздников¹. В Томске под руководством представителей НКА и активистов среди студенчества периодически проходят кинопоказы кыргызских фильмов в кинотеатре развлекательного комплекса «Факел», в Доме культуры «Авангард». В Ночном клубе «Правда» организуются концерты звезд кыргызской эстрады (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А, рис. № 4, 5, 6). В ее деятельность входит проведение различных культурных мероприятий, в том числе создание и поддержка национальных музыкальных и танцевальных ансамблей из «мигрантской среды», в организации тренировочного процесса для детей и взрослых, и их подготовка к спортивным соревнованиям городского, регионального и международного уровня². При этом, деятельность акцентирована на поддержание этнокультурной идентичности мигрантов и «бывших» мигрантов. Одновременно с этим, сегодня этнокультурная деятельность НКА активно включена в социальную сферу транснационального пространства кыргызстанских мигрантов в российских городах, что представлено тесной связью этнической идентичности с чувством родины, характерной для титульных наций независимых государств, образовавшихся на руинах советской империи. Эти народы, как и титульные народы республик России, рассматривают территорию этноконсолидирующим фактором и связывают становление государственной целостности с родной землей. Именно данный аспект может охарактеризовать прочность транснациональных социальных сетей, формирующихся в «мигрантском» сообществе.

¹Кочеткова Л.Ю. Транснациональная миграция: понятия, условия развития и последствия // Географический вестник. Социальная и экономическая география. 2012. № 2 (25). С. 26.

²Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 92.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что трудовая миграция – один из масштабных «притоков» из стран Центральной Азии в Россию, который по формам проявления и последствиям представляет собой сложный и противоречиво оцениваемый феномен. Кроме того, что трансграничная трудовая мобильность присуща постсоветскому поколению, которое не имеет опыта жизни в едином многонациональном государстве, что значительно влияет на дистанцию между принимающим сообществом и мигрантами, для современной миграции характерна «этнизация». Этническая миграция – перемещение представителей разных этнических групп, значительно отличающихся по своему языку, традициям, паттернам поведения от населения-реципиента – еще более проблематизирует сформировавшуюся дистанцию. Этническая детерминанта аккумулирует на разных уровнях и масштабах дискриминационные и конфликтогенные «явления». Данный вывод получен по результатам контент-анализа новостей и комментариев к ним на страницах региональных изданий. Был выявлен «образ» мигранта, не способный вызвать положительных эмоций и позитивной заинтересованности, а зачастую провоцирующий и вовсе отрицательную реакцию: он обезличен и размыт, не наделен индивидуальными личностными особенностями¹. Мигрант характеризуется как некая проблема или раздражитель, что проявилось по итогам анализа комментариев читателей².

Мы пришли к выводу, что гендер признается большинством теорий миграции нейтральным и универсальным, но фактически они исходят из неявных предпосылок, что мигрант – это мужчина и он действует рационально. Однако сегодняшние реалии и рост числа женщин свидетельствует о возрастающем процессе феминизации миграционных «потоков» в том числе из Кыргызстана. В результате проведенного эмпирического исследования было выявлено, что активное включение женщин «в миграцию» объясняется развитием сектора услуг и «заботы». Женщина, становясь трудовым мигрантом, создает испытание для традиционных институтов семьи и брака для сообщества-донора и формирует ряд вызовов для страны-реципиента. Процесс феминизации оказывает огромное воздействие на брачно-семейные и сексуальные отношения, трансформирует многие традиции, обычаи, стереотипы, внося заметные коррективы в жизнь людей.

Миграционный опыт женщин проанализирован как особое биографическое событие посредством изучения их жизненных историй. По итогам применения сценарного подхода при анализе биографических интервью выявлено четыре сценария миграции:

¹Нам И.В., Карагеоргий Е.В., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа мигранта... С. 189.

²Джаньзакова С.Д. Трудовая миграция глазами читателей городского портала «Новости в Томске... С. 191.

«молодая незамужняя девушка», «вдова или разведенная женщина», «женщина и семейная миграция», сценарий «от учебной в трудовую». Для сценария «незамужняя девушка» характерно изменение семейного статуса, которая становится замужней женщиной, после разведенной, а затем приобретает роль матери-одиночки. Находясь за границей, девушки осваивают принципы гендерной эгалитарности быстрее женщин старшего возраста, что сказывается, в том числе и на их брачных стратегиях, проявляющихся в большей избирательности и повышении требований к супругу.

В ходе миграции изменениям подвергаются традиционные гендерные роли и размываются границы между «мужским» и «женским», что было выявлено на примере сценария «разведенная женщина и вдова», прежде всего, это коснулось оценки семейно-бытовых отношений. Сценарий «женщина и семейная миграция» также говорит об изменении жизненного мира и уклада мигрирующих, наблюдается пересмотр взглядов на планы и будущее детей, что связано, прежде всего, с желанием предоставить им доступ к высшему образованию, в том числе в г. Томске. Статус Томска как образовательного и научного центра России актуализирует сценарий – «от учебной в трудовую», который характеризует основные планы и стратегии иностранных выпускников томских вузов, нацеленных на то, чтобы жить и работать в России. Жизнь в стране-реципиенте не предполагает прерывания связей с отправляющим сообществом, что по результатам исследовательской работы характеризует транснациональную форму миграции из Кыргызстана. Мигранты становятся «трансмигрантами», поддерживающими многократные отношения в семейной, социально-экономической, организационной, религиозной и политической сферах, что становится возможным благодаря Интернету, мобильной связи и возможности частых поездок «домой».

В результате миграции женщины формируются транснациональная семья и практика транснационального материнства. Они создают «социальные поля», пересекающие географические, культурные и политические границы государств, живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно сообщество. Находясь в принимающем сообществе, «трансмигранты» имеют доступ к «точкам» поддержания связей с «домом» на «чужбине», формирующимся благодаря развитию «мигрантской» коммуникации и инфраструктуры. По обе стороны «границы» активно практикуются трансферы вещей, информации, символов, образов и опыта; с их помощью решаются самые разные задачи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Законодательные акты

1. Договор между Российской Федерацией и Киргизской Республики о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Киргизской Республики, и граждан Киргизской Республики, постоянно проживающих на территории Российской Федерации: [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kg/-/asset_publisher/sEkQTukf0R39/content/id/585318 (дата обращения: 01.02.2018).
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. – Электрон. дан. [Б. м.], 2012. – URL: http://+www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya_migr.html (дата обращения: 01.03.2018).
3. Соглашение между Кыргызстаном и Россией о порядке пребывания граждан одного государства на территории другого государства: [Электронный ресурс] // Прессслужба Посольства Кыргызской Республики в Российской Федерации. – URL: <http://kyrgyzembassy.ru/?p=13333#.WqKty2rFK1s> (дата обращения: 01.03.2018).
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами о Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации: [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-127/45726 (дата обращения 25.02.2018).
5. Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в области иммиграционной политики» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2005. – Электрон. дан. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Федеральный Закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. [Электронный ресурс] // Гарант : информ.– правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. [Электронный ресурс] // Гарант: информ.–

правовое обеспечение. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

8. Федеральный закон от 18.07.2006 N 109–ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2015. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

9. Федеральный закон от 31.05.2002 N 62–ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2014. – Электрон. дан. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Электронные материалы из средств массовой информации и официальных сайтов

1 Административное право [Электронный ресурс] // Миграционная служба. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-1/83.htm> (дата обращения 04.06.2016).

2 Бенгард А. Кражи невест в Кыргызстане. Каким цифрам верить [Электронный ресурс] // Информационное агентство 24KG. – URL: https://24.kg/obschestvo/45809_kraji_nevest_vkyrgyzstane_kakim_issledovaniyam_verit/ (дата обращения: 10.04.2018).

3 В 2015 году число мигрантов составило 244 миллионов: [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. – URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.Vy3IgfnoHO4> (дата обращения: 10.04.2018).

4 Географический справочник «О странах»: [Электронный ресурс] / Численность населения стран мира. – URL: http://ostranah.ru/_lists/population.php (дата обращения: 16.02.2018).

5 Государственная программа по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников: [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots (дата обращения: 09.03.2018).

6 История Федеральной миграционной службы России [Электронный ресурс] – URL: http://www.ufms-astrakhan.ru/docs/d_ufms/ifmsr.pdf, свободный (дата обращения: 11.04.2018).

- 7 Кыргызские «ура-патриоты» издеваются над кыргызками в Москве [Электронный ресурс] // Limon.kg первое молодежное интернет-издание в Кыргызстане. – URL: <http://limon.kg/news:51441> (дата обращения: 05.04.2018).
- 8 Кыргызстан // International organization for migration – официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <https://www.iom.int/countries/kyrgyzstan> (дата обращения: 02.03.2018).
- 9 Миллиардная Россия: [Электронный ресурс] // Естественный прирост населения. – URL: <http://akparov.ru/node/51> (дата обращения: 14.02.2018).
- 10 По последним данным глобальной миграции ООН в мире насчитывается 232 миллиона международных мигрантов, проживающих за пределами своих стран: [Электронный ресурс] // Пресс-релиз ООН. – URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013 свободный. (дата обращения: 04.04.2018).
- 11 Портал «В Томске» — на первом месте в регионе по читаемости. – URL: <https://corp.vtomske.ru/news/view-140.html> (дата обращения 13.01.2017).
- 12 Россия и Узбекистан подписали пакет документов по расширению сотрудничества: [Электронный ресурс] // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/politics/20171102/1508072599.html> (дата обращения 25.02.2018)
- 13 Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации в половозрастном разрезе [Электронный ресурс] // Главное Управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации официальный сайт. – URL: http://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazhd/item/5850/ (дата обращения: 30.03.2018).
- 14 Центральная Азия. Бизнес проект Кыргызстана и Казахстана [Электронный ресурс] // Промышленность. – URL: http://www.centralasia-biz.com/cabiz/kirgizstan/Industry/industry_list_company.htm (дата обращения: 07.03.2018).
- 15 «Asia MIX» стала чемпионом Высшей лиги КВН 2016 [Электронный ресурс] // Вечерний Бишкек. – URL: https://www.vb.kg/doc/352675_aziiia_mix_stala_chempionom_vysshey_ligi_kv_n_2016.html (дата обращения: 15.04.2018).
- 16 Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 г. с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика МВД РФ. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171/> (дата обращения 04.03.2018).

Официальные сайты

- 1 Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: <https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/>
- 2 Государственная служба миграции при правительстве Кыргызской Республики [Электронный ресурс] – URL: <http://ssm.gov.kg/>
- 3 Евразийский экономический союз – официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://www.eaeunion.org/>
- 4 Министерство внутренних дел Российской Федерации – официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>
- 5 Министерство иностранных дел Российской Федерации – официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://www.mid.ru/>
- 6 Посольство Кыргызской Республики в Российской Федерации – официальный сайт [Электронный ресурс] – Кыргызская Республика, 2018. – URL: <http://kyrgyzembassy.ru/>
- 7 Система ООН в Кыргызской Республике / Организация объединенных наций – официальный сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://kg.one.un.org/content/unct/kyrgyzstan/ru/home.html>

Литература

- 1 Абашин С.Н. «Горячее лето» 2013: выборы и миграция // Мигранты, мигрантофобия и миграционная политика / под ред. В.И. Мукомеля. – М.: «Academia», 2014. – С. 20–31.
- 2 Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab Imperio*. – 2015. – № 3. – С. 125–165.
- 3 Абашин С.Н. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. – СПб.: Нестор-история, 2016. – С. 159–176.
- 4 Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, лояльные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение* (специальная тема номера: этнография миграций). – 2012. – № 4. – С. 3–13.
- 5 Абашин С.Н., Савин И.С. Ош 2010: конфликтующая этничность // Этничность и религия в современных конфликтах. – М.: Наука, 2012. – С. 23–56.
- 6 Абдуразакова Н.Г. Гендер и миграция (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. – 2007. – № 3. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-migratsiya-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 08.03.2018).

7 Агаджанян В.С., Зотова Н.А. Миграция и риски ВИЧ-инфекции: женщины – выходцы из Средней Азии в Российской Федерации // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 85–106.

8 Амираев Р.У. Гендерные аспекты в процессе трудовой миграции в Кыргызстане // Наука и новые технологии. – 2010. – № 2. – С. 243–245.

9 Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. – М.: Центр социального прогнозирования, 2007. – 700 с.

10 Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведения Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 12. / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2015. – 196 с.

11 Артамошкина Л.Е. Феноменология как концептуальное основание биографического метода // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-kak-kontseptualnoe-osnovanie-biograficheskogo-metoda> (дата обращения: 17.04.2018).

12 Аюпова Ш. Узбекская трудовая миграция из Южной Киргизии в Россию и ее влияние на гендерные отношения // Диаспоры. – 2012. – № 2. – С. 61–85.

13 Базина Е.С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности // Бизнес. Общество. Власть. – 2015. – № 23. – С. 24–36.

14 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

15 Бредникова О.Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 32–47.

16 Варшавер Е.А, Рочева А.Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. – 2015. – № 3 (109), Т. 14, Ч. 1. – С. 24–38.

17 Варшавер Е.А, Рочева А.Л. Сообщества мигрантов в Москве как среда интеграции: результаты этнографического исследования // Мигранты, мигрантофобия, миграционная политика. – М.: «Academia», 2014. – С. 50–81.

- 18 Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 3 (121). – С. 104–114.
- 19 Выборнова В.В., Шарифулина Э.А. Социальное взаимодействие трудовых мигрантов из Средней Азии с принимающим обществом // Знание, понимание, умение. – 2009. – № 3. – С. 94–99.
- 20 Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. – СПб.: Алетейя. – 2001. – С. 307–390.
- 21 Гендерная повестка миграции. Взаимосвязь трудовой миграции из развития в контексте гендерного подхода: учеб. пособие. / ред. Рыльникова И. – Алматы, 2015. – 266 с.
- 22 Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 2005. – 632 с.
- 23 Горшкова И.Д. Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. ООН Женщины / И.Д. Горшкова, Е.В. Тюрюканова, Е.Б. Мезенцева и [др.]. – М, 2012. – 98 с.
- 24 Дементьева С.В. Особенности адаптации мигрантов из зарубежных стран в городах России (по данным социологических исследований) // Известия Томского политехнического университета. Социально– экономические и гуманитарные науки. – 2005. – Т. 308, № 5. – С. 195–199.
- 25 Дементьева С.В. Учебная миграция в Россию в фокусе толерантности // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 317. – С. 39–46.
- 26 Деминцева Е.Б. Пешкова. В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. – 2014. – № 597-598. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>? (дата обращения: 01.05.2018 г.).
- 27 Деминцева Е.Б. Условия пребывания трудовых мигрантов из Кыргызской Республики на территории России // Вступление Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз: влияние на процессы миграции. – М.: Спецкнига, 2015. – С. 38-45.
- 28 Денисенко М.Б., Чудиновских О.С. Миграция между странами СНГ [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. Электрон. дан. [Б. м.,], 2012. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit04.php#_FNR_3 (дата обращения: 01.04.2018).
- 29 Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение / А.В. Дмитриев – М.: Альфа – М, 2006. – 432 с.

- 30 Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. – 2007. – № 271–272. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 12.05.2018).
- 31 Емельянова И. «Рассказы о жизни: к проблеме нарративизации повседневности // Критика и семиотика. – 2003. – № 6. – С. 107–121.
- 32 Женщины – мигранты из СНГ в Россию / под ред. Тюрюкановой Е.В. – М.: Макс Пресс, 2011. – 184 с.
- 33 Женщины и дети из Кыргызстана, вовлеченные в миграцию (наиболее уязвимые группы). Бишкек, 2016. – № 675г. – 76 с.
- 34 Здравомыслова Е.А, Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. – СПб.: Алетейя. – 2001. – С.147–174.
- 35 Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // Российский гендерный порядок: социологический подход. – СПб: ЕУСПб, 2007. – С. 227–249.
- 36 Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Введение в гендерные исследования. – СПб.: Алетейя. – 2001. – С.174–197.
- 37 Зотова Н.А. Восприятие миграции в стране выхода: Таджикистан // Вестник Европы. – 2008. – № 2. – С. 29–43.
- 38 Зотова Н.А. Женщины трудовые мигрантки из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии. – 2007. – № 2. – С. 72–87.
- 39 Зотова Н.А. Кишлак у реки. Опыт исследования миграционных процессов на примере одного селения // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 51–66.
- 40 Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир. – М.: Диалог МГУ, 1999. – № 3. – С. 53–105.
- 41 Кайзер М., Бредникова О.Е. Транснационализм и транслокальность // Миграция и национальное государство. – 2004. – С. 133–146.
- 42 Каландаров Т.С. Брак, секс и развод у таджикских трудовых мигрантов // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 81–92.
- 43 Карпенко О.В. «Ты – гость, тебе не должно сметь свое суждение иметь» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 212–251.

- 44 Карпенко О.В. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство. – СПб.: ЦНСИ. – 2004. – С. 62–84.
- 45 Карымшаков К., Сулайманова Б. Экономическая ситуация в Российской Федерации и ее влияние на процессы миграции в Кыргызской Республике / Отчет Национального института стратегических исследований. – Бишкек, 2015. – 59 с.
- 46 Касымова С.Р. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 67–81.
- 47 Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 88–93.
- 48 Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий / Е.А. Варшавер [и др.] – М.: ЦИМЭ РАНХиГС, 2014. – 153 с.
- 49 Коваляшкина Е., Матулис Ю., Нам И. Национализм, ксенофобия и нетерпимость на страницах СМИ // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Отв. ред. Тишков В.А. – 2002. – № 44. – С. 76–81.
- 50 Козлова Л.А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания. // Социологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 60–86.
- 51 Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17, № 3. – С. 62–76.
- 52 Кочеткова Л.Ю. Транснациональная миграция: понятия, условия развития и последствия // Географический вестник. Социальная и экономическая география. – 2012. – № 2(25). – С. 24–28.
- 53 Куприна Т.В. Международные миграционные потоки: гендерные различия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2014. – № 8 (40). – С. 120–138.
- 54 Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль / Построение миграционных партнеров. – Бишкек, 2013. – 105 с.
- 55 Лебедева С.Г. Иностранцы студенты. Образовательная миграция в России и в мире // Интеграция экономических мигрантов: формальные и неформальные практики. – Иркутск: «Оттиск», 2009. – С. 177-191.

- 56 Макарова О.И. А. Аппадурри: культурные последствия глобализации // Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки. – 2011. – № 2 (3). – С. 58–63.
- 57 Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики / В. С. Малахов. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 272 с.
- 58 Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 200 с.
- 59 Малахов В.С. Транснациональная миграция как проблема политической теории [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2135#top-content (дата обращения: 20.03.2018).
- 60 Малькова В.К. СМИ и современное полиэтничное общество // Антропология медиа: теория и практик. – М., 2016. – С. 29–65.
- 61 Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: монография / С.Е. Метелев. – М.: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2006. – 271 с.
- 62 Методология и методика изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / под ред. Зайончковской Ж., Мукомеля В., Тюрюкановой Е. – М., 2007. – 370 с.
- 63 Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. – СПб.: Алетейя. – 2001. – С. 197–237.
- 64 Мещеркина Е.Ю. Памяти П. Бурдье. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. – 2002. – № 1. – С. 75–84.
- 65 Мещерякова Л.Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Социология. – 2002. – № 1. – С. 116–127.
- 66 Миграция и демографический кризис в России / под общ. ред.: Е.В. Тюрюканова, Ж.А. Зайончковская. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 112 с.
- 67 Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 94–101.
- 68 Мокин К.С. Местные о мигрантах: надо пройти весь путь, чтобы стать «своим» // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). – М. ИЭА РАН, 2014. – С. 103–121.
- 69 Моргунова А. Трудовые мигранты в России: оценки и перспективы взаимодействия // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 3–4. – С. 110–122.

- 70 Мукомель В.И. Ксенофобии на юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 5.– С. 29–47.
- 71 Мукомель В.И. Роль государства и общества в продуцировании дискриминаций // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / сб. статей; сост. и отв. ред. Деминцева Е. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 195 – 209.
- 72 Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 236–263.
- 73 Мухамеджанова М.Н. Межкультурные коммуникации в условиях глобализации // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 7 (113). – С. 67–74.
- 74 Нам И.В. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области) // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – С. 492–522.
- 75 Нам И.В. Новые этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 5 (37). – С. 33–43.
- 76 Нам И.В. Участие гражданского общества в адаптации мигрантов в Томской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 246–254.
- 77 Нам И.В., Карагеоргий Е.В., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 166–192.
- 78 Нам И.В., Кашпур В.В., Поправко И.Г. Трудовые мигранты в Томской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 162–170.
- 79 Нам И.В., Поправко И.Г. Трудовая миграция, рынок труда, межэтнические отношения в Томской области // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования). – М. ИЭА РАН, 2014. – С. 227–245.
- 80 Насритдинов Э. Миграция в Кыргызстане: взвешивая за и против // Academia. edu [Электронный ресурс] – URL:

https://www.academia.edu/4371896/Миграция_в_Кыргызстане_взвешивая_за_и_против
(дата обращения: 04.04.2018).

81 Нечаева Е.С. Биографический методы как способ изучения повседневности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 2. – С. 71–78.

82 Олимова С.К. Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры. – 2012.– № 2. – С. 86–123.

83 Ормонова А.А. Сотрудничество России и Кыргызстана в области миграции // Вестник Кыргызско-славянского университета. – 2014. – Т.14, № 11. – С. 177–179.

84 Пескова Д.Р., Абреу Бастос О.П. Причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции: исследование на региональном уровне // Фундаментальные исследования. Экономические науки. – 2014. – № 11. – С. 596–600.

85 Петухова И.Ю. Специфика женской трудовой миграции в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5, № 4, Ч. 2. – С. 204–207.

86 Пешкова В.М. Жизненные планы трудовых мигрантов Средней Азии в Россию: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 48–62.

87 Пешкова В.М. Инфраструктура мигрантов в городах в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. – 2015. – № 2. – С. 129–151.

88 Пешкова В.М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1 (131). – С. 240–256.

89 Погодаев Н.П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве города // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 1(29). – С. 91–103.

90 Полетаев Д.В Женщины – мигранты из зарубежных стран в России // Вестник Евразии. – 2005. – № 1. – С. 18–31.

91 Полетаев Д.В Мигрантофобия и миграционная политика // Мигранты, мигрантофобия, миграционная политика / отв. ред. В.И. Мукомель. – М.: «Academia», 2014. – С. 5–19.

92 Полетаев Д.В. Взаимосвязь трудовой миграции с ранними браками и разводами в странах Центральной Азии. Краткий аналитический отчет [Электронный ресурс] / Д.В. Полетаев. – М., 2013. – 14 с. – URL:

https://auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletaev_2013.pdf (дата обращения: 03.03.2018).

93 Полетаев Д.В. Изменения практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: транграничные миграции и диаспоры / ред. С. Панарин. – СПб: Нестор-История, 2016. – С. 177–194.

94 Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской / Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. – 411 с.

95 Регамэ А. Юмор, расизм, отказ в признании: таджики и передача «Наша Russia» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / сб. статей; сост. и отв. ред. Деминцева Е.Б. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 357–373.

96 Региональное измерение трансграничной миграции в России / науч. ред. С.В. Голунов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 351 с.

97 Ривз М. Миграция, маскулинность и трансформации социального пространства в долине Соха, Узбекистан // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 32–50.

98 Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 4 (66). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ri24-pr.html> (дата обращения: 02.04.2018).

99 Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии / Е.Ю. Рождественская. – М.: Изд. дом Высшей Школы Экономики, 2012. – 383 с.

100 Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. – С. 322–356.

101 Рочева А.Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратификационного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – Т. 12, № 3. – С. 367–380.

102 Рочева А.Л. Миграция как эмансипация: Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. – 2010. – № 8. – С. 105–107.

103 Рочева А.Л. Стройка: «Расклад по национальностям» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / сб. статей; сост. и отв. ред. Деминцева Е. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 333–345.

- 104 Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // ИНТЕР. – 2002. – Т. 1, № 1. – С. 7–24.
- 105 Савоскул М.С. Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 1. – С. 127–135.
- 106 Самофалова Е.И. Роль социальных сетей в образовательной миграции (на примере Китая) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 302–315.
- 107 Самофалова Е.И. Социальные сети как инструмент для изучения структуры высшего образования и образовательной миграции: социологический анализ феномена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 1 (25). – С. 187–199.
- 108 Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. Учеб. пособие. / Институт социологии РАН. – М.: Добросвет, 1998. – 289 с.
- 109 Скворцов Н.Г. Трудовая миграция в современной России: этническое измерение социального неравенства // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 4. – С. 32–40.
- 110 Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика.– 2007. – № 3 (23). – С. 115–118.
- 111 Соснина И.В. Трудовая миграция в жизненных историях: контекст социальной интеграции: автореф. дисс.... канд. социол. наук / И.В. Соснина. – Саратов, 2012. – 19 с.
- 112 Толстокорова А.В. «Жди и помни меня». Украинская транснациональная семья как объект гендерного анализа // Диаспоры. – 2012.– № 2. – С. 6–24.
- 113 Толстокорова А.В. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 4 (69). – С. 142–158.
- 114 Толстокорова А.В. Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 64–88.
- 115 Толстокорова А.В. Транснациональная и гендерная парадигма в изучении международной мобильности на примере Украины // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 98–121.
- 116 Торкунова О.И. Нарративные биографические интервью как метод изучения гендерной социализации и гендерных установок // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 172–183.

- 117 Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / под ред. Дятлова В.И. – Екатеринбург, 2009. – 396 с.
- 118 Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России / О.Д. Выхованец [и др.] – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. – 144 с.
- 119 Трансформация миграционных процессов в постсоветском пространстве / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2008. – 432 с.
- 120 Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии: серия аналитических записок по человеческому развитию для стран Центральной Азии // Eurasian development bank. – М., 2015. – 81 с.
- 121 Тюрюканова Е.В. Женская трудовая миграция // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. – М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. – С. 64–80.
- 122 Тюрюканова Е.В. О необходимости совершенствования гендерной статистики миграции // Гендерные подходы в формировании политики регулирования трудовой миграции: экспертная оценка. – Алматы, 2012. – С. 83–92.
- 123 Хушкадамова Х.О. Женское лицо миграции // Социс. – 2010. – № 5. – С. 99–104.
- 124 Чудиновских О.С. Сколько в России международных мигрантов // Мигранты, мигрантофобия и миграционная политика / под ред. В.И. Мукомеля. – М.: «Academia», 2014. – С. 31–50.
- 125 Шебанова М.А. Агенты транснационализма // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 154–156.
- 126 Шюц А. Структура повседневного мышления [Электронный ресурс] // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
- 127 Эдилова Р.Э. Нормативно-правовое регулирование миграционных отношений в России: проблемы и пути их преодоления // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 204–206.
- 128 Элебаева А. Миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. – М., 2009. – С. 377–404.
- 129 Юдина Т.Н. Мотивационные установки трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья на социальную и культурную адаптацию и интеграцию в Москве // Социальная политика и социология. – 2015. – Т.14, № 3 (109), ч. 1. – С. 79–86.

- 130 Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 70–77.
- 131 Amelina A., Faist T. De-naturalizing the national in research methodologies: key concepts of transnational studies in migration // Ethnic and Racial Studies. –2012. – Vol. 35. № 10. – P.1707–1724.
- 132 Baobak R., Faist T. Diaspora and transnationalism: concepts, theories, method. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 359 p.
- 133 Baubock R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism // International Migration Review. – 2003. – № 37(3). – P. 700–723.
- 134 Brettell C.B., Altstatt K.E. The Agency of Immigrant Entrepreneurs: Biographies of the Self-Employed in Ethnic and Occupational Niches of the Urban Labor Market // Journal of Anthropological Research. – 2007. – № 63(3). – P. 383–397.
- 135 Caglar A. Still «migrants» after all those years: foundational mobilities, temporal frames and emplacement of migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2016. – № 42 (6). – P. 1–18.
- 136 Donato K. et al. A Glass Half Full? Gender in Migration Studies // International Migration Review. – 2006. – Vol. 40, № 1. – P. 3–26.
- 137 Faist T. Transnationalization in internal migration: implications for the study of citizenship and culture // Ethnic and racial studies. – 2000. – № 23 (2). – P. 189–222.
- 138 Glick Schiller N. «Transnationality» // A Companion to the Anthropology of Politics / eds. D. and J. Vincent. – Malden, 2005. – P. 448–467.
- 139 Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. – 1995. – № 68(1). – P. 48–63.
- 140 Glick Shiller N., Basch L., Szanson Blanc C. Transnationalism: A New analytic framework for understanding migration // Annals New York Academy of science. – 1992. – P. 1–21.
- 141 Glick Shiller N., Caglar A. Migrant incorporation and city scale: towards a theory of locality in migration studies // Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations. – 2008. – № 2/07. – P. 1–44.
- 142 Ismailbekova A. Migration and patrilineal descent: the role of women in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2014. – Vol. 33, № 3. – P. 375–389.
- 143 Kamp M. Women’s Studies and Gender Studies in Central Asia: Are We Talking to One Another // Central Eurasian studies review. –2009. – Vol. 8, № 1. – P. 2–12.

- 144 Kiray M. The Family of the Immigrant Worker // N. Abadan-Unat (ed.). Turkish Workers in Europe 1960-1975. A Socio-economic Reappraisal. – Leiden, 1976. – P. 210–234.
- 145 Levitt P. Transnational migration: tacking stock and future directions // Global networks. – 2001. – № 1, 3. – P. 195–216.
- 146 Lutz H. «Good Motherhood» – a dilemma of migrant women from Eastern Europe // An Anthology of Migration and Social Transformation. – 2016. – P. 245–258.
- 147 Patricia R. Pessar S. J. Mahler Transnational Migration: Bringing Gender In // International Migration Review. – 2003. – Vol. 37, № 3. – P. 441–459.
- 148 Rocheva A., Varshaver E. Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation // Asia-Pacific population journal. – 2017. – Vol. 32, № 2. – P. 87–137.
- 149 Schuler M. Les migrations de population en Kirghizstan // Espace. Populations. Sociétés. Les populations d’Asie centrale. – 2007. – № 1. – P.73–89.
- 150 Scott J. Quantitative methods and gender inequalities // International Journal of Social Research Methodology. – 2010. – Vol. 13, № 3. – P. 223–236.
- 151 Thadani V.N., Todaro M.P. Female migration: a conceptual framework // Women in the cities of Asia: migration and urban adaptation / Ed. J. T. Fawcett, S.E. Khoo, P. C. Smith. – Boulder: Westview Press. – 1989. – P. 36–59.
- 152 Thieme S. Living in transition: how Kyrgyz women juggle their different roles in a multi-local setting // Gender, Technology and Development. – 2012. – № 12 (3). – P. 325–345.
- 153 Vertovec S. Transnationalism and identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2001. – № 4. – P. 573–582.
- 154 Woolley F. Visible minorities: distinctly Canadian [Электронный ресурс]// Worthwhile Canadian Initiative. – URL: http://worthwhile.typepad.com/worthwhile_canadian_initi/2013/05/visible-minorities-distinctly-canadian.html (дата обращения 25.04.2018).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Рис. № 1. Уровень жизни в странах СНГ

Рис. № 2. Распределение упоминаний этнонимов в СМИ г. Томска

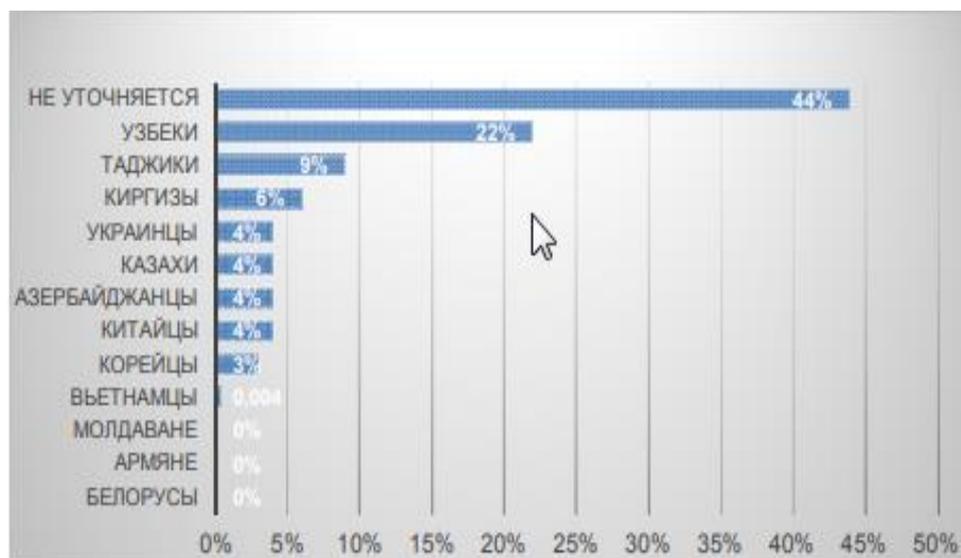

Рис. № 3. Журнал «Территория согласия». Киргизы – тема номера. – 2008. – № 3 (17).

Рис. № 4. Рис. № 5.

МАЙ МАЙРАМИНА КАРАТА SHOW КОНЦЕРТ
АРАЗ АКИМОВ ЭРНИСТ БОРУБАЕВ ИЛЬЯЗ АБДРАЗАКОВ
9 ТОМСК
МАЙ
ДК АВАНГАРД
УЛ. БЕЛА КУНА 20
БАШТАЛЫШЫ: 20:00
БИЛЕТ БААСЫ: 300 P.
WHATS APP: +7 923 239-92-97 CHINGIZ_M
ТЕЛ: +7 956 911 86 29

19-АПРЕЛЬ / ЧИТА
20-АПРЕЛЬ / УЛАН-УДЭ
21-АПРЕЛЬ / ИРКУТСК
22-АПРЕЛЬ / КРАСНОЯРСК
23-АПРЕЛЬ / НОВОСИБИРСК
24-АПРЕЛЬ / ТОМСК
28-АПРЕЛЬ / ХАБАРОВСК
29-АПРЕЛЬ / ЮЖНО-САХАЛИНСК
30-АПРЕЛЬ / ВЛАДИВОСТОК
MEDIA SKY
АЯНА КАСЫМОВА
НУРЛАН НАСИП
ШОУ КОНЦЕРТ
АЛЫП БАРУУЧУ: АЗАМАТ ШЕРАЛИЕВ
WHATS APP: +996 706 408585

Рис. № 6.

15 МАЯ / В 22:00
ТОМСК
УЛ. ЛЕНИНА, 41 КЛУБ «ПРАВДА»
ВХОД: 300 р

BAHA DJO

ГОСТИ:

АЗАМАТ ИСМАИЛОВ НАЗГУЛЬ ТОКТАФОНОВА

СОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ + ВЕЧЕРИНКА

О М Л Р

WHATS APP: +7 923 239 92 97

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ: +7 952 756 00 03, +7 953 911 86 29

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Гайд биографического интервью

Дата проведения интервью	Начало проведения интервью	Продолжительность интервью	Ф.И.О. интервьюера

ФИО информанта (или псевдоним)	
Возраст	
Образование	
Должность, количество лет, прожитых в России, или другая релевантная информация	
Место и особенности проведения интервью (описание контекста)	

Блок №1 Биографическая ситуация

- Расскажите, пожалуйста, о своей родительской семье. Есть ли у Вас братья или сестры? Чем занимались Ваши родители? Вы воспитывались в полной семье?

- Где Вы учились? Какое образование получили?

- Скажите, пожалуйста, помогали ли Вы родителям во введении домашнего хозяйства? Бывали случаи, когда Вы подрабатывали? Где Вы подрабатывали? Почему решили начать работать?

Расскажите, пожалуйста, о своей семье? Есть ли у Вас муж и дети? Сколько лет Ваши детям? В каком возрасте вышли замуж? Где сейчас живет Ваша семья?

Блок №2 Трудовая траектория

- Теперь давайте поговорим о Вашем переезде. Расскажите, пожалуйста, почему Вы решили уехать в Россию? Откуда Вы узнали о городе, как получали информацию? Кто принимал участие в принятии решения? Можете ли вспомнить и описать свой первый день в России?

- Чем Вы занимались, кем работали? Кто помог Вам с трудоустройством? Можете ли Вы рассказать о процессе оформления и получения документов? Скажите, пожалуйста, как Вы искали жилье?

- Где Вы живете сейчас и кем работаете? Какие у вас условия труда?

- Сколько часов в день вы работаете? Сколько дней в неделю вы работаете? Сколько у вас времени на отдых и чем вы занимаетесь в свободное время?

- Как обстоят дела с жильем/питанием/медицинским обеспечением?

- Возникают ли какие-то трудности с языком?

- Помогаете ли вы родственникам деньгами или хватает только на жизнь? Можете откладывать деньги на что-то?

Блок №3 Стратегии адаптации

- Скажите, пожалуйста, что изменилось в Вашей жизни после переезда? В чем это проявляется?

- Что для Вас казалось необычным, странным? Сейчас Вы к этому привыкли?

- С какими трудностями Вы столкнулись?

- Насколько сейчас Вы привыкли к жизни в России? В какой степени комфортно Вам жить в Томске?

- Что Вам понравилось в городе, районе проживания, на работе?

- С кем вы чаще всего общаетесь?

- Знаете ли вы, есть ли в Томске ваше землячество или национальная община? Состоите ли вы в ней?

- Появились ли у Вас за время проживания в России новые знакомые и друзья? Кто эти люди, как Вы с ними познакомились? Есть ли среди них местные жители?

- Как часто Вы общаетесь с местными жителями? Какие это отношения: чисто рабочие, дружеские, соседские и т.п.?

- На Ваш взгляд, в целом как местные жители к Вам относятся? Можете ли Вы вспомнить какие-нибудь негативные или положительные ситуации взаимодействия с местными жителями?

- Ощущаете ли Вы себя местным жителем, томичом?

- **Если человек переехал с семьей.**

- Расскажите, пожалуйста, чем сейчас занимается Ваш муж? Чем занимаются Ваши дети? Где они учатся? Какие у них отношения с учителями, одноклассниками? Учувствуете ли Вы или Ваш муж в жизни школы (посещение родительских собраний, праздничных мероприятий)? Кто в семье следит за успеваемостью детей/ребенка?

Блок № 4 Ожидания – результаты

- Можете ли Вы сказать, что здесь Вы живете лучше или хуже? Почему?

- Как бы Вы описали Ваше финансовое положение до переезда в Россию? Какое оно сейчас? Как Вы думаете, за счет чего оно изменилось?

- Если бы у Вас была возможность изменить свое решение о переезде, какой выбор Вы сделали бы?

- Считаете ли Вы, что в России Вы чем-то ограничены по сравнению с русскими? Есть ли у Вас какие-либо негативные ощущения? С чем они связаны? Какие положительные моменты Вы можете отметить?

- Что Вам бы хотелось изменить в Вашей жизни? Есть ли то, чего Вам стало не хватать после переезда? Поддерживаете ли Вы связь с друзьями и родственниками, которые живут в другой стране, городе? Как Вы с ними общаетесь? Что Вы им рассказывали о своей жизни в России? Как они относятся к Вашему выбору? Кто-либо из Ваших друзей или родственников планирует переехать в Россию?

Блок № 5 Проективные траектории

- Какие Ваши ближайшие планы? Чем бы Вы хотели заняться в будущем или каким-то образом поменять свою жизнь?

- Что Вы считаете, смой главной целью для себя сейчас? От чего зависит ее достижение?

- Планируете ли Вы остаться в России? Сменить место жительства? Хотели ли бы Вы вернуться в прежнее место проживания?

- Каким Вы видите будущее своих детей? Вы хотели бы, чтобы они жили в России?

- Если бы у Вас была возможность, чтобы Вы поменяли в своей жизни?

- Какие изменения необходимы, по Вашему мнению, которые позволили бы улучшить положение трудовых мигрантов в Томске?

Блок № 6 Национальные организации и религиозные общины

- Знаете ли вы что-нибудь о землячестве, диаспоре, автономии, национальной общине или другой организации вашего этноса в регионе? Откуда вы о ней узнали? Каким образом и кто может вступить в нее? Входите ли вы в ее состав?

- Какую помощь могут предоставить такого рода учреждения и организации? Что дает организация вам?

- Как вы связаны с религиозной общиной г. Томска? Какую помощь и поддержку получаете от религиозной общины?

Из интервью с К., 47 лет (продолжительность 37 минут)

И: Расскажите для начала, сколько Вам лет и откуда Вы приехали?

Р: Я приехала в 2014 году, летом. Мой старший сын еще в 2012 году приезжал сезонно работать на стройке у нашего земляка в бригаде, а мы с мужем жили в Оше, у нас квартира трехкомнатная до сих пор там. Но потом умер муж, так сложилось. Была тяжелая болезнь, долго болел, практически все деньги, которые отправлял сын, уходили на лечение, но без этого никак. Я приехала из Оша, хотя сама родом из Ошской области, Узгенского района, там родилась, школу закончила, познакомилась с будущим мужем тоже там, а потом после 8-го класса приехала поступать в техникум. Тогда были швейные, обувные техникумы. Отучилась и вышла замуж там же. Насчет возраста спросила, я 1971 года рождения, такая вот у меня жизнь.

И: До смерти мужа Вы не думали, что поедите в Россию работать?

Р: Нет, не думала. Мой муж хорошо зарабатывал, жили мы достаточно хорошо. Квартира, машина была. Дети учились в хороших лицеях. У меня их трое. Вот, старший в 1992 году родился, остальные помладше. Получается так, что я окончила училище, потом немного работала в новом, тогда открывшемся заводе, где перерабатывали шерсть, хлопок, ткани изготавливали, были хорошие станки, все было строго, по пропускам все. Как в России. Цех большой, красивый, и я гордилась собой, что там работаю. Но проработать мне и моим подругам удалось там только пару месяцев. После очередной проверки выявили нарушения и закрыли. Я думаю, это связано с тем, что уже приближалось время развала СССР, и богатые авторитетные люди в нашем городе делили территории. Так и получилось, что я вышла замуж и не работала вообще там. Родила двоих подряд, ушла с цеха, сама превратилась в цех по производству детей (смеется). У мужа все было хорошо, у него высшее образование, работа хорошая, когда даже не было зарплаты, он приносил продукты разные, всегда дома было, что покушать. Он был помощником руководителя магазина, счетовод, а потом перешел работать в администрацию города. Не хотел, чтобы я работала, говорил, что я должна воспитывать детей, следить за домом. Так и было и мне все нравилось, я находила себе занятие дома с детьми, готовила.

И: Не жалеете, что там не работали?

Р: Нет, не жалею, мои однокурсницы работали и день и ночь в швейных цехах, а получали очень мало. Сейчас конечно, все немного иначе, кто то из их открыл в Оше свои цеха, а кто-то работая, всю жизнь, все равно, так как же, как и я отправились в Россию зарабатывать деньги. Они мне, когда я уезжала, говорили, что мне не нужно ехать в Россию, у меня есть квартира, можно жить спокойно, а я так не смогла....

И: Что же так повлияло на Вас?

Р: После смерти мужа, как будто потеряла смысл жизни, хотя и дети есть. Будни превратились во что-то бесконечно и тоскливое. Сейчас могу сказать, что это была депрессия. Может, если бы у меня была работа, то смогла бы как то успокоиться, но не получалось, так сидела полгода. После сына у меня дочь, она 1993 года рождения, решила поехать в Москву, она училась в то время еще в Университете в Бишкеке. Я ей запретила, сказала, чтобы она обязательно отучилась, а потом думала, что делать дальше. Но контракт оплачивать было тяжело, но мы смогли, были сбережения мужа. Второй сын – младший 97 года, сейчас он учится в Политехе в Бишкеке, тогда он оканчивал школу, и я решила ехать, вместе со старшим сыном в Томск, оставила сына на бабушку, дочь еще снимала квартиру в Бишкеке, тогда поняла, что обрела смысл – жить и работать ради детей, чтобы обеспечить им будущее. Хотела, чтобы они были образованы...

И: А в последний раз когда были в Кыргызстане?

Р: На новый год туда полетела, захотелось с сыном и с мамой отметить. Сын взрослеет, в университете учится хорошо, начал с девочками встречаться (смеется). Вот, отправилась на разведку. Мы с ним каждый день общаемся по вотцапу, но он стесняется, когда я о девочках спрашиваю Его тоже надо скоро женить. Хочу, чтобы он закончил,

устроился в Бишкеке на хорошую работу. Хотим купить там квартиру и продать ту, которая в Оше?

И: А в той квартире сейчас никто не живет?

Р.: Нет, никто не живет. Просто закрыли на замок и уехали (смеется)?

И.: А почему не сдаете?

Р.: Это мой дом, не хочу, чтобы квартиранты жили. Они все испортят и мебель, и обои, и технику. Все деньги, которые они мне платили, я потрачу на то, чтобы восстановить все. А столько нервов еще...Мы далеко, сын в Бишкеке, сложно очень следить за квартирантами. А так приезжаешь в Ош и знаешь, что у тебя есть квартира, тихая, чистая и просторная. В любое время можно приехать. Я себя там чувствую как дома. Когда дочь с мужем приезжают, у них тоже ребенок, они останавливаются в Оше в нашей квартире. Там очень хороший ремонт, пластиковые окна. Вся техника работает!

И.: А как же квартира здесь, ведь большую часть времени Вы проводите в Томске. Или у Вас есть желание купить квартиру в Томске?

Р: Здесь квартиру мы снимаем, она хорошая. Все нужное есть и не более того, за красоту надо платить. А тут хорошие условия, все работает, ванна и туалет, отопление есть. Техника не такая новая, также как и мебель, но пользоваться можно. На счет купить квартиру в Томске, думали, но это только в планах у сына моего...

Из интервью с Г., 32 года (положительность 1 час 59 минут)

И: Понятно, расскажите о своем первом впечатлении о Томске?

Р: Знаешь, что меня привлекло – люди приветливые и климат подходящий, к нашему нарынскому климату (Нарынская область – горный северный регион КР) (смеется). А когда общаешься с клиентами, узнаешь, они говорят: «А ты знаешь, что это Ваша земля (кыргызов) на самом деле!» Ты же знаешь, студенты изучают это. Енисей тут рядом и про это рассказывали, это меня привлекло тоже. Желание было видеть новое.

И: А Вы на чем приехали и что ехали к брату, как все было?

Р: Я приехала на поезде. Не страшно, потому что брат рядом, все равно, защиту чувствуешь..

И: А как Ваши родители отнеслись к отъезду?

Р: Нормально, брат здесь один, они не хотели, чтобы он был один, поэтому согласились. У нас в семье шестеро детей, мама одна нас растила. В 30 с чем то лет она вдовой осталась, а папе 42 года была. На руках я, мне тогда три года была и еще 8 месяцев ребенок. В 88 г. она родила младшую, в 89 г. папа умер. Начались 90-е, на руках ребенок и вот, она шестерых на ноги поставила и работала. Мы тогда жили в Мин-Куше, тогда у нас была 3-х комнатная квартира, а рядом в селе Чаек был дом бабушки, там жили квартиранты, она его восстановила и повезла нас туда. Она говорила, что там наши корни. Люди того возраста хотят, чтобы их дети корни знали. Мы там жили, не знали, что такое деревня вообще. Сейчас она тоже там в деревне. Старший брат с ней живет. У меня два брата и четыре сестры.

И: А тот брат уехал?

Р: Нет, он до сих пор здесь живет. Они уже троих родить успели!

И: Как замечательно!

Р: В 2008 г. племянница первая родилась. Сейчас трое у них. Когда я приехала, здесь никого не знала. Год не видела кыргызов, кроме брата, снохи и ее родственницы. Она чуйская (с Чуйской области КР – прим. автора). Потом только через году, я за это время работала в двух парикмахерских. Потом брала выходной то на одной работе, то на другой и выходила на «Народный рынок» (в двух кварталах от ее нынешнего места работы и проживания). Продавала там платья, у меня брат открыл. В то время никто платья не продавал, на рынке их не было, а мой брат стал заказывать и начал привозить интересные платья, юбки. А после него все начали платья продавать, а оказалось, что

раньше они продавали в основном ширпотреб. А брат начал привозить юбочки с бантом, французская длина, а они (продавцы на рынке) такого не знали. Они все с Оша, привозили штаны, бабушкины платья. А классику брат начал привозить с Новосибирска. Все начали такие же привозить и конкуренция. Потом закрыли...

И: Расскажите, а что дальше происходило?

Р: Дальше работала в парикмахерской. Но уже завязались знакомства с девушками-землячками...

И: А у Вас был официальный брак?

Р: Нет, не было. Он хотел для начала получить гражданство, а потом оформить брак. А когда ребенок родился, он начал бегать, чтобы получить пособие от государства. Еще месяца не было ребенку, я с разрывом, он меня возил получать свидетельство, оформлять отцовство и другие необходимые документы. Я от него не требовала, не заставляла соглашаться на отцовство, он сам. Получив деньги, он просто так поехал в Кыргызстан, просто так. При этом ребенку ни одну шапочку, ни одну конфетку или печенюшку не привез. Вот, это мне обидно. Пособие ведь для ребенка, нужно что-то покупать ребенку. Даже ребенку коляску не купил, до сих пор обидно, но это был показатель, окончательно поставила точку тогда. Он тогда собирался покупать там дом, ему помогла моя родственница, она работает в агентстве. Она нашла ему дом, а точнее времянку, оформил все документы и привез сюда. А когда я уходила, я забрала все эти документы и ушла к брату. Я сказала своей свекрови: «Или Вы меня живой отвезете домой или мертвый труп!» Сама настояла и они сами меня отвезли. Это моя жизнь, не хочу видеть его.

И: А Вы после не общались с отцом ребенка, со свекровью?

Р: Нет, не общаюсь до сих пор. Я оставила ребенка в год и три месяца своей маме, отвезла его в Кыргызстан. Было тяжело, приехала и начала работать. Он был здесь и жил здесь, все друзья от меня отвернулись. Бизнес у матери стал меньше, всего две кафешки было у них на тот момент. Она потом сильно болела и они обанкротились. Когда уходила, я ничего плохо им не сказала, как ни крути, он ее сын, Бог рассудит всех нас. У меня есть ребенок. Я документы с собой забрала, хотела на алименты подать или половину из той суммы, которая ушла на покупку дома, себе взять, но моя сноха сказала, что я должна отдать. Они мне жизнь сломали, а так бы осталась у разбитого корыта. Но отдала все, оставила. Свекровь мне говорила, что я тут не смогу с ребенком и мне будет тяжело, а я хотела отказ сделать от отцовства, чтобы его окончательно опозорить. Но я ей сказала тогда, что я отсюда никуда не уеду, я должна очистить свое имя, которое испортил ее сын...

Из интервью с С., 24 года (продолжительность 45 минут)

И: А почему Вы оставили родительский дом в 19 лет и решили приехать сюда?

Р: Это зависело и связано с тем, что родители живут не достаточно хорошо и не могли обеспечить своих детей, потому что у нас не было ни работы, тем более в деревне. У нас деревня не большая и у нас тоже нет работы в принципе. Заниматься нечем. Вот, поэтому пришлось уехать, была такая вот, сложная ситуация, так и решили, что уехать и здесь работать- это выход, пришлось так с семьей расстаться.

И: Как Ваши родители отреагировали на то, что Вы решили уехать?

Р: Это было сложное решение для родителей. Они сначала согласились, потому что у меня здесь была сестра, она здесь уже давно освоилась и к ней меня отпустили. Они знали, что я буду под ее присмотром, что она будет мне помогать. Я не буду одна в другой стране, есть родной человек, наверное, поэтому они все же отреагировали спокойно. Еще, они понимали, что в нашей деревне, да и в ближайшем городе нет перспектив, что нельзя учиться, получать образование, развиваться, а здесь, особенно в Томске можно. Также они доверяли мне, что все со мной будет хорошо, можно сказать...

И: Сейчас у Вас есть семья?

Р: Да, я недавно вышла замуж. Прошло всего два месяца, мы поженились здесь в Томске. Я не планировала выходить замуж в этом году, мы знали друг друга достаточно хорошо, общались как друзья вначале, а потом как то стали парочкой и он предложил пожениться здесь. У меня не было таких планов на ближайшее время замуж выходить, но так сложилось. Но познакомились мы с мужем в Томске, он тоже из Кыргызстана, но он дольше, чем я здесь.

И: А как Ваши родители отнеслись к тому, что Вы вдали от родины, от них решили выйти замуж?

Р: Сначала они были против, потому что им сложно приехать сюда, итак, они и не смогли. А со стороны мужа родители одобрили, они здесь тоже живут. Но тогда они были в Кыргызстане, родители наши встретились, переговорили и они одобрили наш брак. Они узнали, какой он человек и оказалось, что родители давно как то были знакомы, это и дало толчок тому, что они согласились...

И: А вот, что Вас не устраивает в своей жизни, может, жилье или мед. обслуживание?

Р: Конечно, в первую очередь, это жилье, у мигрантов всегда проблемы, приходится снимать квартиру, оплачивать за все. На данный момент я бы хотела купить себе дом частный. В плане мед. обслуживания, я в прошлом году заболела ангиной, там меня очень хорошо обслуживали. Все это покрывал полис медицинского страхования (ДМС), то есть, все бесплатное. Здесь, мне кажется, медицинские учреждения, намного лучше и очень хорошо работают, чем у нас. Потому что здесь по полису бесплатно обслуживают и лечат. А когда рождаются дети у мигрантов или вообще без документов, роды производятся бесплатно, им дают питание, одежду. У меня очень много знакомых, которые здесь рожали детей в Томске, сказали, что тут очень хорошо относятся и помогают...

Из интервью с Ж., 32 года (продолжительность 56 минут)

И: Можете ли Вы сказать, на каком языке Вы дома разговариваете и были ли у Вас трудности с языком здесь?

Р: С русским языком трудностей не было. В Бишкеке вторым языком является русский. Я окончила русскую школу, и с языком не было никаких проблем. Когда приехала сюда, тоже все было нормально. И дома мы стараемся разговаривать на родном языке, чтобы дети знали и понимали какой национальности они, но конечно, чисто на своем родном языке разговаривать не получается и так смешено говорим некоторые слова заменяем словами из русского, некоторые из кыргызского (смех). Мы стараемся дать своим детям почувствовать что-то из своего народа.

И: Спасибо большое, следующий блок у нас стратегии адаптации. Что изменилось в финансовом положении в семье, которая в Кыргызстане?

Р: Первое время, конечно, я не думаю, что у моих родителей улучшилось положение. Они старались мне помочь, чтобы мне в одиночество хоть как то было утешением, они отправляли мне деньги. Помогали мне, и позже я стала им помогать. И как бы с периода моих студенческих лет и сейчас есть разница, можно сказать, что мы поменялись ролями, теперь я им высылаю деньги. Думаю, да, изменилось к лучшему для них.

И: Было ли что-то в Томске в первое время, что Вас удивило ил и поразило?

Р: В Томске прям, чтобы что-то меня так поражало за весь период моей жизни здесь ничего такого там не было. В первое время мне было удивительно больше то, что с новым зданием соседствует старое деревянное здание, которое вот- вот развалится (смех) и еще эти автобусы на метане, которые мне казались очень странными. Меня удивляло, как люди хорошо относились к другим национальностям. Иногда да, было такое, все-таки,

различается менталитет Кыргызстана и России, тут отношение людей и там и там хорошие, но все же, оно отличается. Например, здесь с родителями по-другому общаются, а в Кыргызстане по-другому, в первую очередь у нас к старшим обращаются на «Вы». И как бы на какие-то темы стараются не разговаривать. А тут дети с родителями стараются делиться всей информацией и на «ты» обращаются, это конечно, их сближает, но мне нравится как у нас. Это все-таки, родители и есть какая-то субординация между ними.-

И: А сейчас как к этому относитесь?

Р: С годами ко всему этому привыкаешь, ты сам становишься частью этой жизни, но мое отношение к моим родителям не изменилось, оно такое же как было раньше. Стараюсь также, чтобы мои дети также ко мне относились и знали, как жили мы в то время, как они сейчас живут...

И: К этому вопросу, как раз таки, следующий. Можете ли представить то, что Ваши дети могут жениться или выйти замуж за человека другой национальности, как Вы отнесетесь?

Р: Я даже об этом не думала, но я не думаю, что мы отнесемся негативно, потому что у нас есть русские друзья. Русские семьи, с которыми мы дружим, мы живем на территории русских (смех). Нормально отнесемся, потому что наши дети знают и ту и эту культуру. Если они выбрали человека другой национальности, почему бы и нет.

И: Хорошо, а как Вы считаете. А если бы Вы не приехали сюда, как бы сложилась Ваша жизнь там?

Р: Она отличалась бы, потому что здесь больше возможностей для развития, чем дома. Там все только развивается, маленькая страна. А в России уровень жизни лучше, зарабатываем больше.

И: Хорошо, а что Вам все-таки, кыргызстанского не хватает?

Р: Людей наших не хватает, лепешек наших на каждом углу (смех), наших маршруток наших. Много чего не хватает, но и здесь что-то стало родным.

И: А как Вы восполняете нехватку?

Р: Поездками! (смех)

И: А в соц. сетях?

Р: С родителями в Одноклассниках, ватсап, Вконтакте со студенческих времен, но не так часто, просто, чтобы убить время.

Из интервью с А., 40 лет (продолжительность 33 минуты)

И: Можете ли за это время Вы назвать себя томичкой? И что чувствуете, когда приезжаете на Родину?

Р: Я так как уже прожила здесь 15 лет, считаю себя томичкой в какой то мере. Но нас всегда тянет туда, на родину, у нас живут родители. Я когда приезжаю туда, естественно, в тот город, в котором я родилась и выросла, мне кажется, что для него и в нем я совсем другая. Меня не сильно это смущает, я себя нормально чувствую.

И: А что еще именно в Вас изменилось?

Р: Я честно говоря, начала смотреть другим взглядом смотреть на свою родину Киргизию, но не знаю, как правильно это сформулировать?

И: Может насчет отношения к ней?

Р: Да, я положительно отношусь, но мне кажется, что мне комфортно жить здесь, когда я приезжаю туда, меня тянет обратно в Россию. Наверное, я уже привыкла к этим условиям?

И: А есть ли то, что Вы вначале не хотели принимать здесь, а уже за столько времени Вы это принимаете как норма?

Р: Поначалу, когда я сюда приехала, мне было очень скучно, мне хотелось очень часто туда уехать. Не могла привыкнуть к атмосфере, потому что не хватало общения с людьми, я все время находилась дома, и хотелось уехать. А со временем, когда появились

дети, вышла на работу, сформировался круг друзей, все это как бы перестало меня волновать...

Из интервью с Ж., 27 лет (продолжительность 50 минут)

И: А кто еще из Ваших родственников здесь?

Р: Тетя, дядя, родная сестра моя старшая здесь.

И: А в какой они сфере работают?

Р: Они также как и мы торгуют, они тоже здесь уже с семьями живут.

И: А Вы часто собираетесь?

Р: Не знаю, как сказать часто или нет, но мы собираемся в месяц один раз, как у нас у всех получается, сразу же собираемся. На праздниках обязательно устраиваем посиделки, чаще всего, конечно, это на Новый год, Курбан айт, дни рождения, либо когда кто то из нас уезжает в Кыргызстан и приезжает, тоже собираемся.

И: Вы говорили немного уже о религии, а здесь что-то у Вас изменилось сейчас?

Р: Мой муж только по пятницам ходит в мечеть. А так в семье, конечно, изменилось. Мы когда садимся за стол, иногда забываем сказать «Биссимиллах!» (смеется). А иногда встаем без «Амин», иногда вообще кушаем по отдельности, сначала я, а потом муж. А у нас там – на родине все по-другому, все вместе собираются и кушают. А также молитвы, ну они не изменились.

И: А Вы здесь держите мусульманские посты в Томске?

Р: Здесь на рынке все стараются держать пост в священный месяц Рамазан, точно могу сказать, что в этом и прошлом году, несмотря на погоду, такая жара же стояла в июле. А я, к сожалению, не держала. Я, наверное, не держу уже вроде почти пять лет, беременность, кормление и все такое, а потом уже в этом году как то побоялась, вдруг не смогу выдержать, а это неправильно.

И: Вы говорили уже о том, что Вам здесь нравится, а вот, есть ли то, что Вам не нравится в Томске?

Р: Опять же скажу, наверное, про погоду, очень холодно, а еще и зима намного дольше длится, чем дома. А лето быстро заканчивается, а остальное меня устраивает...

Введите текст:

...или загрузите файл:

Файл не выбран...

Выбрать файл...

Укажите год публикации:

Выберите коллекции

Все

Рефераты

Авторефераты

Иностранные конференции

PubMed

Википедия

Российские конференции

Иностранные журналы

Российские журналы

Энциклопедии

Англоязычная википедия

Анализировать

Обработан файл:

МД_Джанызакова_С.Д..pdf.

Год публикации: 2018.

Оценка оригинальности документа - 100.0%

Процент условно корректных заимствований - 0.0%

Процент некорректных заимствований - 0.0%

Время выполнения: 35 с.

Заимствования отсутствуют

100.00%

[Дополнительно](#)

